

СОЧИНЕНІЯ

Александра Пушкина.

ТОМЪ ДЕВЯТОЙ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

МDCCCXLI.

СОЧИНЕНІЯ А. ПУШКИНА.

ІХ.

СОЧИНЕНІЯ

Александра Пушкина.

ТОМЪ ДЕВЯТОЙ.

Изданіемъ Ильи Глазунова, Матвѣя Заикина и К^о.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. ГЛАЗУНОВА И К^о.

MDCCCLXI.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ, Апрѣля 29 дня 1840 года.

Ценсоръ Никитенко.

№ 3130

Издатель Матвей Звениговъ

ОГЛАВЛЕНІЕ ДЕВЯТАГО ТОМА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

	<i>строк.</i>
Мѣдный Всадникъ	3
Каменный гость	27
Русалка	71
Галубь	107

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Памятникъ	121
Разлука	123
Желаніе	125
Сѣтованіе	128
Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума	129
Художнику	131
Въ альбомъ	132
Демонъ	133
Три ключа	135
Нажъ, или пятидесяти-лѣтній король	136
А. Д. Баратынской	137
Д. В. Давыдову (при посылкѣ истор. Пугачев бунта)	138
Въ альбомъ Мих. Андр. Щербинину	139
Осеннее чувство	141
Ея глаза (въ отвѣтъ на стихи князя В — го)	142

Антологическія стихотворенія:

I. Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила	143
II. Не розу Гяеотскую	144
III. LVII ода Анакреона.	145
IV. Богъ веселый винограда	146
V. Юноша! скромно пируй	147
VI. Мальчику (изъ Каталла).	148
VII. Изъ Анакреона (огривочъ).	149
Подражаніе Итальянскому	150
Жалоба	151
Добрый совѣтъ.	152
Къ ***	153
Подражаніе Арабскому	154
Лейла	155
М. А. Г.	156
Липейская годовщина.	157
Къ Н **	159

II

	<i>страни.</i>
Разставаніе	160
Романсъ	161
Аквилонъ	162
Ночью, во время безсонницы	163
Заклинаніе	164
Капризь	166
Отрывокъ	168
М*	171
Подражанія Данту	172
Родригъ	177
Отрывокъ.	183
Альбомъ Онѣгина	187
Сцены изъ Бориса Годунова	193
Последніе цвѣты	200
Къ женщинѣ-поэту	201
Кто знаетъ край	202
Альфонсъ (начало поэмы)	205
Осень	207
Начало поэмы	212
Кромѣшникъ.	215
Герой	218
В. С. Ф***	222
Сказка о купцѣ Кузьмѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ	225
ПОСЛЕДНІЯ ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ А. С. ПУШКИНА.	
Лицейская годовщина.	235
Молитва	239
Опять на родинѣ	240
ПРИБАВЛЕНІЕ. — ЛИЦЕЙСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.	
Къ моей чернильницѣ	245
Вова (отрывокъ изъ поэмы).	249
Красавицѣ, которая нюхала табакъ	259
Къ Натальѣ	261
Къ молодой актрисѣ	264
Князю, А. М. Горчакову	267
Леда (кантата).	269
Оскаръ	272
Эвлега.	277
Окно	280
Разсудокъ и любовь	282
Къ Наташѣ	284
Наслажденіе.	286

III

	<i>стр.</i>
Къ Машѣ	288
Погребѣ	289
Истина	290
Застольная пѣсня	291
Стансы (изъ Вольтера)	293
Делія	295
Къ Деліи	297
Воспоминаніе (къ Пушину)	299
Сонъ (отрывокъ)	301
Къ ней	310
Слеза	312
Элегія :	
I. Опять я вашъ, о юные друзья!	314
II. Осеннее утро	316
III. Сну	318
IV. Любовь одна веселье жизни хладной!	319
V. Мѣсяць	322
VI. Счастливъ, кто въ страсти самъ себѣ	324
VII. Когда пробилъ послѣдній счастью часъ	325
VIII. Друзьямъ	327
IX. Я Лилу слушалъ у клавира	328
Къ Жуковскому	329
Горацій	335
Пирующіе друзья	337
Къ Принцу Оранскому	342
Усы (философическая ода)	344
Къ молодой вдовѣ	347
Къ Дельвигу	349
Къ Дельвигу	352
Мое завѣщаніе друзьямъ	355
Навздникъ	359
Фіалъ Анакреона	363
Сраженный рыцарь	365
Эпиграмма	367
Твой и мой	368
Эпитафія	369
Экспромтъ на А.	370
Къ портрету К***	371
Къ письму	372
Дядѣ, назвавшему сочинителя братомъ	373
Желаніе	374
Заздравный кубокъ	375

IV

	<i>стр.</i>
Отрывки изъ стихотворенія: Фавнъ и Пастушка	377
Къ Живописцу	385
Сонъ (отрывокъ изъ Новгородской повѣсти: Вадимъ)	386
Путешественнику	389
Къ Морфею	390
Взглянувъ когда-нибудь на тайный сей листокъ	391
Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!	392
Въ альбомъ Пилчевскому	393
Сновидѣнiе	395
Она	396
Къ товарищамъ передъ выпускомъ	397
Боже! Царя храни	399
Къ Г. . . . у	400
Мечтатель	403
Къ П. . . . у	407
Городокъ (къ * * *)	410
Безвѣрiе	426
Къ Б — ову	430
Романсъ	434
Воспоминанiя въ Царскомъ селѣ	437
Наполеонъ на Эльбѣ	446

**СТИХОТВОРЕНIЯ, ПРОПУЩЕННЫЯ ВЪ ПОСЛѢД-
НЕМЪ ПОЛНОМЪ ИЗДАНИИ.**

Отрывокъ изъ посланiя В. Л. П — ну	451
Къ Ю у	453
Умолкну скоро я. Но если въ день печали	455
Антологическiй отрывокъ	456
Загадка (при посылкѣ бронзоваго сфинкса)	457
Новыя строфы изъ Евгенiя Онегина	458
Эпиграмма (изъ Антологiи).	464
Къ Каверину	465
Элегiя	466
Эпиграмма	467
Къ Языкову	468
Портретъ	470
Эпиграмма	471
Кривцову, при посылкѣ Вольтеровой поэмы	472
Въ альбомъ	473
Въ альбомъ малюткѣ	474
Объясненiе	475
Французскiе стихи	479

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОВѢСТЬ. *

ВСТУПЛЕНІЕ.

На берегу пуспыннѣхъ волнѣхъ
Стоялъ Онъ, думѣ великихъ полнѣхъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ Нимъ широко
Рѣка неслася; бѣднѣй челнѣхъ

* Происшествіе, описанное въ сей повѣсти, основано на истинѣ. Подробности наводненія заимствованы изъ тогдашнихъ журналовъ. Любопытные могутъ сиравиться съ извѣстіемъ, составленнымъ В. И. Верхомъ.

*

По ней стремился одиноко.
 По мшистымъ, топкимъ берегамъ,
 Чернѣли избы здѣсь и памъ,
 Приютъ убогаго Чухонца;
 И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
 Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
 Кругомъ шумѣлъ.

И думалъ Онъ :

« Опселя грозить мы будемъ Шведу;
 Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
 На-зло надменному сосѣду;
 Природой здѣсь намъ суждено
 Въ Европу прорубить окно ¹,
 Ногою пвердой ступить при морѣ;
 Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
 Всѣ флаги въ-гости будутъ къ намъ —
 И запируемъ на-просторѣ.»

Прошло сто лѣтъ — и юный градъ,
 Полночныхъ странъ краса и диво,
 Изъ пмы лѣсовъ, изъ попи блатъ
 Вознесся пышно, горделиво:
 Гдѣ прежде Финскій рыболовъ,
 Печальный пасынокъ природы,
 Одинъ у низкихъ береговъ
 Бросалъ въ невѣдомыя воды
 Свой вѣхій неводъ, нынѣ памъ
 По оживленнымъ берегамъ

Громады спройныя пѣсняся
Дворцовъ и башень; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ приспанямъ спремяся;
Въ границъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова —
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфиноносная вдова.

Люблю себя, Петра шворенье²;
Люблю швой спрогой, спройный видъ,
Невы державное шеченье,
Береговой ея границъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнашъ моей
Пишу, чипаю безъ лампы,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣшла
Адмиралшейская игла,
И, не пуская шму ночную
На золошья небеса;

Одна заря смѣнишь другую
Спѣшишь, давъ ночи полчаса;
Люблю зимы пвоей жеспокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичьи лица ярче розъ,
И блескъ и шумъ и говоръ баловъ,
А въ часъ пирушки холоспой
Шипѣнье пѣниспыхъ бокаловъ
И пунша пламень голубой;
Люблю воинспвенную живоспъ
Попѣшныхъ Марсовыхъ полей,
Пѣхопныхъ рапей и коней
Однообразную красивоспъ,
Въ ихъ спройно-зыблемомъ спрою
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сянне шапокъ эшихъ мѣдныхъ,
Насквозъ проспрѣменныхъ въ бою;
Люблю, военная сполица,
Твоей пвердыни дымъ и громъ,
Когда полнощная Царица
Даруешъ сына въ Царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова поржеспвуешъ,
Или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несешъ
И, чую вешни дни, ликуешъ.

Красуйся, градъ Петровъ, и спой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ побой
И побѣжденная спихія:
Вражду и плѣнь спаринный свой
Пусть волны Финскія забудутъ
И щепшой злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!

Была ужасная пора:
Объ ней свѣжо воспоминанье
Объ ней, друзья мои, для васъ
Начну свое повѣспиванье.
Печалень будешь мой разсказъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

—

Надъ омраченнымъ Пепроградомъ
Дышалъ Ноябрь осеннимъ хладомъ ;
Плеская шумною волной
Въ края своей ограды спрѣйной,
Нева мепалась, какъ больной
Въ своей поспелъ безпокойной ;
Ужь было поздно и шемно ;
Сердишо бился дождь въ окно
И въперъ дулъ, печально воя.
Въ шо время изъ-госпей домой
Пришелъ Евгеній молодой
Мы будемъ нашего героя
Звашь эпимъ именемъ. Оно
Звучипъ пріятно; съ нимъ давно
Мое перо ужъ какъ-шо дружно ;
Прозванье намъ его не нужно —
Хопя въ минувши времена
Оно, бышь можепъ, и блиспало
И, подъ перомъ Карамзина,

Въ родныхъ преданьяхъ прозвучало;
Но нынѣ свѣпомъ и молвой
Оно забыло. Нашъ герой
Живетъ въ Коломнѣ; гдѣ-то служилъ,
Дичился знашныхъ и не шужилъ
Ни о покойницѣ роднѣ,
Ни о забытой спаринѣ.
И такъ домой пришелъ Евгеній,
Спряхнулъ шинель, раздѣлся, легъ —
Но долго онъ заснуть не могъ
Въ волненьи разныхъ размышленій.
О чемъ же думалъ онъ? О помѣ,
Что былъ онъ бѣденъ; что шрудомъ
Онъ долженъ былъ себѣ доспашилъ
И независимосъ и чеспъ;
Что могъ бы Богъ ему прибавилъ
Ума и денегъ; что вѣдъ еспъ
Такіе праздные счашливцы,
Ума недалняго, лѣнивцы,
Копорымъ жизнь куда легка!
Что служилъ онъ всего два года;
Онъ такъ же думалъ, что погода
Не унималась; что рѣка
Все прибывала; что едва ли
Съ Невы мостовъ уже не сняли,
И что съ Парашей будеспъ онъ
Дня на два, на шри разлученъ.

Такъ онъ мечпалъ. И грустно было
 Ему въ шу ночь, и онъ желалъ,
 Чшобъ въперъ вылъ не пакъ уныло,
 И чшобы дождь въ окно спучалъ
 Не пакъ сердишо....

Сонны очи

Онъ наконецъ закрылъ. И вопшь
 Рѣдѣеть мгла ненаспной ночи,
 И блѣдный день ужъ наспаешъ....
 Ужасный день!

Нева всю ночь ⁵

Рвалася къ морю прошивъ бури,
 Не одолѣвъ ихъ буйной дури....
 И спорить спало ей не въ-мочь....
 Поупру надъ ея берегами
 Тѣснился кучами народъ,
 Любуясь брызгами, горами
 И пѣной разъяренныхъ водъ.
 Но силой въпра опъ залива
 Перегражденная Нева
 Обратно шла гнѣвна, бурлива
 И запопяла острова;
 Погода пуще свирѣпѣла;
 Нева вздувалась и ревѣла,
 Копшомъ клокоча и клубясь —
 И вдругъ, какъ звѣрь оспервенясь,
 На городъ кинулась. Предъ нею

Все побѣжало, всё вокругъ
 Вдругъ опусъло... Воды вдругъ
 Впекли въ подземные подвалы;
 Къ рѣшеткамъ хлынули каналы —
 И всплылъ Пепрополь, какъ Тришонъ
 По поясъ въ воду погружень.

Осада! прислусть! Злыя волны,
 Какъ воры, лѣзущъ въ окна; челны
 Съ разбѣга спекла бьющъ кормой;
 Садки подъ мокрой пеленой,
 Обломки хижинъ, бревна, кровли,
 Товаръ запасливой портовли,
 Пожипки блѣдной нищепы,
 Грозой снесенные моспы,
 Гроба съ размыпаго кладбища
 Пльвущъ по улицамъ!

Народъ

Зришь Божій гнѣвъ и казни ждешъ.
 Увы! все гибнешъ: кровь и пища.
 Гдѣ будешъ взяшь?

Въ пошъ грозный годъ

Покойный Царь еще Россіей
 Со славой правилъ. На балконъ
 Печаленъ, смушенъ вышелъ Онъ
 И молвилъ: » съ Божіей спихіей
 Царямъ не совладѣшь. » Онъ съль

И въ думѣ скорбными очами
На злое бѣдспвіе глядѣлъ:
Спояли спогны озерами,
И въ нихъ широкими рѣками
Вливались улицы. Дворецъ
Казался оспровомъ печальнымъ.
Царь молвилъ — изъ конца въ конецъ,
Но ближнимъ улицамъ и дальнымъ,
Въ опасный пушь средь бурныхъ водъ
Его пустили Генералы .⁴
Спасать и спрахомъ обуялый
И дома понущій народъ.
Тогда, на площади Пепровой —
Гдѣ домъ въ углу вознесся новый,
Гдѣ надъ возвышеннымъ крыльцомъ
Съ подъяпой лапой, какъ живые,
Спояшъ два льва спорожевые —
На звѣрѣ мраморномъ верхомъ,
Безъ шляпы, руки сжавъ креспомъ,
Сидѣлъ недвижный, спрашно блѣдный
Евгеній. Онъ спрашился бѣдный
Не за себя. Онъ не слыхалъ,
Какъ подымался жадный валъ,
Ему подошвы подмывая;
Какъ дождь ему въ лице хлеспалъ;
Какъ въперъ, буйно завывая,
Съ него и шляпу вдругъ сорвалъ.

Его опчаянные взоры
На край одинъ наведены
Недвижно были. Словно горы,
Изъ возмущенной глубины,
Вспавали волны памъ и злились,
Тамъ буря выла, памъ носились
Обломки.... Боже, Боже! памъ —
Увы! близехонько къ волнамъ,
Почпи у самаго залива —
Заборъ некрашенный, да ива
И вешхій домикъ: памъ онъ,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечпа.... Или во снѣ
Онъ эпо видипъ? иль вся наша
И жизнь не что, какъ сонъ пустой,
Насмѣшка рока надъ землей?
И онъ, какъ будпо околдованъ,
Какъ будпо къ мрамору прикованъ,
Сойпи не можетъ! Вкругъ него
Вода — и больше ничего.
И обращенъ къ нему спиною
Въ неколебимой вышинѣ,
Надъ возмущенною Невою,
Сидипъ съ просперпою рукою
Гиганпъ на бронзовомъ конѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Но вопль, насыпясь разрушеньемъ
И наглымъ буйствомъ упомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своимъ любясь возмущеньемъ
И покидая съ небреженьемъ
Свою добычу. Такъ злодѣй,
Съ свирѣпой шайкою своей
Въ село ворвавшись, ловить, рѣжетъ,
Крушитъ и грабитъ; вопли, скрежеть,
Насилье, брань, пререва, вой!...
И грабежемъ ошягощенны,
Боясь погони, упомленны,
Слѣшаютъ разбойники домой,
Добычу на пупи роняя.

Вода сбыла, и мосповая
Ошкрылась, и Евгений мой
Слѣшитъ, душею замирая,
Въ надеждѣ, спрахѣ и поскѣ
Къ едва смирившейся рѣкѣ.

Но, шоржеспвомъ побѣды полны,
 Еще кипѣли злобно волны,
 Какъ-бы подъ ними плѣлъ огонь;
 Еще ихъ пѣна покрывала,
 И тяжело Нева дышала,
 Какъ съ бишвы прибѣжавшій конь.
 Евгений смоприсъ : видишь лодку;
 Онъ къ ней бѣжитъ какъ на находку;
 Онъ перевощика зовешъ —
 И перевощикъ беззабошной
 Его за гривенникъ охотно
 Чрезъ волны спрашныя везешъ.

И долго съ бурными волнами
 Боролся опытный гребецъ,
 И скрылся въ глубь межъ ихъ рядами
 Всечасно съ дерзкими пловцами
 Гоповъ былъ челнъ — и наконецъ
 Доспигъ онъ берега.

Несчастный

Знакомой улицей бѣжипъ
 Въ мѣспа знакомыя. Глядишь...
 Узнашь не можешъ. Видъ ужасный!
 Все передъ нимъ завалено;
 Чшо сброшено, чшо снесено;
 Скривились домики; другіе
 Совсѣмъ обрушились; иные

Волнами сдвинуты; кругомъ,
 Какъ будто въ полѣ боевомъ,
 Тѣла валяются. Евгений
 Спрямглавъ, не помня ничего,
 Изнемогая отъ мученій,
 Бѣжитъ пуда, гдѣ ждетъ его
 Судьба съ невѣдомымъ извѣсьемъ,
 Какъ съ запечатаннымъ письмомъ.
 И вопъ бѣжитъ ужъ онъ предмѣсьемъ,
 И вопъ заливъ, и близокъ домъ....
 Что жъ это?

Онъ оспавовлся ;
 Пошелъ назадъ — и воропился.
 Глядитъ идетъ еще глядитъ :
 Вопъ мѣспо, гдѣ ихъ домъ спойитъ ;
 Вопъ ива. Были здѣсь воропа;
 Снесло ихъ, видно. Гдѣ же домъ?
 И полонъ сумрачной заботы,
 Все ходитъ, ходитъ онъ кругомъ,
 Толкуетъ громко самъ съ собою —
 И вдругъ, ударя въ лобъ рукою,
 Захохоталъ.

Ночная мгла
 На городъ трепетный сошла ;
 Но долго жипели не спали
 И межъ собою полковали
 О днѣ минувшемъ.

Ущра лучь

Изъ-за успалыхъ блѣдныхъ пучь
 Блеснулъ надъ пихою сполицей —
 И не нашель уже слѣдовъ
 Бѣды вчерашней. Багряницей
 Уже прикрыпо было зло —
 Въ порядокъ прежній все вошло :
 Уже по улицамъ свободнымъ
 Съ своимъ безчувствіемъ холоднымъ
 Ходилъ народъ. Чиновный людъ ,
 Покинувъ свой ночной приюпъ ,
 На службу шелъ. Торгапъ опважный,
 Не унывая, опкрываль
 Невой ограбленный подвалъ,
 Сбираясь свой убыпокъ важный
 На ближнемъ вымѣспипъ. Съ дворовъ
 Свозили лодки.

Графъ Хвостовъ ,
 Поэпъ, любимый небесами ,
 Ужъ пѣлъ безсмерпными спихами
 Несчаспье Невскихъ береговъ.

Но бѣдный, бѣдный мой Евгений
 Увы! его смяпенный умъ
 Прошивъ ужасныхъ попрясеній
 Не успояль. Мясежный шумъ
 Невы и вѣпрровъ раздавался

Въ его ушахъ. Ужасныхъ думъ
Безмолвно полонъ, онъ скипался;
Его перзалъ какой-шо сонъ.
Прошла недѣля, мѣсяць — онъ
Къ себѣ домой не возвращался.
Его пустынный уголокъ
Опдалъ въ-наймы, какъ вышелъ срокъ,
Хозяинъ бѣдному поэпу.
Евгеній за своимъ добромъ
Не приходилъ. Онъ скоро свѣсну
Спать чуждѣ. Весь день бродилъ пѣшкомъ,
А спать на приспани; пишался
Въ окошко поданнымъ кускомъ;
Одежда вѣпхая на немъ
Рвалась и пѣла. Злыя дѣпи
Бросали камни въ-слѣдъ ему;
Нерѣдко кучерскія плепи
Его спегали, попому
Что онъ не разбиралъ дороги
Ужъ никогда; казалось — онъ
Не примѣчалъ. Онъ оглушенъ
Былъ шумомъ внушренной превоги.
И такъ онъ свой несчастный вѣкъ
Влачилъ — ни звѣрь, ни человекъ;
Ни по, ни сѣ — ни жипель свѣсна,
Ни призракъ мерпвой....

Разъ онъ спалъ

У Невской пристани. Дни лѣта
Клонились къ осени. Дышалъ
Ненастный въперъ. Мрачный валь
Плескалъ на пристань, ропща пѣни
И бѣясь о гладкія ступени,
Какъ челобитчикъ у дверей
Ему невнемлющихъ судьей.
Бѣднякъ проснулся. Мрачно было;
Дождь каналъ; въперъ выль уныло —
И съ нимъ вдали, во тмѣ ночной,
Перекликался часовой....
Вскочилъ Евгеній; вспомнилъ живо
Онъ прошлый ужась; поропливо
Онъ вспалъ; пошелъ бродить, и вдругъ
Остановился, и вокругъ
Тихонько спалъ водить очами
Съ боязнию дикой на лицѣ.
Онъ очутился подъ сполбами
Большаго дома. На крыльцѣ
Съ подъяпой лапой, какъ живые,
Сстояли львы спорожевые,
И прямо въ темной вышинѣ,
Надъ огражденною скалою,
Гигантъ съ просперпою рукою
Сидѣлъ на бронзовомъ конѣ *.

Евгеній вздрогнулъ. Прояснились

Въ немъ спрашно мысли. Онъ узналъ
И мѣсто, гдѣ попопъ игралъ,
Гдѣ волны хищныя толпились,
Буншуя злобно вокругъ него,
И львовъ и площадь и того,
Кто неподвижно возвышался
Во мракъ съ мѣдной головой
И съ распроспершою рукой —
Какъ будпо градомъ любовался.

Безумецъ бѣдный обошелъ
Кругомъ скалы съ поскою дикой,
И надпись яркую прочелъ,
И сердце скорбію великой
Спѣснилось въ немъ. Его чело
Къ рѣшеткѣ хладной прилегло,
Глаза подернулись туманомъ....
По членамъ холодъ пробѣжалъ
И вздрогнулъ онъ — и мрачень спалъ
Предъ дивнымъ Русскимъ Великаномъ.
И перспъ свой на Него поднявъ,
Задумался. Но вдругъ спремглавъ
Бѣжапъ пустился. Показалось
Ему, что грознаго Царя,
Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
Лице пихонько обращалось....
И онъ по площади пуспой

Бѣжипь и слышипь за собой ,
Какъ будпо грома грохопанье ,
Тяжело-звонкое скаканье
По попрясенной мостовой —
И , озарень луною блѣдной ,
Простерши руку въ вышинѣ ,
За нимъ несется Всадникъ мѣдный
На звонко-скачущемъ конѣ —
И во всю ночь , безумецъ бѣдный
Куда спопы ни обращалъ ,
За нимъ повсюду Всадникъ мѣдный
Съ тяжелымъ попомомъ скакалъ .

И съ той поры , когда случилось
Иппи той площадью ему ,
Въ лицѣ его изображалось
Смяпенье : къ сердцу своему
Онъ прижималъ поспѣшно руку ,
Какъ бы его смиряя муку ;
Карпузъ изношенный сымалъ ,
Смущенныхъ глазъ не подымалъ ,
И шелъ споронкой .

Островъ малый

На взморѣ видѣнь . Иногда
Причалипъ съ неводомъ шуда
Рыбакъ , на ловлѣ запоздалый ,
И бѣдный ужинъ свой варипъ ;

Или чиновникъ посѣпипгъ ,
Гуляя въ лодкѣ въ воскресенье ,
Пустынный оспровъ. Не взросло
Тамъ ни былинки. Наводненье
Туда, играя, занесло
Домишко вепхій. Надъ водою
Остался онъ какъ черный куспъ —
Его прошедшею весною
Свезли на баркѣ. Былъ онъ пуснъ
И весь разрушенъ. У номага
Нашли безумца моего . . .
И пупгъ же хладный прупгъ его
Похоронили ради Бога.

ПРИМЪЧАНІЯ.

—

1. Альгароппи гдѣ-то сказалъ: Pétersbourg est la fenêtre, par la quelle la Russie regarde en Europe.
2. См. стихи К. Вяземскаго къ Графинѣ З***.
3. Мицкевичъ прекрасными стихами описалъ день, предшествовавшій Петербургскому наводненію *. Жаль только, что описаніе его не точно: снѣгу не было, Нева не была покрыта льдомъ. Наше описаніе вѣрнѣе хотя въ пѣмъ и пѣшь яркихъ красокъ Польскаго поэта.
4. Графъ Милорадовичъ и Генераль-Адъютантъ Бенкендорфъ.
5. См. описаніе памятника въ Мицкевичъ. Оно заимствовано изъ Рыбака — какъ замѣчаетъ самъ Мицкевичъ.

* Въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній Oleszkiewicz.

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ.

Leporello. O statua gentilissima
Del gran Commendatore!...
Ah, pàrdoni.
DON GIOVANI.

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ.

С Ц Е Н А I.

ДОНЪ-ЖУАНЪ И ЛЕПОРЕЛЛО.

Донъ-Жуанъ.

Дождемся ночи здѣсь. Уфъ! наконецъ
Доспигли мы ворошь Мадриша. Скоро
Я полечу по улицамъ знакомымъ,
Усы плащемъ закрывъ, а брови шляпой.
Какъ думаешь : узнашь меня нельзя ?

Лепорелло.

Да, Донъ-Жуана мудро признашь !
Такихъ , какъ онъ , шакая бездна !

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Шутишь?

Да кто жь меня узнаешь?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Первый спорожь,

Гитана, или пьяный музыкантъ,

Иль свой же брапъ нахальный кавалеръ

Въ плащъ, со шпагою подъ мышкой, въ маскѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что за бѣда, хопь и узнаюшь! Только бѣ

Не встрѣшился мнѣ самъ король, а впрочемъ

Я никого въ Мадридѣ не боюсь.

ЛЕПОРЕЛЛО.

А завпра же до короля дойдеть,

Что Донъ-Жуанъ изъ ссылки самовольно

Въ Мадридѣ явился — что тогда, скажете,

Онъ съ вами сдѣлаеть?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Пошлетъ назадъ.

Ужъ вѣрно головы мнѣ не опрубяшь.

Вѣдь я не государственный пресупникъ.

Изъ милоспи ко мнѣ жь меня опсюда

Онъ выслагъ. Онъ хоптъль меня опъ мценья

Семьи убишаго спаспи.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ну что жь?

Сидѣли бѣ вы себѣ спокойно шамъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Слуга покорный! я едва-едва
 Не умерь шамъ со скуки. Чпо за люди,
 Чпо за земля! А небо? ... почный дымъ.
 А женщины? да я не промѣняю,
 Вопъ видишь ли, мой Лепорелло,
 Послѣдней въ Андалузїи креснянки
 На первыхъ шамошнихъ красавицъ — право.
 Онъ сначала нравилися мнѣ
 Глазами синими, да бѣлизною,
 Да скромностью — а пуце новизною;
 Да, слава Богу, скоро догадался —
 Увидѣль я, чпо съ ними грѣхъ и знашься:
 Въ нихъ жизни нѣтъ — все куклы восковыя;
 А наши! ... Но послушай, эпо мѣсто
 Знакомо намъ; узналъ ли пы его?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Какъ не узнашь? Аншоньевъ монастырь
 Мнѣ памяшенъ. Ёзжали вы сюда,
 А лошадей держалъ я въ эпой роцѣ;
 Проклятая, признашься, должносшь. Вы
 Прїяшнѣ здѣсь время проводили
 Чѣмъ я, повѣрьше.

ДОНЪ-ЖУАНЪ (*задумливо*).

Бѣдная Инеза!

Ее ужъ нѣтъ! какъ я любилъ ее!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Инезу — черноглазую... о, помню!
Три мѣсяца ухаживали вы
За ней; наслу-по помогъ лукавый.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Въ Юлѣ... ночью. Чудную пріятность
Я находилъ въ ея печальномъ взорѣ
И помертвѣлыхъ губкахъ. Это странно.
Ты, кажется, ее не находилъ
Красавицей. И точно — мало было
Въ ней истинно-прекраснаго. Глаза,
Одни глаза, да взгляды... такого взгляда
Ужъ никогда я не встрѣчалъ. А голосъ
У ней былъ тихъ и слабъ, какъ у больной;
А мужъ ея былъ негодяй суровый —
Узналъ я поздно... Бѣдная Инеза!...

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что жъ? вслѣдъ за ней другія были.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Правда.

ЛЕПОРЕЛЛО.

А живы будемъ, будущъ и другія.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

И то.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Теперь которую въ Мадридѣ
Опыскивать мы будемъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

О, Лауру!

Я прямо къ ней бѣгу явишься.

ЛЕПОРЕЛЛО.

ДѢЛО.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Къ ней прямо въ дверь; а если кто-нибудь

Ужъ у нее — прошу въ окно прыгнуть.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Конечно. Ну, развеселились мы.

Недолго насъ покойницы превожатъ.

Кто къ намъ идетъ (*входитъ монахъ*)?

МОНАХЪ.

Сейчасъ она прѣдетъ

Сюда. Кто здѣсь? Не люди ль донны Анны?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нѣтъ, сами по себѣ мы господа:

Мы здѣсь гуляемъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

А кого вы ждете?

МОНАХЪ.

Сейчасъ должна прѣхаетъ донна Анна

На мужнину гробницу.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Донна Анна

Де Сольва? какъ, супруга командора

Убишаго... не помню кѣмъ?

МОНАХЪ.

Развращнымъ,
Бесовѣспнымъ, безбожнымъ Донъ-Жуаномъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ого! вопъ какъ! молва о Донъ-Жуанѣ
И въ мирный монастырь проникла даже:
Опшельники хвалы ему поюшъ.

МОНАХЪ.

Онъ вамъ знакомъ, бышь можешь?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Намъ? нимало.

А гдѣ же онъ теперь?

МОНАХЪ.

Его здѣсь нѣтъ.

Онъ въ ссылкѣ, далеко.

ЛЕПОРЕЛЛО.

И слава Богу!

Чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше. Всѣхъ бы ихъ,
Развращниковъ, въ одинъ мѣшокъ да въ море.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что, что ты врешь?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Молчише: я нарочно...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Такъ здѣсь похоронили командора?

МОНАХЪ.

Здѣсь. Памятникъ жена ему воздвигла

И прѣзжаешъ каждый день сюда
 За упокой души его молишься
 И плакашь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что за спранныя вдова !
 Не-даромъ же покойникъ былъ ревнивъ ;
 Онъ донну Анну въ заперши держалъ ;
 Никпо изъ насъ на видывалъ ея.
 И не дурна ?

МОНАХЪ.

Мы красоюю женскою ,
 Опшельники , прельщающаея не должны —
 Но лгать грѣшно : не можешъ и угодникъ
 Въ ея красть чудесной не сознашья.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я съ нею бы хопѣлъ поговорить.

МОНАХЪ.

О , донна Анна никогда съ мужчиною
 Не говоришь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

А съ вами , мой опецъ ?

МОНАХЪ.

Со мной иное дѣло — я монахъ.
 Да вошь она. (*Входитъ донна Анна*).

ДОННА АННА.

Опецъ мой , оппоррише.

МОНАХЪ.

Сейчасъ, сеньора; я васъ ожидаю. (*Донна Анна
идеть за монахомъ*).

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что, какова?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ея совсѣмъ не видно

Подъ эшимъ вдовымъ чернымъ покрываломъ;
Чуть узенькую пяпку я замѣпилъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Довольно съ васъ. У васъ воображенье
Въ-минуту дорисуетъ оспальное;
Оно у васъ проворнѣй живописца.
Вамъ все равно, съ чего бы ни начать —
Съ бровей ли, съ ногъ ли.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Слушай, Лепорелло;

Я съ нею познакомлюсь.

ЛЕПОРЕЛЛО (*про себя*).

Вопъ еще!

Куда какъ нужно! Мужа повалилъ,
Да хочешь поглядѣшь на вдови слезы.
Безсовѣстный!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Однако ужъ и смерклось.

Пока луна надъ нами не взошла

И въ свѣпльй сумракъ пмы не обрашила,
Войдемъ въ Мадридъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Испанскій грандъ, какъ воръ,
Ждетъ ночи, и луны боишся; Боже!
Проклятое жишье. Да долго ль будешь
Мнѣ съ нимъ возишся! Право силъ ужъ нѣшь.

СЦЕНА II.

—

КОМНАТА, УЖИНЪ Т ЛАУРЫ.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Клянусь себѣ, Лаура, никогда
Съ такимъ шы совершенствомъ не играла.
Какъ роль свою шы вѣрно поняла!

ВТОРОЙ.

Какъ развила ее! съ какою силой!

ТРЕТІЙ.

Съ какимъ искусствомъ!

ЛАУРА.

Да, мнѣ удавалось

Сегодня каждое движенье, слово.
Я вольно предавалась вдохновенью.
Слова лились, какъ будто ихъ раждала
Не память робкая, но сердце...

ПЕРВЫЙ.

Правда.

Да и теперь глаза твои блестящъ

И щеки разгорѣлись — не проходишь
 Въ шебѣ воспоргь. Лаура, не давай
 Оспышь ему бесплодно, спой, Лаура,
 Спой что-нибудь.

ЛАУРА.

Подайше мнѣ гитару. (*Поетъ*).

Всѣ.

О, bravo! bravo! чудно! неподобно!

ПЕРВЫЙ.

Благодаримъ, волшебница! Ты сердце
 Чаруешь намъ. Изъ наслажденій жизни
 Одной любви музыка уступается;
 Но и любовь мелодія... взгляни:
 Самъ Карлосъ пронупъ, пивой угрюмый госпъ.

ВТОРОЙ.

Какіе звуки! сколько въ нихъ души!
 А чьи слова, Лаура?

ЛАУРА.

Донъ-Жуана.

Донъ-Карлосъ.

Что? Донъ-Жуанъ!

ЛАУРА.

Ихъ сочинилъ когда-то

Мой вѣрный другъ, мой вѣтреный любовникъ.

Донъ-Карлосъ.

Твой Донъ-Жуанъ — безбожникъ и мерзавецъ;
 А ты, ты дура.

ЛАУРА.

Ты съ ума сошелъ!

Да я сейчасъ велю тебя зарѣзатьъ
Моимъ слугамъ, хопь ты Испанскій грандъ.

КАРЛОСЪ (*встаетъ*).

Зови же ихъ.

ПЕРВЫЙ.

Лаура, переспань;
Донъ-Карлосъ, не сердись. Она забыла...

ЛАУРА.

Что? что Жуанъ на поедингъ честно
Убилъ его роднаго брата? Правда, жаль,
Что не его.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Я глупъ, что осердился.

ЛАУРА.

Ага! самъ сознаешься, что ты глупъ.
Такъ помиримся.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Виновашъ, Лаура!

Проспи меня. Но знаешь: не могу
Я слышать эго имя равнодушно...

ЛАУРА.

А виновата ль я, что поминутно
Мнѣ на языкъ приходитъ эго имя?

Гость.

Ну, въ знакъ, что ты совсѣмъ ужъ не сердипа,
Лаура, спой еще.

ЛАУРА.

Да, на прощанье;

Пора — ужъ ночь. Но что же я спою?

А! слушайше. (*Поетъ*).

Всѣ.

Прелестно, безподобно!

ЛАУРА.

Прощайше жъ, господа.

Гости.

Прощай, Лаура.

(*Выходятъ. Лаура оставливаетъ Донъ-Карлоса*).

ЛАУРА.

Ты, бѣшенный, останься у меня;

Ты мнѣ понравилъся; ты Донъ-Жуана

Напомнилъ мнѣ, какъ выбрали меня

И списнулъ зубы съ скрежешомъ.

Донъ-Карлосъ.

Счастливецъ!

Такъ ты его любила? (*Лаура дѣлаетъ утверди-
тельный знакъ*) Очень?

ЛАУРА.

Очень.

Донъ-Карлосъ.

И любишь и теперь?

ЛАУРА.

Въ сію минупу ?

Нѣтъ, не люблю. Мнѣ двухъ любить нельзя.
Теперь люблю себя.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Скажи, Лаура,

Который годъ тебѣ ?

ЛАУРА.

Осьмнадцать лѣтъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Ты молода ... и будешь молода
Еще лѣтъ пять иль шесть. Вокругъ тебя
Еще лѣтъ шесть они полнились будущь,
Тебя ласкашь, лелѣяшь и даряшь,
И серенадами ночными пѣщишь,
И за себя другъ друга убиваешь
На перекресткахъ ночью. Но когда
Пора пройдешь, когда швои глаза
Впадушь, и вѣки, сморщась, почернѣюшь,
И сѣдина въ косѣ швоей мелькнешь,
И будешь называешь себя спарухой,
Тогда — что скажешь ты ?

ЛАУРА.

Тогда Зачѣмъ

Объ эпомъ думаешь ? Что за разговоръ ?
Иль у тебя всегда такія мысли ?
Приди — опшрой балконъ. Какъ небо шихо ;

Недвижимъ теплый воздухъ ; ночь лимономъ
 И лавромъ пахнетъ ; яркая луна
 Блещитъ на синевѣ густой и темной,
 И спорожъ кричатъ пропяжно: ясно!...
 А далеко, на сѣверъ — въ Парижъ —
 Быть можетъ, небо тучами покрыто,
 Холодный дождь идетъ и вѣсперъ дуешь.
 А намъ какое дѣло? Слушай, Карлосъ :
 Я пребую, чтобъ улыбулся ты.
 Ну! шо-шо жъ!

Донъ-Карлосъ.

Милый демонъ! (*стугать*).

Донъ-Жуанъ.

Гей, Лаура!

Лаура.

Кшо шамъ? Чей это голосъ?

Донъ-Жуанъ.

Опопри...

Лаура.

Ужели!... Боже!... (*Отпираетъ двери, входитъ
 Донъ-Жуанъ*).

Донъ-Жуанъ.

Здравспуй...

Лаура.

Донъ-Жуанъ!...

(*Лаура кидается ему на шею*).

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Какъ! Донъ-Жуанъ!..

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Лаура, милый другъ!...

(Цѣлуетъ ее).

Кто у тебя, моя Лаура?

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Я,

Донъ-Карлосъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вопъ нечаянная встрѣча!

Я завтра весь къ своимъ услугамъ...

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Нѣтъ!

Теперь — сейчасъ.

ЛАУРА.

Донъ-Карлосъ, перестаньте!

Вы не на улицѣ — вы у меня —

Извольте выпши вонъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ *(ее не слушая).*

Я жду. Ну, что жъ?

Вѣдь ты при шпагѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ежели тебѣ

Не перинишься, изволь. *(Бьются).*

ЛАУРА.

Ай, ай! Жуанъ!...

(*Кидается на постель,
Донъ-Карлосъ падаетъ*).

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вставай, Лаура, кончено.

ЛАУРА.

Что шамъ?

Убишь? Прекрасно! въ комнагъ моей!

Что дѣлашь мнѣ шеперь, повѣса, дьяволъ?

Куда я выброшу его?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Бышь можешъ,

Онъ живъ еще. (*Осматриваетъ тѣло*).

ЛАУРА.

Да! живъ! гляди, прокляпый,

Ты прямо въ сердце шкнулъ — небось, не мимо.

И кровь неидешъ изъ преугольной ранки,

А ужъ не дышетъ — какво?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что дѣлашь?

Онъ самъ шого хопытъ.

ЛАУРА.

Эхъ, Донъ-Жуанъ,

Досадно, право. Вѣчныя проказы —

А все не виновашъ... Опкуда шы?

Давно ли здѣсь?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я полько-чшо прѣбхаль
И шо пихонько — я вѣдь не прощень.

ЛАУРА.

И вспомнилъ шопчасъ о своей Лаурѣ?
Чшо хорошо, шо хорошо. Да! полно,
Не вѣрю я. Ты мимо шель случайно,
И домъ увидѣлъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, моя Лаура,
Спроси у Лепорелло. Я спую
За-городомъ, въ прокляпой венгѣ. Я Лауры
Пришелъ искашь въ Мадридѣ. (*Цѣлуетъ ее*).

ЛАУРА.

Другъ-пы мой!...

Поспой... при мертвомъ!... Чшо намъ дѣлашь
съ нимъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Осравь его — передъ разсвѣшомъ, рано,
Я вынесу его подь епанчею
И положу на перекресткѣ.

ЛАУРА.

Только

Смошри, чшобъ не увидѣли шебя.
Какъ хорошо пы сдѣлалъ, чшо явился
Одной минушой позже! у' меня
Твои друзья здѣсь ужинали. Только

Что вышли вонъ. Когда бъ ты ихъ заспалъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Лаура, и давно его ты любишь?

ЛАУРА.

Кого? ты бредишь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ. А сколько разъ,

Скажи, ты мнѣ успѣла измѣнить

Въ моемъ опусуспвѣи?

ЛАУРА.

А ты, повѣса?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Скажи жъ — — Нѣтъ, послѣ переговоримъ.

СЦЕНА III.

ПАМЯТНИКЪ КОМАНДОРА.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Все къ лучшему: нечаянно убивъ
Донъ-Карлоса, опшельникомъ смиреннымъ
Я скрылся здѣсь — и вижу каждый день
Мою прелестную вдову, и ея,
Мнѣ кажешся, замѣченъ. До сихъ поръ
Чинились мы другъ съ другомъ; но сегодня
Пушуся въ разговоры съ ней; пора.
Съ чего начну? «Осмѣлюсь»... или нѣтъ:
«Сеньора»... ба! что въ голову придеть,
То и скажу, безъ предугоповленья,
Импровизаторомъ любовной пѣсни...
Пора бѣ ужъ ей прѣхашь. Безъ нея,
Я думаю, скучаешь командоръ.
Какимъ онъ здѣсь предспавленъ исполиномъ!
Какія плечи! что за Геркулесь!...
А самъ, покойникъ, малъ былъ и щедушенъ;
Здѣсь, спавъ на цыпочки, не могъ бы руку

До своего онъ носу допянушь.
 Когда за Эскурьяломъ мы сошлись,
 Нашкнулся мнѣ на шпагу онъ и замеръ,
 Какъ на булавокѣ спрекоза: а былъ
 Онъ гордъ и смѣлъ, и духъ имѣлъ суровый...
 А! вопль она. (*Входитъ донна Анна*).

Донна-Анна.

Опянь онъ здѣсь. Отецъ мой,
 Я развлекла васъ въ вашихъ помышленьяхъ —
 Простите.

Донъ-Жуанъ.

Я просить прощенья долженъ
 У васъ, сеньора. Можетъ, я мѣшаю
 Печали вашей вольно изливаясь.

Донна-Анна.

Нѣтъ, мой отецъ: печаль моя во мнѣ;
 При васъ мои молитвы могутъ къ небу
 Смиренно возноситься — я прошу
 И васъ соединить свой голось съ ними.

Донъ-Жуанъ.

Мнѣ, мнѣ молишься съ вами, донна Анна!
 Я не достоинъ учасши такой.
 Я не дерзну порочными уснами
 Мольбу свящую вашу повиорать;
 Я только издали съ благоговѣнемъ
 Смопрю на васъ, когда, склонившись тихо,
 Вы кудри черные на мраморъ блѣдный

Разсыплете — и мнился мнѣ, что пайно
 Гробницу эту ангелъ посѣпилъ.
 Въ смущенномъ сердцѣ я не обрѣшаю
 Тогда моленій. Я дивлюсь безмолвно
 И думаю: счастливъ, чей хладный мраморъ
 Согрѣпъ ея дыханіемъ небеснымъ
 И окропленъ любви ея слезами.

Донна-Анна.

Какія рѣчи спранныя!

Донъ-Жуанъ.

Сеньора?

Донна-Анна.

Мнѣ вы забыли.

Донъ-Жуанъ.

Что? что недоспойный
 Опшельникъ я? что грѣшный голосъ мой
 Не долженъ здѣсь такъ громко раздаваться?

Донна-Анна.

Мнѣ показалось — — я не поняла — —

Донъ-Жуанъ.

Ахъ, вижу я: вы все, вы все узнали!

Донна-Анна.

Что я узнала?

Донъ-Жуанъ.

Такъ, я не мовахъ . . .

У вашихъ ногъ прощенья умоляю.

Донна-Анна.

О, Боже! вспаныте, вспаныте!... Кто же вы?

Донъ-Жуанъ.

Несчастный, жертва спраши безнадежной.

Донна-Анна.

О, Боже мой! и здѣсь, при этомъ гробъ!

Подите прочь —

Донъ-Жуанъ.

Минушу, Донна-Анна,

Одну минушу!

Донна-Анна.

Если что взойдетъ!...

Донъ-Жуанъ.

Рѣшетка заперта. Одву минушу!

Донна-Анна.

Ну? что? чего вы пребуете?

Донъ-Жуанъ.

Смерти!

О, пусть умру сейчасъ у вашихъ ногъ,

Пусть бѣдный прахъ мой здѣсь же похороняпъ,

Не подлѣ праха милаго для васъ,

Не шупъ — не близко — далѣ гдѣ-нибудь,

Тамъ — у дверей — у самага порога,

Чтобъ камня моего могли коснуться

Вы легкою ногой или одеждой,

Когда сюда, на этомъ гордый гробъ,

Пройдете кудрѣ наклоняпъ и плакапъ.

Донна-Анна.

Вы не въ своемъ умѣ.

Донъ-Жуанъ.

Или желашь

Кончины, Донна-Анна, знакъ безумства?
 Когда бъ я былъ безумецъ, я бъ хопѣлъ
 Въ-живыхъ оспашься, я бъ имѣлъ надежду
 Любовью нежной пронупъ ваше сердце;
 Когда бъ я былъ безумецъ, я бы ночи
 Спалъ провождашь у вашего балкона,
 Тревожа серенадами вашъ сонъ;
 Не спалъ бы я скривашься — я, напропивъ,
 Спарался бъ бышь вездѣ замѣченъ вами;
 Когда бъ я былъ безумецъ, я бъ не спалъ
 Спрадашь въ безмолвіи....

Донна-Анна.

И шакъ-шо вы

Молчите?

Донъ-Жуанъ.

Случай, Донна-Анна, случай

Увлекъ меня. Не по, вы бъ никогда
 Моей печальной шайны не узнали.

Донна-Анна.

И любите давно ужъ вы меня?

Донъ-Жуанъ.

Давно или недавно, самъ не знаю,
 Но съ шой поры лишь только знаю цѣну

Мгновенной жизни, только съ той поры
И понялъ я, что значить слово счастье.

Донна-Анна.

Подите прочь — вы человекъ опасный.

Донъ-Жуанъ.

Опасный! чѣмъ?

Донна-Анна.

Я слушаю васъ боюсь.

Донъ-Жуанъ.

Я замолчу; лишь не гоните прочь
Того, кому вашъ видъ одна отрада.
Я не питаю дерзосныхъ надеждъ,
Я ничего не требую, но видѣшь
Васъ долженъ я, когда уже на жизнь
Я осужденъ.

Донна-Анна.

Подите — здѣсь не мѣсто

Такимъ рѣчамъ, такимъ безумствамъ. Завтра
Ко мнѣ придите; если вы клянесь
Хранишь ко мнѣ такое жъ уваженіе,
Я васъ приму — но вечеромъ позднѣе —
Я никого не вижу съ той поры
Какъ овдовѣла. — — —

Донъ-Жуанъ.

Ангель, Донна-Анна!

Упѣшь васъ Богъ, какъ сами вы сегодня
Упѣшили несчастнаго спрадальца.

ДОННА-АННА.

Подите прочь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Еще одну минушу.

ДОННА-АННА.

Нѣтъ, видно мнѣ уйѣи.... къ шому жъ моленье
Мнѣ въ умъ нейдетъ. Вы развлекали меня
Рѣчами свѣтскими; ошъ нихъ ужъ ухо
Мое давно, давно опвыкло. — Завпра
Я васъ приму —

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Еще не смѣю вѣришь,

Не смѣю счастью моему предашься — — —
Я завпра васъ увижу! — и не здѣсь,
И не украдкою!

ДОННА-АННА.

Да, завпра, завпра.

Какъ васъ зовушь?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Діего де Кальвидо.

ДОННА-АННА.

Прощайте, Донъ-Діего. (*Уходитъ*).

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Лепорелло!

ЛЕПОРЕЛЛО. (*Лепорелло входитъ*).

Что вамъ угодно?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Милый Лепорелло!

Я счастливъ! — — Завтра — вечеромъ поздиѣ...

Мой Лепорелло, завтра — приготовь — —

Я счастливъ какъ ребенокъ!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Съ Донной-Аниой

Вы говорили? можетъ бышь, она

Сказала вамъ два ласковыя слова,

Или ее благословили вы.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, Лепорелло, нѣтъ! она свиданье,

Свиданье мнѣ назначила!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Неужь-шо!

О, вдовы! всѣ вы шаковы.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я счастливъ!

Я пѣшь гоповъ, я радъ весь міръ обнять.

ЛЕПОРЕЛЛО.

А командоръ? что скажешь онъ объ этомъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ты думаешь, онъ спанешъ ревновать.

Ужъ вѣрно нѣтъ; онъ человекъ разумный

И вѣрно присмирѣлъ съ пѣхъ поръ, какъ умеръ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нѣтъ; посмотрите на 'его спапуку.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что жь?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Кажешся, на васъ она глядишь
И сердишься.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Спунай же, Лепорелло,
Проси ее пожаловать ко мнѣ —
Нѣтъ, не ко мнѣ — а къ Доннѣ-Аннѣ, завтра.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Спашую въ госпи звать! зачѣмъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ужъ вѣрно

Не для того, чпобъ съ нею говоришь —
Проси спашую завтра къ Доннѣ-Аннѣ
Пришли попозже вечеромъ и спашь
У двери на-часахъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Охопа вамъ

Шупишь, и съ кѣмъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Спунай же.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Но....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Спунай.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Преславная, прекрасная спашуя!
 Мой баринъ, Донъ-Жуанъ, покорно просишь
 Пожаловашь.... Ей-Богу, не могу,
 Мнѣ спрашно.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Трусъ! вопгъ я тебя!...

ЛЕПОРЕЛЛО.

Позвольше.

Мой баринъ, Донъ-Жуанъ, васъ просишь завтра
 Пришпи попозже въ домъ супруги вашей
 И спашь у двери.... (*Статуя киваетъ головой
 въ знакъ согласія*). Ай!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что намъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ай, ай!...

Ай, ай!... умру!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что сдѣлалось съ тобою?

ЛЕПОРЕЛЛО, (*кивая головой*).

Спашуя.... ай!....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ты кланяешься!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нѣтъ,

Не я — она!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.
Какой ты вздоръ несешь?
ЛЕПОРЕЛЛО.

Подиде сами.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.
Ну, смотри жъ, бездѣльникъ.
(*Статуй*). Я, командоръ, прошу тебя припши
Къ швоей вдовѣ, гдѣ завпра буду я,
И спашь у двери на-часахъ. Чпо? будешь?

(*Статуйа киваетъ опять*). О Боже!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Чпо? я говорилъ....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Уйдемъ.

С Ц Е Н А I V .

—

(Комната Донны-Анны).

ДОНЪ-ЖУАНЪ И ДОННА-АННА.

Донна-Анна.

Я приняла васъ, Донъ-Діега; только
Боюсь, моя печальная беседа
Скучна вамъ будетъ: бѣдная вдова!
Все помню я свою потерю. Слезы
Съ улыбкою мѣшаю, какъ апрѣль.
Что жъ вы молчите?

Донъ-Жуанъ.

Наслаждаюсь — молча,
Глубоко — мыслью бытъ наединѣ
Съ прелеспной Донной-Анной, здѣсь — не шамъ,
Не при гробницѣ мертваго счастливца —
И вижу васъ уже не на колѣнахъ
Предъ мраморнымъ супругомъ.

Донна-Анна.

Донъ-Діего,

Такъ вы ревнивы! мужъ мой и во гробъ
Васъ мучишь.

Донъ-Жуанъ.

Я не долженъ ревновать.

Онъ вами избранъ былъ.

Донна Анна.

Ишь, мать моя

Велѣла мнѣ дать руку Донъ-Альвару.

Мы были бѣдны, Донъ-Альваръ богатъ.

Донъ-Жуанъ.

Счастливецъ! онъ сокровища пуская

Принесъ къ ногамъ богини: вопъ за что

Вкусилъ онъ райское блаженство! Если бъ

Я прежде васъ узналъ — съ какимъ воспоргомъ

Мой еанъ, мои богатства, все бы опдалъ,

Все, за единый благосклонный взглядъ!

Я былъ бы рабъ священной вашей воли;

Всѣ ваши прихопы я бъ изучалъ,

Чтобъ ихъ предупреждать; чтобъ ваша жизнь

Была однимъ волшебствомъ непрерывнымъ.

Увы! — судьба судила мнѣ иное!

Донна-Анна.

Діего, перестаньте; я грѣшу,

Васъ слушая — мнѣ васъ любить нельзя.

Вдова должна и гробу быть вѣрна.

Когда бы знали вы, какъ Донъ-Альваръ
 Меня любилъ! о! Донъ-Альваръ ужъ вѣрно
 Не принялъ бы къ себѣ влюбленной дамы,
 Когда бъ онъ овдовѣлъ — онъ быль бы вѣрнѣ
 Супружеской любви.

Донъ-Жуанъ.

Не мучьте сердца

Мнѣ, Донна-Анна, вѣчнымъ поминаньемъ
 Супруга. Полно вамъ меня казнить,
 Хошь казнь я заслужилъ, быль можешъ.

Донна-Анна.

Чѣмъ же?

Вы узами не связаны святыми
 Ни съ кѣмъ — не правда ль? Полюбивъ меня,
 Вы предо мной и передъ Небомъ правы.

Донъ-Жуанъ.

Предъ вами! Боже!

Донна-Анна.

Развѣ вы виновны

Передо мной? скажите, въ чемъ же — ну.

Донъ-Жуанъ.

Нѣтъ, никогда —

Донна-Анна.

Діего; что такое?

Вы предо мной неправы? въ чемъ, скажите?

Донъ-Жуанъ.

Нѣтъ! ни за что!

Донна-Анна.

Діего, это спранно:

Я васъ прошу, я пребую —

Донъ-Жуанъ.

Нѣтъ, нѣтъ!

Донна-Анна.

А! такъ-то вы моей послушны волѣ!

А что сейчасъ вы говорили мнѣ?

Что вы бѣ рабомъ моимъ желали бытъ.

Я разсержусь, Діего: опвѣчайте,

Въ чемъ предо мной виновны вы?

Донъ-Жуанъ.

Не смѣю.

Вы ненавиждѣтъ спанете меня.

Донна-Анна.

Нѣтъ, нѣтъ! Я васъ заранѣе прощаю,

Но знатъ хочу.

Донъ-Жуанъ.

Не желайте знатъ

Ужасную, убійспвенную пайну.

Донна-Анна.

Ужасную! вы мучите меня.

Я спрахъ, какъ любопытна — что такое?

И какъ меня могли вы оскорбитъ?

Я васъ не знала. У меня враговъ

И нѣтъ и не было. Убійца мужа

Одинъ и еспь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ (*про себя*).

Идешь къ развязкѣ дѣло!

Скажете мнѣ: несчастный Донъ-Жуанъ
Вамъ незнакомъ?

ДОННА-АННА.

Нѣтъ, ошь-роду его

Я не видала.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вы въ дунѣ къ нему

Пипаете вражду?

ДОННА-АННА.

По долгу чести.

Но вы опвлечь спараеспесь меня.

Ошь моего вопроса, Донъ-Діего —

Я пребую

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что, если бѣ Донъ-Жуана

Вы встрѣпили?

ДОННА-АННА.

Тогда бы я зодѣю

Кинжалъ вонзила въ сердце.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

ДОННА-АННА,

Гдѣ пвой кинжалъ? воптъ грудь моя.

ДОННА-АННА.

Діего!

Что вы?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я не Діего — я Жуанъ.

ДОННА-АННА.

О Боже! нѣтъ, не можетъ быть, не вѣрю.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я, Донъ-Жуанъ.

ДОННА-АННА.

Не правда.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я убилъ

Супруга своего; и не жалю

О помъ — и нѣтъ раскаянья во мнѣ.

ДОННА-АННА.

Что слышу я? нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я Донъ-Жуанъ, и я себя люблю.

ДОННА-АННА, *(падая)*.

Гдѣ я? ... гдѣ я, мнѣ дурно, дурно!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Небо!

Что съ нею? что съ побою, Донна-Анна?

Проснись, опомнись: свой Діего,

Твой рабъ у ногъ твоихъ.

ДОННА-АННА.

Оставь меня.

(Слабо). Ты, ты мнѣ врагъ — ты опиялъ у меня

Все, что я въ жизни....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Милое созданье!

Я всѣмъ гошовъ ударъ мой искупить;
У ногъ пвоихъ жду полько приказанья:
Вели — умру; вели дышапъ, я буду
Лишь для себя. — — —

ДОННА-АННА.

Такъ это Донъ-Жуанъ —
Вы, говоряпъ, безбожный развращилъ,
Вы сущій демонъ. Сколько бѣдныхъ женщинъ
Вы погубили?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ни одной донинъ

Изъ нихъ я не любилъ.

ДОННА-АННА.

И я повѣрю —

Чтобъ Донъ-Жуанъ влюбился въ первый разъ,
Чтобъ не искалъ во мнѣ онъ жершвы новой!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Когда бы я тебя обманывалъ,
Признался ль бы, сказалъ ли бы по имя,
Котораго не можешь ты и слышапъ?
Гдѣ жъ видно шупъ обдуманность, коварство?

ДОННА-АННА.

Кпо знаете васъ? Но какъ могли приппи
Сюда вы; здѣсь узнать могли бы васъ,
И вапа смерть была бы неизбѣжна.

Донъ-Жуанъ.

Что значить смерть? За сладкій мигъ свиданья
Безропотно опдамъ я жизнь.

Донна-Анна.

Но какъ же
Отсюда выпши вамъ, неоспорожный!

Донъ-Жуанъ (*цѣлуетъ ей руки*).

И вы о жизни бѣднаго Жуана
Забошитесь! Такъ ненавидши нѣтъ
Бъ душъ пвоей небесной, Донна-Анна?

Донна-Анна.

Ахъ, если бъ васъ могла я ненавидѣть!
Однако жъ надобно распаться намъ.

Донъ-Жуанъ.

Когда жъ опять увидимся?

Донна-Анна.

Не знаю,
Когда-нибудь.

Донъ-Жуанъ.

А завтра?

Донна-Анна.

Гдѣ же?

Донъ-Жуанъ.

Здѣсь.

Донна-Анна.

О, Донъ-Жуанъ, какъ сердцемъ я слаба.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Въ залогъ прощанья мирный поцѣлуй....

ДОННА-АННА.

Поди, пора.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Одинъ, холодный, мирный....

ДОННА-АННА.

Какой пы неопвязчивый! на, вопшь онъ....

(Стучать).

Что тамъ за спукъ?... О, скройся, Донъ-Жуанъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Прощай же, до свиданья, другъ мой милый.

(Уходитъ и сбѣгаетъ опять).

А!... —

ДОННА-АННА.

Что съ тобой? А!... *(Входитъ статуя командора, Донна-Анна падаетъ).*

СТАТУЯ.

Я на зовъ явился.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

О, Боже! Донна-Анна!

СТАТУЯ.

Брось ее,

Все копчено. Дрожишь пы, Донъ-Жуанъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я? нѣшь! я звалъ тебя и радъ, что вижу.

СТАТУЯ.

Дай руку.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вошь она о, шажело
Пожалъе каменной его десницы!
Оспавь меня, пуспи, пуспи мнѣ руку — —
Я гибну — кончено — о, Донна-Анна!
(*Проваливаются*).

4 ноября 1836, с. Болдино.

Р У С А Л К А .

РУСАЛКА.

БЕРЕГЪ ДНѢПРА. — МЕЛЬНИЦА.

МЕЛЬНИКЪ И ДОЧЬ ЕГО.

МЕЛЬНИКЪ.

Охъ, по-по всѣ вы, дѣвки молодья,
Всѣ глупы вы. Ужъ если подвернулся
Къ вамъ челоуѣкъ завидный, непроспой,
Такъ должно вамъ его себѣ упрочить,
А чѣмъ? разумнымъ, чеспнымъ поведеньемъ,
Заманивать по спрососью, по лаской,
Порою исподволь, обинякомъ
О свадьбѣ заговаривать, а пуце
Берець свою дѣвическую чеспь —

Безцѣнное сокровище; она —
 Что слово: разъ упустишь, не воропишь.
 А коли нѣтъ на свадьбу ужъ надежды,
 То все-таки по-крайней-мѣрѣ можно
 Какой-нибудь барышъ себѣ, иль пользу
 Роднымъ да выгадать; подумать надо:
 «Не вѣчно жъ будетъ онъ меня любить
 «И баловать меня.» Да нѣтъ! куда
 Вамъ помышлять о добромъ дѣлѣ! Ксшапи ль?
 Вы попчасъ одурѣете; вы рады
 Исполнить даромъ прихоти его,
 Гоповы цѣлый день висѣть на шеѣ
 У милаго дружка; а милый другъ
 Глядь — и пропасть, и слѣдъ проспымъ; а вы
 Оспалися ни съ чѣмъ... Охъ, всѣ вы глупы!
 Не говорилъ ли я шебѣ сто разъ:
 Эй, дочь, смотри, не будь такая дура,
 Не прозъвай ты счастья своего,
 Не упускай ты князя, да спроси
 Не погуби самой себя. Что жъ вышло?
 Сиди теперь, да вѣчно плачь о томъ,
 Чего ужъ не воропишь.

Дочь.

Почему же

Ты думаешь, что бросилъ онъ меня?

Мельникъ.

Какъ почему? Да сколько разъ, бывало,

Въ недѣлю онъ на мельницу вѣжалъ?
 А? всякій Божій день, а иногда
 И дважды въ день; а памъ все рѣже, рѣже
 Спалъ прѣвжапъ — и вопъ девятый день,
 Какъ не видали мы его. Чпо скажешь?

Дочь.

Онъ заняпъ; мало ль у него заботы?
 Въдь онъ не мельникъ: за него не спанепъ
 Вода работашъ! Часпо онъ пвердишъ,
 Чпо всѣхъ шрудовъ его шруды шяжелъ.

Мельникъ.

Да, вѣрь ему. Когда князя шрудяпся?
 И чпо ихъ шрудъ? шравипъ лисицъ и зайцевъ,
 Да пировашъ, да обирапъ сосѣдей,
 Да подговаривашъ васъ, бѣдныхъ дуръ.
 Онъ самъ работашепъ — куда, какъ жалко!
 А за меня вода!... А мнѣ покою
 Ни днемъ, ни ночью нѣшъ; а памъ посмошришъ:
 То здѣсь, шо памъ нужна еще починка,
 Гдѣ гниль, гдѣ печь. Вопъ если бъ пы у князя
 Умѣла выпросипъ на переспройку
 Хошъ нѣсколькo деньженокъ, было бъ лучше.

Дочь.

Ахъ!

Мельникъ.

Чпо шакое?

Дочь.

Чу? я слышу попопъ
Его коня.... Онъ! онъ!

Мельникъ.

Смотри же, дочь,
Не забывай моихъ совѣповъ, помни...

Дочь.

Вошь онъ, вошь онъ!

*(Входитъ князь. Коню-
шій уводитъ его коня).*

Князь.

Здорово, милый другъ.

Здорово, мельникъ.

Мельникъ.

Милоспивый князь,

Добро пожаловать. Давно, давно
Твоихъ очей мы свѣпныхъ не видали.
Пойду тебѣ гоповипъ угощене. *(Уходитъ).*

Дочь.

Ахъ, наконецъ ты вспомнилъ обо мнѣ!
Не спыдно ли тебѣ такъ долго мучипъ
Меня пуснымъ, жеспокимъ ожиданьемъ?
Чего мнѣ въ голову не приходило?
Какимъ себя я спрахомъ не пугала?
То думала, что конь тебя занесъ
Въ болопо или пропасть; что медвѣдъ
Тебя въ лѣсу дремучемъ одолѣлъ;

Что боленъ ты; что разлюбилъ меня...
 Но, слава Богу, живъ ты, невредимъ
 И любишь все по-прежнему меня,
 Не правда ли?

Князь.

По-прежнему, мой ангелъ;
 Нѣтъ, больше прежняго.

Она.

Однако ты
 Печаленъ; что съ побою?

Князь.

Я печаленъ?
 Тебѣ такъ показалось. Нѣтъ, я веселъ.
 Всегда, когда тебя лишь вижу.

Она.

Нѣтъ,
 Когда ты веселъ, издали ко мнѣ
 Спѣшишь и кличешь: гдѣ моя голубка?
 Что дѣлаешь она? А памъ цѣлуешь
 И вопрошаешь: рада ль я тебѣ
 И ожидала ли тебя такъ рано?...
 А нынче — слушаешь меня ты молча,
 Не обнимаешь, не цѣлуешь въ очи.
 Ты чѣмъ-нибудь впревоженъ вѣрно? Чѣмъ же?
 Ужъ не сердитъ ли на меня?

Князь.

Я не хочу припворспвовашъ напрасно.

Ты права: въ сердцѣ я ношу печаль
Тяжелую; и ты ее не можешь
Ни ласками любовными разбѣяшь,
Ни облегчишь, ни даже раздѣлишь.

Она.

Но больно мнѣ съ тобою не грустишь
Одною грустью. Тайну мнѣ повѣдай.
Позволишь — буду плакать, не позволишь —
Ни слезкой я тебѣ не досажу.

Князь.

Зачѣмъ мнѣ медлить? Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.
Мой милый другъ, ты знаешь, нѣтъ на свѣтѣ
Блаженства прочнаго: ни знатный родъ,
Ни красота, ни сила, ни богатство,
Ничто бѣды не можетъ миновать.
И мы — не правда ли, моя голубка —
Мы были счастливы? но-крайней-мѣрѣ
Я счастливъ былъ тобою, пвоей любовью;
И что впередъ со мною ни случится,
Гдѣ бъ ни былъ я, всегда я буду помню
Тебя, мой другъ; того, что я теряю,
Ничто на свѣтѣ мнѣ не замѣнишь.

Она.

Я словъ твоихъ еще не понимаю,
Но ужъ мнѣ спрашно. Намъ судьба грозитъ,
Готовишь намъ невѣдомое горе —
Разлуку, можетъ быть

Князь.

Ты угадала:

Разлука намъ судьбою суждена.

Она.

Кшо насъ разлучишь? Развѣ за побою
Иппи во слѣдъ я всюду невмаспна?
Я мальчикомъ одѣнусь, вѣрно буду
Тебѣ служишь дорогою, въ походѣ
Иль на войнѣ — войны я не боюсь,
Лишь видѣла бѣ себя. Нѣптъ, нѣптъ, не вѣрю!
Иль вывѣдашь мои пы мысли хочешь,
Или со мной пуспую шушку шупишь...

Князь.

Нѣптъ, шушки мнѣ на умъ нейдушь сегодня,
Вывѣдывашъ себя не нужно мнѣ;
Не снаряжаюсь я ни въ дальній пущь,
Ни на войну; я дома оспаюсь,
Но долженъ я съ шобой навѣкъ проспишься.

Она.

Поспой, шеперь я понимаю все:
Ты женишься? (*Князь молить*). Ты женишься?

Князь.

Что дѣлашь?

Сама пы разсуди. Князья невольны
Какъ дѣвицы: не по сердцу они
Себѣ подругъ берушь, а по расчешамъ

Иныхъ людей, для выгоды чужой...
 Твою печаль уплывишигь Богъ и время!
 Не забывай меня; возьми на память
 Повязку — дай тебѣ я самъ надѣну.
 Еще привезъ съ собою ожерелье —
 Возьми его. Да вопъ еще: опну
 Я это посулилъ — опдай ему. (*Даетъ ей въ
 руки лѣшокъ съ золотожъ*).

Прощай!

Она.

Постой, тебѣ сказать должна я —
 Не помню что.

Князь.

Припомни.

Она.

Для тебѣя

Я все готова... Нѣтъ не по... Постой...
 Нельзя, чтобы на вѣки, въ самомъ дѣлѣ,
 Меня ты могъ покинуть... Все не по...
 Да, вспомнила: сегодня у меня
 Ребенокъ свой подъ сердцемъ шевельнулся.

Князь.

Несчастливая! какъ быть? хопъ для него
 Побереги себя; я не оставлю
 Ни твоего ребенка, ни тебѣя.

Со-временемъ, бышь можешь, самъ прїѣду
 Васъ навѣспишь. Упѣшься, не крупися.
 Дай обниму тебя въ послѣдній разъ.
(Уходя). Ухъ, кончено! душъ какъ будшо легче.
 Я бури ждалъ, но дѣло обошлось
 Довольно пихо. *(Уходитъ. Она остается не-*
подвижною).

Мельникъ *(входитъ).*

Не угодно ль будешь
 Пожаловашь на мельницу? ... Да гдѣ же онъ?
 Скажи, гдѣ князь нашъ? Ба, ба, ба! Какая
 Повязка! Вся въ каменьяхъ дорогихъ!
 Такъ и горипь! И бусы! ... Ну, скажу,
 Подарокъ царскій. Ахъ, онъ благодѣпель!
 А эпо чпо? мѣшечекъ! Ужъ не деньги ль? ...
 Да чпо же пы споишь, не опвѣчаешь,
 Не вымолвишь словечка? Али пы
 Ошъ радости нежданой одурѣла,
 Иль на тебя сполбнякъ нашель?

Дочь.

Не вѣрю,
 Не можешь бышь. Я шакъ его любила ...
 Или онъ звѣрь? Иль сердце у него
 Космапое?

Мельникъ.

О комъ пы говоришь?

Дочь.

Скажи, родимый: какъ могла его
Я прогнѣвши? Въ одну недѣлю развѣ
Моя краса пропала? Иль его
Оправой опоили?

Мельникъ.

Что съ тобою?

Дочь.

Родимый, онъ увхалъ! Вонъ онъ скачешъ!
И я, безумная, его пустила!
Я за помы его не уцѣпилась!
Я не повисла на уздѣ коня!
Пускай же бѣ онъ съ досады опрубилъ
Мнѣ руки по локотъ; пускай бы щупъ же
Онъ распоппалъ меня своимъ конемъ!

Мельникъ.

Что съ нею?

Дочь.

Видишь ли — князя невольны
Какъ дѣвицы: не по сердцу они
Берутъ жену себѣ... А вольно имъ,
Небось, подманивать, божиться, плакать
И говоришь: «тебя я повезу
«Въ мой свѣшлый перемъ, въ пайную свѣшлицу,
«И наряжу въ парчу и въ бархатъ алый.»
Имъ вольно бѣдныхъ дѣвушекъ учить
Съ полуночи на свиспъ ихъ подымашься

И до зари за мельницей сидѣшь.
 Имъ любо сердце княжеское пѣшишь
 Бѣдами нашими! А памъ прощай;
 Спупай, голубушка, куда захочешъ;
 Люби, кого замыслишь!...

Мельникъ.

Вошь въ чемъ дѣло!...

Дочь.

Да кто же, кто невѣста? На кого
 Онъ промѣнялъ меня? О, я узнаю!
 Я доберусь; я ей скажу злодѣйкѣ:
 Опспань опъ насъ! шы видишь: двѣ волчихи
 Не водятся въ одномъ оврагѣ...

Мельникъ.

Дура!

Ужъ если князь беретъ себѣ невѣсту,
 Кто можешъ помѣшашъ ему? Вошь шо-шо!
 Не говорилъ ли я тебѣ...

Дочь.

И могъ онъ,

Какъ добрый человекъ, со мной прощашся,
 И мнѣ давашъ подарки! Каковѣ?
 И деньги! Выкупишь себя онъ думалъ!
 Онъ мнѣ хопылъ языкъ засеребришь,
 Чтوبъ не прошла о немъ худая слава
 И не дошла до молодой жены!...
 Да, бишь, забыла я; тебѣ ошдашь

Велѣлъ онъ это серебро за то,
 Чпо былъ хорошъ ты до него, чпо дочку
 За нимъ пускалъ паскашься, чпо ее
 Держалъ не спрого.... Въ-прокъ тебѣ пойдешъ
 Моя погибель! *(Отдаетъ ему жъшокъ.)*

Мельникъ *(въ слезахъ.)*

До чего я дожилъ!

Чпо Богъ привелъ услышашъ! Грѣхъ тебѣ
 Такъ горько упрекашъ опца роднаго.
 Одно дия ты у меня на свѣтъ,[!]
 Одна опрада въ спароспи моей:
 Какъ было мнѣ тебя не баловашъ?
 Богъ наказалъ меня за то, чпо слабо
 Я выполнилъ опцовскій долгъ.

Дочь.

Охъ, душно!

Холодная змѣя мнѣ шею давилъ...
 Змѣей, змѣею онъ меня —
 Не жемчугомъ опупалъ *(рветъ съ себя жемчугъ)...*
(Ополнясь.) Такъ бы я

Разорвала тебя змѣю-зловѣйку,
 Проклятую разлучницу мою!

Мельникъ.

Ты бредишь, право бредишь.

Дочь *(снимаетъ съ себя повязку).*

Вошь вѣнецъ мой,

Вѣнецъ позорный! Вошь чѣмъ насъ вѣнчалъ

Лукавый врагъ, когда я опрелася
Опо всего, чѣмъ прежде дорожила!
Мы развѣнчались. Сгинь пы, мой вѣнецъ! (*бро-
саетъ повязку въ Днѣпръ*).
Теперь все кончено!... (*бросается въ рѣку*).
Старикъ (*падая*).
Охъ, горе, горе!

КНЯЖЕСКІЙ ТЕРЕМЪ.

СВАДЬБА. МОЛОДЫЕ СИДЯТЪ ЗА СТОЛОМЪ. ГОСТИ.
ХОРЪ ДѢВУШЕКЪ.

СВАТЪ.

Веселую мы свадебку сыграли.

Ну, здравспвуй, князь съ княгиней молодой!

Дай Богъ вамъ жить въ любви да совѣтѣ,

А намъ у васъ почаще пиروвать.

Что жъ, красныя дѣвицы, вы примолкли?

Что жъ, бѣлыя лебедушки, припихли?

Али всѣ пѣсенки вы перепѣли?

Аль горлышки опъ пѣнья пересохли?

ХОРЪ.

Свапушка, свапушка,

Безполковый свапушка!

По невѣспу ѣхали —

Въ огородъ заѣхали,

Пива бочку пролили,

Всю капусту полили,

Тыну поклонилися,
 Вереѣ молилися:
 Верея ль, вереюшка,
 Укажи дороженьку
 По невѣспу ѣхати.
 Свашушка, догадайся,
 За мопоночку принимайся:
 Въ мошнѣ денежка шевелишся,
 Краснымъ дѣвушкамъ норовнишя.

Свѣтъ.

Насмѣшницы, ужъ выбрали вы пѣсню!

На, на, возьмише, не корипе свапа.

(Дарить дѣвушекъ.)

Одинъ голосъ.

По камушкамъ, по желшу песочку
 Пробѣгала быспрая рѣчка;
 Въ быспрой рѣчкѣ гуляюшъ двѣ рыбки,
 Двѣ рыбки, двѣ малыя площицы.
 А слыхала ль ты, рыбка-сесприца,
 Про вѣспи наши про рѣчныя?
 Какъ вечеръ у насъ краена дѣвица ушопилась,
 Ушопая, милова друга проклинала?

Свѣтъ.

Красавицы! да эпо чпо за пѣсня?

Она, кажись, не свадебная, нѣптъ.

Кпо выбралъ эшу пѣсню? а?

ДѢВУШКИ.

Не я,

Не я, не мы....

СВАТЬ.

Да кто жъ пропѣлъ ее?

(Шопотъ и смятеніе между дѣвушками).

КНЯЗЬ.

Я знаю кто. *(Встаетъ изъ-за стола и говоритъ тихо конюшему).*

Вѣдь мельничиха здѣсь:

Скорѣе выведи ее. Да свѣдай,

Кто смѣлъ ее впустить? *(Конюшій подходитъ къ дѣвушкамъ).*

Князь *(про себя).*

Она, пожалуй,

Гошова здѣсь надѣлашь сполько шуму,

Что со спыда не буду знашь, куда

И спряшашься!

КОНЮШІЙ.

Я не нашель ее.

Князь.

Ищи. Она, я знаю, здѣсь. Она

Пропѣла эту пѣсню.

ГОСТЬ.

Ай-да медь!

И въ голову и въ ноги шакъ и бьешъ.

Жаль, горекъ: подсласпишь его бѣ не худо...

(Молодые цѣлуются. Слышенъ слабый крикъ).

Князь.

Она! Вопгь крикъ ея ревнивый! Чшо?

Конюшій.

Я не нашелъ ее нигдѣ.

Князь.

Дуракъ.

Дружко *(вставая)*.

Не время ль намъ княгиню выдашь мужу,
Да молодыхъ въ дверяхъ осыпашь хмѣлемъ?

(Всѣ встаютъ).

Сваха.

Въспимо, время. Дайше жѣ пѣшуха.

*(Молодыхъ кормятъ жаренымъ
пѣтухомъ, осыпаютъ хмѣлемъ,
и ведутъ въ спальню).*

Сваха.

Княгиня-душенька, не плачь, не бойся,
Послушна будь.

*(Молодые уходятъ въ спальню.
Всѣ расходятся, кромѣ
свахи и дружка).*

Дружко.

Гдѣ чарочка? Всю ночь

Подъ окнами я буду развѣзжашь,
Такъ укрѣпишься мнѣ виномъ не худо.

СВАХА (*наливаетъ ему чарку*).

На, кушай, на-здоровье.

ДРУЖКО.

Ухъ, спасибо!

Все хорошо, не правда ль, обошлось?

И свадьба хопъ куда?

СВАХА.

Да, слава Богу,

Все хорошо: одно нехорошо...

ДРУЖКО.

А что?

СВАХА.

Да не къ добру пропѣли пѣсню

Не свадебную, а Богъ вѣснь какую.

ДРУЖКО.

Ужъ эти дѣвушки! никакъ нельзя имъ

Не попроказишь. Спашочно ли дѣло

Мушишь нарочно княжескую свадьбу!

С В Ъ Т Л И Ц А .

КНЯГИНЯ И МАМКА.

Княгиня.

Чу! кажешся, шрубяшь. Ышь, онъ не ѣдешъ.
Ахъ, мамушка! какъ былъ онъ женихомъ,
Онъ опъ меня на шагъ не оплучался;
Съ меня очей, бывало, не сводилъ.
Женился онъ — и все пошло не шакъ!
Теперь меня ранехонько разбудишь,
И ужъ ведишь себѣ коня сѣдлашь,
Да до ночи Богъ вѣдаешъ, гдѣ ѣздишь.
Воропишься — чущь ласковое слово
Промолвишь мнѣ, чущь ласковой рукой
По бѣлому лицу меня попреплешъ.

Мамка.

Княгинюшка! мужчина, чпо пѣшухъ:
Кури-куку! махъ, махъ крыломъ — и прочь,
А женщина — чпо бѣднаѣ наеѣдка:

Сиди себѣ да выводи цыпляпъ.
 Пока женихъ — ужъ онъ не насидишя,
 Ни пьепъ, ни ѳспъ, глядишъ, не нагляднишя
 Женился — и заботы наспаюшъ:
 То надобно сосѣдей навѣспишъ,
 То на охоту ѳхашъ съ соколами,
 То на войну нелегкая несепъ,
 Туда, сюда — а дома не сидишя.

Княгиня.

Какъ думаешь? Ужъ нѣшъ ли у него
 Зазнобы пайной?

Мамка.

Полно, не грѣши.

Да на кого себя онъ промѣняепъ?
 Ты всѣмъ взяла: умомъ, красою ненаглядной,
 Обычаемъ и разумомъ. Подумай,
 Родимая: ну въ комъ ему найпи,
 Какъ не въ тебѣ, сокровище пакое?

Княгиня.

Когда бъ услышалъ Богъ мои молишвы
 И мнѣ послалъ дѣшей, къ себѣ погда бъ
 Умѣла вновь я мужа привязашъ...
 А! полонъ дворъ охотниками. Мужъ
 Домой прѣхалъ. Чпо жъ его не видно?

(*Входитъ Ловій*).

Чпо князь, гдѣ онъ?

Ловчій.

Князь приказалъ домой

Опѣвахъ намъ.

Княгиня.

А гдѣ жъ онъ самъ?

Ловчій.

Оспался

Одинъ въ лѣсу на берегу Днѣпра.

Княгиня.

И князя вы осмѣлились оспавишь

Тамъ одного? Усердные вы слуги!

Сейчасъ назадъ, сейчасъ къ нему скачите

Сказашъ ему, что я прислала васъ.

(Ловчій уходитъ).

Ахъ, Боже мой! въ лѣсу ночной порою

И дикій звѣрь, и люпый человекъ,

И лѣпшій бродишь — долго ль до бѣды!

Скорѣй зажги свѣчу передъ иконой.

Мамка.

Бѣгу, мой свѣшь, бѣгу.

ДНѢПРЪ. НОЧЬ.

РУСАЛКИ.

Веселой толпою
 Съ глубокаго дна
 Мы ночью всплываемъ;
 Насъ грѣптъ луна.

Любо намъ порой ночьюю
 Дно рѣчное покидашь,
 Любо вольной головою
 Высь рѣчную разрываешь,
 Подаваешь другъ дружкѣ голосъ,
 Воздухъ звонкій раздражаешь,
 И зеленый влажный волосъ
 Въ немъ сушишь и опрашиваешь.

Одна.

Тише! птичка подъ кустами
 Вспрепенулася во мглѣ.

Другая.

Между мѣсяцемъ и нами
 Кто-то ходить по землѣ.

(Пряжутся).

Князь.

Невольно къ эпимъ грустнымъ берегамъ
 Меня влечетъ невѣдомая сила.
 Знакомыя, печальныя мѣста!
 Я узнаю окрестныя предметы:

Вопшь мельница... Она ужъ развалилась;
 Весельй шумъ ея колесъ умолкнулъ;
 Спаль жорновъ: видно, умеръ и спарикъ —
 Дочь бѣдную оплакивалъ онъ долго!
 Тропинка шупъ вилась — она заглохла...
 Давно, давно сюда никшо не ходипъ.
 Тушь садикъ былъ съ заборомъ — неужели
 Разросся онъ кудрявой эпой роцей?
 Ахъ, вопшь и дубъ завѣшнѣй! Здѣсь она,
 Обнявъ меня, поникла и умолкла...
 Возможно ли?... (*Идетъ къ дверямъ; листья*
сыплются)

Чшо это значишь? лисья,
 Поблекнувъ, вдругъ свернулися, и съ шумомъ,
 Какъ дождь, посыпалися на меня!
 Передо мной споишь онъ голъ и черень,
 Какъ дерево прокляшое. (*Входитъ старикъ въ*
лохмотьяхъ и полунагой)

СТАРИКЪ,

Здорово,

Здорово, зяшь!

Князь.

Кшо пы?

СТАРИКЪ.

Я здѣшнѣй воронъ.

Князь.

Возможно ль? эшо мельникъ!

СТАРИКЪ.

Что за мельникъ!

Я продалъ мельницу бѣсамъ запечнымъ,
А денежки опдалъ на сохраненье
Русалкѣ, вѣщей дочери моей;
Онѣ въ песку Днѣпра-рѣки зарышы,
Ихъ рыбка одноглазка спорожилъ.

Князь.

Несчастный, онѣ помѣшанъ! Мысли въ немъ
Разсѣяны, какъ шучи послѣ бури.

СТАРИКЪ.

Зачѣмъ вечеръ ты не пріѣхалъ къ намъ?
У насъ былъ пиръ, тебя мы долго ждали.

Князь.

Кто ждалъ меня?

СТАРИКЪ.

Кто ждалъ? Вѣспримо, дочь.

Ты знаешь, я на все гляжу сквозь пальцы
И волю вамъ даю: сиди она
Съ тобою хопъ всю ночь, до гвѣшуховъ —
Ни слова не скажу я.

Князь.

Бѣдный мельникъ!

СТАРИКЪ.

Какой я мельникъ! Говорашъ тебѣ,
Я воронъ, а не мельникъ. Чудный случай:
Когда (ты помнишь?) бросилась она

Въ рѣку, я побѣжалъ за нею слѣдомъ,
 И съ шой скалы прыгнувъ хопъль, да вдругъ
 Почувшвовалъ: два сильныя крыла
 Мнѣ выросли внезапно изъ-подъ мышекъ
 И въ воздухъ сдержали. Съ шой поры
 То здѣсь, по шамъ лешаю, по клюю
 Корову мершвую, по на могилѣ
 Сижу да каркаю.

Князь.

Какая жалость!

Кшо жъ за побою смоприть?

Старикъ.

Да, за мною

Присмапривать нехудо: спаръ я спалъ
 И шаловливъ. За мной, спасибо, смоприть
 Русалочка.

Князь.

Кшо?

Старикъ.

Внучка.

Князь.

Невозможно

Поняшь его! Спарикъ, шы здѣсь въ лѣсу
 Иль съ голоду умрешь, иль звѣрь тебя
 Заѣспъ. Не хочешь ли пойши въ мой шеремъ,
 Со мною живъ?

Старикъ.

Въ швой перемъ? Нѣтъ, спасибо!
 Заманишь, а подпомъ меня, пожалуй,
 Удавишь ожерельемъ. Здѣсь я живъ,
 И сытъ, и воленъ. Не хочу въ швой перемъ.
(Уходитъ).

Князь.

И этому все я виною! спрашно
 Ума лишисься! Легче умереть:
 На мершвеца глядимъ мы съ уваженьемъ,
 Творимъ о немъ молитвы: смерть равняетъ
 Съ нимъ каждаго. Но человекъ, лишенный
 Ума, спановишся не человекомъ:
 Напрасно рѣчь ему дана — не правитъ
 Словами онъ; въ немъ брапа своего
 Звѣрь узнаетъ; онъ людямъ въ посмѣянье;
 Надъ нимъ всякъ воленъ; Богъ его не судитъ....
 Спарикъ несчастный! Видъ его во мнѣ
 Раскаянья всѣ муки расправитъ.

Ловчій.

Вошь онъ. На силу-шо его сыскали.

Князь.

Зачѣмъ вы здѣсь?

Ловчій.

Княгиня насъ послала.

Она боялась за себя.

КНЯЗЬ.

Несносна

Ея забошлivosпъ! Иль я ребенокъ,
Чшо шагу мнѣ спущипъ безъ няньки?

*(Уходитъ. Русалки показыва-
ются надъ водой).*

Чшо, сесприцы: въ полѣ чиспомъ
Не догнашь ли ихъ скорѣй?
Плескомъ, хохопомъ и свиспомъ
Не пугнушь ли ихъ коней?
Поздно. Волны охладѣли,
Пѣпухи въ дали пропѣли,
Высь небесная темна,
Закапилася луна.

Одна.

Подождемъ еще, сесприца.

Другая.

Нѣтъ, пора, пора, пора!
Ожидаетъ насъ царица,
Наша спрогая сеспра.

(Скрываются).

ДНѢПРОВСКОЕ ДНО.

*Теремъ Русалокъ. Русалки прядутъ около
своей царицы.*

СТАРШАЯ РУСАЛКА.

Оставыте пряжу, сестры. Солнце съю,
Сполбомъ луна блеснитъ надъ нами. Полно.
Плывите вверхъ подъ небомъ попаритъ.
Да никого не прогайте сегодня —
Ни пѣшехода щекоташъ не смѣйте,
Ни рыбакамъ ихъ неводъ опягчашъ
Травой и шиной, ни ребенка въ воду
Заманивашъ рассказами о рыбахъ.

(Входитъ Русалочка).

Гдѣ ты была?

Дочь.

На землю выходила

Я къ дѣду.....

Со дна рѣвки собралъ ему шѣ деньги,
Которыя когда-то въ воду къ намъ
Онъ побросалъ. Я долго ихъ искала;
А что такое деньги, я не знаю.
Однако же я вынесла ему
Пригоршню ракувинокъ самоцѣпныхъ:
Онъ очень былъ имъ радъ.

Русалка.

Безумный скряга!

Послушай, дочка: нынче на шебя
Надъюсь я. Къ намъ на берегъ сегодня
Придесть мужчина. Спереги его
И выдь ему навспрѣчу. Онъ намъ близокъ —
Онъ швой отецъ.

Дочь.

Топъ самый, что шебя
Покинулъ и на жеицинѣ женился?

Русалка.

Онъ самъ. Къ нему нѣжнѣ приласкайся
И расскажи все то, что опъ меня
Ты знаешь про свое рожденье, пакже
И про меня. И если спросишь онъ:
Забыла ль я его иль нѣтъ — скажи,
Что все его я помню и люблю,
И жду къ себѣ. Ты поняла меня?

Дочь.

О! поняла.

Русалка.

Спунай же. (Одна). Съ шой поры,
Какъ бросилась безъ памяши я въ воду
Опчаянной и презрѣнной дѣвчонкой,
И въ глубинѣ Днѣпра-рѣки очнулась

Русалкою холодной и могучей,
Прошло двенадцать полныхъ лѣтъ;
Я каждый день о мщеніи помышляю —
И нынѣ, кажется, мой часъ насталъ.

БЕРЕГЪ.

Князь.

Невольно къ эскимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила.
Все здѣсь напоминаетъ мнѣ бывшее
И вольной, красной юности моей
Любимую, хоть горестную повѣсть.
Здѣсь нѣкогда меня встрѣчала
Свободнаго свободная любовь.
Я счастливъ былъ. Безумецъ!... и я могъ
Такъ въпрено опть счастья опказать!...
Печальная, печальная мечта
Вчерашняя мнѣ встрѣча оживила.
Опецъ несчастный! Какъ ужасенъ онъ!
Авось опяшь его сегодня встрѣчу,

И согласишя онъ оставишь лѣсъ
 И къ намъ переселишся (*Русалочка выхо-*
дитъ на берегъ).

Что я вижу!

Откуда ты, прелестное дитя?

.

Г А Л У Б Ъ.

Г А Л У Б Ъ.

I.

Не для бесѣдъ и ликованій,
Не для кровавыхъ совѣщаній,
Не для разспросовъ кунака,
Не для разбойничей попѣхи
Такъ рано съѣхались Адехи
На дворъ Галуба спарика.
Въ неожиданной встрѣчѣ сынъ Галуба
Рукой завистника убишь
Вблизи развалинъ Тапаршуба.
Въ родимой саклѣ онъ лежишь;
Обрядъ пворипся погребальной;
Звучишь унымо пѣснь мулмы;
Въ арбу впряженные волы
Спояшь предъ саклею печальной;
Дворъ полонъ пѣсною шолпой;
Подъемлюшь госпи скорбный вой

И съ плачемъ бьютъ въ нагрудны брони;
И, внемля шумъ небоевой,
Мяпушся спущанные кони;
Всѣ ждупь. Изъ сагли наконецъ
Выходишь между женъ опець;
Два узденя за нимъ выносяшь
На буркѣ хладный шрупъ. Толпу
По споронамъ раздашься просяпъ,
Слагаюшь шѣло на арбу
И съ нимъ кладупь снарядъ воинской:
Неразряженную пищаль,
Колчанъ и лукъ, кинжалъ Грузинской
И шашки крестовую спаль,
Чшобы крѣпка была могила,
Гдѣ храбрый ляжетъ почивашъ,
Чшобъ могъ на зовъ онъ Азраила
Исправнымъ воиномъ воспашъ.
Въ дорогу шествѣе гопово,
И пронулась арба. За ней
Адехи слѣдуюшь сурово,
Смирря молча пытъ коней.
Ужъ попухалъ закапъ огнистой,
Злаша нагорныя скалы,
Когда долины каменистой
Доспигли шихѣ волы.
Въ долину шой враждою жадной
Сраженъ наѣздникъ молодой —

Тамъ нынѣ въ пѣнь могилы хладной
Онъ ляжешь, блѣдный и нѣмой...
Ужъ шрупъ землю взяшь. Могила
Завалена. Толпа вокругъ
Мольбы послѣднія шворила.
Изъ-за горы явились вдругъ
Спарикъ съдой, съ нимъ опрокъ стройный.
Даюшь дорогу пришлецу,
И скорбному спарикъ опцу
Такъ молвилъ важный и спокойный:
«Тому прошло принадлецать лѣтъ,
Какъ ты, въ аулъ чужой припедъ,
Вручилъ мнѣ слабого младенца,
Чшобъ воспишаньемъ изъ него
Я сдѣлалъ храбраго Чеченца.
Сегодня сына одного
Ты преждевременно хоронишь.
Галубъ! покорень будь судьбѣ!
Другаго я привезъ тебѣ —
Вопъ онъ. Ты голову преклонишь
Къ его могучему плечу,
Свою пошерю имъ замѣнишь:
Труды мои ты самъ оцѣнишь —
Хвалишься ими не хочу.»
Умолкнулъ. Смопришь пороцливо
Галубъ на опрока. Тазишь,
Главу пошупя молчаливо,

Ему недвижимъ предстоипть.
И въ горѣ имъ Галубъ любуясь,
Влеченью сердца повинуюсь,
Объемлепть ласково его.
Попомъ наспавника ласкаепть,
Благодарипть и приглашаепть
Подъ кровлю дома своего.
Три дня, при ночи съ кунаками
Его онъ хочепть угощапть
И послѣ съ чеспью провожашъ,
Съ благословеньемъ и дарами.
Ему, опецъ печальный мнипть,
Обязанъ благомъ я безцѣннымъ:
Слугой и другомъ неизмѣннымъ,
Могучимъ мспипелемъ обидѣ.
Проходяпть дни. Печаль заснула
Въ душѣ Галуба. Но Тазипть
Все дикоспъ прежнюю хранипть.
Среди родимаго аула
Онъ все чужой; онъ цѣлый день
Въ горахъ одинъ молчипть и бродипть.
Такъ въ саклѣ пойманый олень
Все въ лѣсѣ глядипть, все въ глушѣ уходипть.
Онъ любипть — по крупнымъ скаламъ
Скользипть, ползпи пропой кремнистой,
Внимая бурѣ голосистой
И въ безднѣ воющимъ волнамъ.

Онъ иногда до поздней ночи
 Сидитъ, печаленъ, надъ горой,
 Недвижно въ даль усава очи,
 Опершись на руку главой.
 Какія мысли въ немъ проходятъ?
 Чего желаетъ онъ тогда?
 Изъ міра дальняго куда
 Младые сны его уводятъ?...
 Какъ знаешь? Незрима глубь сердець!
 Въ мечтаньяхъ опрокъ своеволенъ,
 Какъ въперъ въ небъ...

Но отецъ

Уже Тазипомъ не доволенъ.
 «Гдѣ жъ, мыслишь онъ, въ немъ плодъ наукъ,
 Опважность, хитроспъ и проворспво,
 Лукавый умъ и сила рукъ?
 Въ немъ только лѣнь и непокорспво.
 Иль сына взоръ мой не проникъ,
 Иль обманулъ меня сварикъ?»

Тазипъ изъ шабуна выводитъ
 Коня, любимца своего.
 Два дня въ аулъ нѣтъ его,
 На прешій онъ домой приходитъ.

Отецъ.

Гдѣ былъ пы, сынь?

Сынъ.

Въ ущельи скалъ,
Гдѣ прорванъ каменистый берегъ
И путь открытъ на Даріалъ.

Отецъ.

Что дѣлалъ тамъ?

Сынъ.

Я слушалъ Терекъ.

Отецъ.

А не видалъ ли ты Грузинъ,
Иль Русскихъ?

Сынъ.

Видѣлъ я: съ поваромъ
Тифлисскій ѣхалъ Армянинъ.

Отецъ.

Онъ былъ со спражей?

Сынъ.

Нѣтъ, одинъ.

Отецъ.

Зачѣмъ нечаяннымъ ударомъ
Не вздумалъ ты свалить его,
И не прыгнулъ къ нему съ ушеса?

Попунилъ очи сынъ Черкеса
Не отвѣчая ничего.

Тазинъ опять коня сѣдлаешъ,

Два дня, двѣ noci пропадаешъ,
 Попомъ являешся домой.

Отець.

Гдѣ былъ?

Сынъ.

За Бѣлою-горой.

Отець.

Кого ты встрѣшилъ на курганъ?

Сынъ.

Ошъ насъ бѣжавшаго раба.

Отець.

О милосердая судьба!

Гдѣ жъ онъ? уже ли на арканъ

Ты бѣглеца не припащилъ?

Тазипъ опять главу склонилъ.
 Галубъ нахмурился въ молчанъ,
 Но скрылъ свое негодованье.
 «Нѣтъ, мыслишь онъ, не замѣнишь
 Онъ никогда другаго браца!
 Не научился мой Тазипъ,
 Какъ шашкой добывающъ злапа;
 Ни спадъ моихъ, ни шабуновъ
 Не надѣлять его развѣзды;
 Онъ только знаешъ безъ прудовъ
 Внимаешь волнамъ, гладьшь на звѣзды,
 А не въ набѣгахъ опбиваешь

Коней съ Нагайскими быками,
И съ боя взяпыми рабами
Суда въ Анапѣ нагружашь.»

Тазишъ опяшъ коня съдѣаешъ.
Два дня, двѣ noci пропадаешъ,
На трепій, блѣденъ какъ мерпвецъ,
Приходишъ онъ домой. Опець,
Его увидя, вопрошаешъ:
Гдѣ былъ ты?

Сынъ.

Около станицъ

Кубани, близъ лѣсныхъ границъ

.

Отець.

Кого ты видѣлъ?

Сынъ.

Супостама.

Отець.

Кого? кого?

Сынъ.

Убійцу брата.

Отець.

Убійцу сына моего?...

Тазишъ! гдѣ голова его?

Дай, нагяжусь!

СЫНЪ.

Убійца былъ

Одинъ, израненъ, безоруженъ...

ОТЕЦЪ.

Ты долга крови не забылъ...

Врага ты навзничь опрокинулъ...

Не правда ли? ты пашку вынулъ,

Ты въ горло спаль ему вопкнулъ.

И прижды пихо повернулъ?

Упился ты его спенаньемъ,

Его змѣинымъ издыханьемъ?...

Гдѣ жъ голова? подай!... нѣтъ силъ...

Но сынъ молчитъ, попуя очи.

И спаль Галубъ чернѣе ночи

И сыну грозно возопилъ:

«Поди ты прочь — ты мнѣ не сынъ,

Ты не Чеченецъ — ты старуха,

Ты прусь, ты рабъ, ты Армянинъ —

Будь проклятъ мной — поди — чшобъ слуха

Никпо о робкомъ не имѣлъ,

Чшобъ вѣчно ждалъ ты грозной встрѣчи,

Чшобъ мерпвый брапъ тебѣ на плечи

Окровавленной кошкой сълъ

И къ безднѣ гналъ тебя нещадно;

Чшобъ ты, какъ раненый олень,

Бѣжалъ, поскуя безопрядно;

Чѣмъ дѣши Русскихъ деревень
 Тебя веревкою поймали
 И какъ волченка заперзали —
 Чѣмъ ты . . . бѣги, бѣги скорѣй!
 Не оскверняй моихъ очей!»
 Сказалъ и на земь легъ — и очи
 Закрывъ, и такъ лежалъ до ночи.
 Когда же приподнялся онъ,
 Былъ помень синій небосклонъ.

II.

Ущелій горныхъ поселенцы
 Въ долинѣ шумно собрались ;
 Привычны игры начались :
 Верхами юные Чеченцы,
 Въ пыли несясь во весь опоръ,
 Спрѣлою шапку пробивающъ,
 Иль прижды сложенный коверъ
 Булапомъ сразу разсѣкающъ,
 То скользкой пѣшатся борьбой,
 То пляской быстрой. Жены, дѣвы
 Межъ пѣмъ поющъ — и гулъ лѣсной
 Далече впорилтъ ихъ напѣвы.
 Но между дѣвами одна
 Молчитъ, уныла и блѣдна.

.

Въ шолпѣ спояпѣ чешою спранной, —
 Споаяпѣ, не видя ничего.

И горе имъ: онъ — сынъ изгнанный,

Она — любовница его...

О, было время!... съ ней украдкой

Видался юноша въ горахъ ;

Онъ пилъ огонь оправы сладкой

Въ ея смяшени, въ рѣчи крапкой,

Въ ея пошупленныхъ очахъ,

Когда съ домашняго порогу

Она смопрѣла на дорогу

Съ подружкой рѣзвой говоря,

И вдругъ садилась и блѣднѣла,

И опшѣчая не глядѣла,

И разгаралась какъ заря,

Или у водъ когда спояла,

Текущихъ съ каменныхъ вершинъ

И долго кованный кувшинъ

Волною звонкой наполняла...

И онъ, невласпный превозмочь

Волнений сердца, разъ приходишь

Къ ея опцу, его опводишь

И говоришь: «швоя мнѣ дочь

Давно мила ; по ней поскуя,

Одинъ и сирѣ давно живу я;
Благослови любовь мою;
И бѣденъ — но могучь и молодъ,
И агнецъ дома, звѣрь въ бою;
Къ намъ въ саклю не впущу я голодъ;
Тебѣ я буду сынъ и другъ
Послушный, преданный и нѣжный,
Твоимъ сынамъ — кунакъ надежный,
А ей приверженный супругъ . . . »

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПАМЯТНИКЪ.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукопшворной;
Къ нему не заросшешъ народная шпропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Наполеонова шполпа.

Нѣшъ! весь я не умру: душа въ завѣшной лирѣ
Мой прахъ переживешъ и плѣнья убѣжишъ —
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мѣрѣ
Живъ будешъ хоть одинъ пѣишъ.

Слухъ обо мнѣ пройдешъ по всей Руси великой,
И назовешъ меня всякъ сущій въ ней языкъ —
И гордый внукъ Славянъ, и Финъ, и нынѣ дикой
Тунгузъ, и другъ шпей Калмыкъ.

И долго буду шѣмъ народу я любезенъ,
Что чувствѣа добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелесшю живой спиховъ я былъ полезенъ,
И милосш къ падшимъ призывалъ.

Вельню Божію, о муза! будь послушна:
Обиды не спрашись, не пребуѣ и вѣнца;
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

РАЗЛУКА.

—

Для береговъ опчизны дальной
Ты покидала край чужой;
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный
Я долго плакала предъ шобой.
Мои хладѣющія руки
Тебя спарались удержать;
Томленья спрашнаго разлуки
Мой спонъ молилъ не прерывать.

Но ты опъ горькаго лобзанья
Свои успа опорвала;
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.
Ты говорила: въ день свиданья
Подъ небомъ вѣчно-голубымъ,
Въ пѣни оливъ, любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ.

Но памъ, увы! гдѣ неба своды
Сіяюць въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлюць воды,
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, твои спрданья
Исчезли въ урнѣ гробовой —
Исчезъ и поцѣлуй свиданья
Но жду его: онъ за побой

ЖЕЛАНІЕ.

Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы
Оживлены дубравы и луга,
Гдѣ весело синѣюшь, блещушь воды,
Роскошные лаская берега,
Гдѣ на холмы подѣ лавровые своды
Не смѣюшь лечь угрюмые снѣга?
Скажите мнѣ: кто видѣлъ край прелестный,
Гдѣ я любилъ, изгнанникъ неизвѣстный?

Злапой предѣлъ, любимый край Эльвины!
Туда лепяпъ желанія мои.
Я помню горъ высокія вершины,
Прозрачныхъ водъ веселыя струи,
И пѣнь, и шумъ, и красныя долины,
Гдѣ бѣдныя проспыхъ Тапаръ семьи:
Среди заботъ и съ дружбою взаимной
Подѣ кровлею живутъ госпепрїимной.

Все мило памъ красою безмяежной,
 Все пупника плѣняепъ и манипъ,
 Какъ въ ясный день дорогою прибрежной
 Привычный конь по склону горъ бѣжипъ.
 Повсюду прудъ веселый и прилежный
 Сады Тамаръ и нивы богапипъ,
 Холмы цвѣшупъ, и въ листьяхъ винограда
 Висипъ янпаръ, ночныхъ пировъ отпрада.

Все живо памъ: кудрявыхъ роцъ прохлада,
 Въ тѣни оливъ уснувшія спада,
 Вокругъ домовъ рѣшетки винограда,
 Монастыри, селенья, города,
 И моря шумъ, и говоръ водопада,
 И средь валовъ бѣгучія суда,
 И яркіе лучи злапаго Феба,
 И синій сводъ полуденнаго неба.

Приду ли вновь, поклонникъ музъ и мира,
 Забывъ молву и свѣпа суепы,
 На берегахъ веселаго Салгира
 Воспоминапъ души моей мечпы?
 Въ моихъ рукахъ Овидіева лира,
 Счастливая пѣвица красопы,
 Пѣвица нѣгъ, изгнанья и разлуки,
 Найдепъ ли вновь свои живые звуки?

И памъ, гдѣ мирпъ шумипъ надъ пихой урной,
Увижу ль вновъ, сквозь темные лѣса,
И своды скаль, и моря блескъ лазурной,
И ясныя, какъ радость, небеса?
Упихнепъ ли волненъе жизни бурной?
Минувшихъ лѣпъ воскреснешъ ли краса?
Приду ли вновъ подъ сладостныя пѣнн
Душой заснушь на лонѣ мирной лѣни?

СЪТОВАНИЕ.

Недавно я — въ часы свободы —
Уставъ нагъздника читалъ,
И даже ясно понималъ
Его искусные доводы;
Узналъ я рѣзкія черпы
Неподражаемаго слога —
И перевертывалъ листы,
.
И думалъ: въспренній пѣвецъ!
Перебѣсилась наконецъ
Твоя проказливая лира;
И сердцемъ охладѣвъ навѣкъ,
Ты видно спалъ въ угоду міра
Благоразумный человекъ!
О, горе! молвилъ я сквозь слезы,
Кто далъ Давыдову совѣтъ
Оспавить лавръ, оставивъ розы?
Какъ могъ унизиться до прозы
Вѣнчанный музою поэтъ,
Презрѣвъ и славу прежнихъ лѣтъ
И пѣни Бурцова угрозы?

Не дай мнѣ Богъ сойпи съ ума;
Нѣшъ, легче посохъ и сума,
Нѣшъ, легче шрудъ и гладъ.

Не по, чшобъ разумомъ моимъ
Я дорожилъ; не по, чшобъ съ нимъ
Разспахъся былъ не радъ.

Когда бъ оспавили меня
На волъ, какъ бы рѣзво я
Пуспилъся въ шемный лѣсъ!

Я пѣлъ бы въ пламенномъ бреду,
Я забывался бы въ чаду
Неспройныхъ, чудныхъ грезъ.

Силѣнъ и воленъ былъ бы я,
Какъ вихоръ, роющій поля,
Ломающій лѣса.

И я бъ заслушивался волнь,

И я глядѣлъ бы, счастья полнѣ,
Въ пустыя небеса.

Да вопъ бѣда: сойди съ ума,
И спрашенъ будешь, какъ чума;
Какъ разъ пѣбя запруть;

Посадятъ на цѣпь дурака,
И сквозь рѣшетку, какъ звѣрка,
Дразнишь тебя придуть.

А ночью слышать буду я,
Не голосъ яркій соловья,
Не шумъ глухой лѣсовъ;

А крикъ поварицей моихъ,
Да брань смотрителей ночныхъ,
Да визгъ, да звонъ оковъ.

ХУДОЖНИКУ.

Груспенъ и весель вхожу, Ваяпель, въ пвою
масперскую:
Гипсу пы мысли даешь, мраморъ послушень
шебъ:
Сколько боговъ и богинь и героевъ!... Вопъ Зевсъ
громовержець;
Вопъ изъ-подлобья глядишь, дуй въ цѣвницу
Сапиръ;
Здѣсь зачинапель Барклай, а здѣсь совершипель
Кушувовъ;
Тупъ Аполмонъ — идеаль, памъ Ниобея —
печаль...
Весело мнѣ! Но межъ-штѣмъ, въ полгѣ молчали-
выхъ кумировъ—
Груспенъ гуляю: со мной добраго Дельвита
нѣшь;
Въ шемной могилѣ почилъ художниковъ другъ и
совѣшникъ.
Какъ бы онъ обнялъ шебя! какъ бы гордился
шобой!

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Въ тревогъ пестрой и безплодной
Большаго свѣша и Двора
Я сохранила взоръ холодный,
Простое сердце, умъ свободный
И правды пламень благородный—
И какъ дымя была добра,
Смѣялась надъ толпою вздорной,
Судила здраво и свѣпло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо на-бѣло.

ДЕМОНЪ.

—

Въ шѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія:
И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
И ночью пѣнье соловья;
Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь:
Часы надеждъ и наслажденій
Тоской внезапной осыня,
Тогда какой-то злобный геній
Спалъ пайно навѣщаешь меня.
Печальны были наши встрѣчи:
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неиспоимый клеветною,
Онъ Провидѣнье искушалъ;

Онъ звалъ прекрасное мечпою,
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ:
И ничего во всей природѣ
Благословишь онъ не хотѣлъ.

ТРИ КЛЮЧА.

Въ степи мірской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробилась три ключа:
Ключъ юности — ключъ быспрый и мяпежный,
Кипиць, бѣжиць, сверкая и журча;
Каспальскій ключъ волною вдохновенья
Въ степи мірской изгнанниковъ поиць;
Послѣдній ключъ, холодный ключъ забвенья —
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца упоиць.

Ш А Ж Ъ,

ИЛИ

ПЯТНАДЦАТИ-ЛѢТНІЙ КОРОЛЬ.

C'est l'age de Cherubin....

—

Пятнадцать лѣтъ мнѣ скоро минеть;
Дождусь ли радостнаго дня?
Какъ онъ впередъ меня подвинеть!
По и теперъ нипто не кинеть
Съ презрѣньемъ взгляда на меня.

Ужъ я не мальчикъ — ужъ надъ губой
Могу свой усъ я заципнуть;
Я важенъ, какъ спарикъ беззубой;
Вы слышите мой голосъ грубой:
Попробуй кто меня полкнущь!

Я нравлюсь дамамъ, ибо скромень,
И между ними есть одна....
И гордый взоръ ея такъ помень,
И цвѣтъ ланищъ ея такъ помень,
Что жизни мнѣ милѣй она.

Она гопова хопъ въ пуспыню
Бѣжашъ со мной, презрѣвъ молву —
Хопите знашь мою богиню,
Мою Севильскую Графиню? . . .
Ишь! ни за что не назову!

А. Д. БАРАТЫНСКОЙ.

Когда-ню, помню съ умиленьемъ,
Я смѣлъ васъ нянчишь съ восхищеньемъ:
Вы были дивное дитя.
Вы разцвѣли: съ благоговѣньемъ
Вамъ нынѣ поклоняюсь я.
За вами сердцемъ и глазами
Съ невольнымъ препепомъ ношусь,
И вашей славою, и вами,
Какъ нянька спарая, горжусь.

Д. В. ДАВЫДОВУ.

(При посылкѣ Исторіи Пугачевскаго бунта.)

—

Тебѣ пѣвцу, шебѣ герою!
Не удалось мнѣ за побою
При громѣ пушечномъ, въ огнѣ
Скакашь на бѣшеномъ конѣ.
Наѣздникъ смирнаго пегаса,
Носилъ я спараго Париасса
Изъ моды вышедшій мундиръ:
Но и по этой службѣ шрудной,
И тушь — о мой наѣздникъ чудной,
Ты мой опецъ и командиръ.
Вошь мой Пугачъ: при первомъ взглядѣ
Онъ виденъ; плушь, козакъ прямой;
Въ передовомъ швоемъ ошрядѣ
Урядникъ былъ бы онъ лихой.

—

ВЪ АЛБВОМЪ

МИХ. АНДР. ЩЕРБИНИНУ.

—

Житье пому, любезный другъ,
 Кто страстью глупою не боленъ,
 Кому влюбиться недосугъ,
 Кто занятъ всѣмъ и всѣмъ доволенъ;
 Кто Надиньку подъ вечерокъ
 За пайнымъ ужиномъ ласкаетъ,
 И жирный Сшразбургскій пирогъ
 Виномъ душистымъ заливаетъ.

.

Поупру сладко дремлетъ онъ,
 Чистая лиспикъ Инвалида;
 Весь день веселью посвященъ,

 И мы не такъ ли дни ведемъ,

Щербининъ, рѣзвый другъ забавы,
Покамѣспѣ молоды и здравы?
Но дни молодые пролешашъ,
Сердца изсохнушъ и остынушъ.
Тогда безъ пѣсень, безъ подругъ,
Безъ наслажденій, безъ желаній,
Найдемъ опраду, милый другъ,
Въ шуманномъ снѣ воспоминаній!
Тогда, качая головой,
Скажу тебѣ у двери гроба:
« Ты помнишь Фанни, милый мой? »
— И тихо улыбнемся оба.

ОСЕННЕЕ ЧУВСТВО.

—

.
Какъ быспро въ полѣ, вокругъ открышомъ,
Подкованъ вновь, мой конь бѣжипь!
Какъ звонко подѣ его копышомъ
Земля промерзлая спучипь!

.
Какъ онъ взвился, решивый, смѣлый
Черезъ попокъ оледенѣлый!

.
Полезенъ Русскому здоровью
Напъ укрѣпительный морозъ.
Ланишы жарче вешнихъ розъ
Играюпъ холодомъ и кровью

.

—

ЕЯ ГЛАЗА.

(Въ отвѣтъ на стихи князя В — го).

Она мила — скажу межъ нами —
Придворныхъ выпязей гроза,
И можно съ южными звѣздами
Сравнишь, особенно спихами,
Ея Черкесскіе глаза.
Она владѣетъ ими смѣло,
Они горятъ огня живѣй;
Но самъ признайся, по ли дѣло
Глаза О ... моей!
Какой задумчивый въ нихъ геній,
И сколько дѣтской протопы,
И сколько помныхъ выраженій,
И сколько нѣги и мечпы!...
Попупись ихъ съ улыбкой Лея —
Въ нихъ скромныхъ грацій поржеспво;
Подниметъ — ангель Рафаэля
Такъ созерцаетъ Божеспво.

АНТОЛОГІЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

—

I.

Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила;
Къ ней на плечо преклоненъ, юноша вдругъ
задремалъ.
Дѣва підпчасъ умолкла, сонъ его легкій лелѣя,
И улыбалась ему, пихія слезы лія.

II.

Не розу Паѳосскую,
Росой оживленную,
Я вынѣ пою;
Не розу Феосскую,
Виномъ окропленную,
Спихами хвалю;
Но розу счасливую,
На персяхъ увядшую
Элины моей — — —

III.

LVII ОДА АНАКРЕОНА.

—

Что же сухо въ чашѣ дно?
Наливай мнѣ, мальчикъ рѣзвой;
Только пьяное вино
Распвори водою презвой.
Мы не Скиѣы; не люблю,
Други, пьянспвовать безчинно;
Нѣпть! за чашей я пою,
Иль бесѣдую невинно.

—————

IV.

Богъ веселый винограда
Позволяешъ намъ при чаши
Выпивать въ пиру вечернемъ:
Чаша первая Харитамъ
Обнаженнымъ и стыдливымъ
Посвящается; впоря
Краснощекому здоровью;
Третья дружбѣ многолѣпней.
Мудрый послѣ претъей чаши,
Всѣ вѣнки съ главы слагая,
Совершаетъ возліянье
Благодатному Морфею.

V.

Юноша ! скромно , пируй , и шумную Вакхову
влаго
Съ презвой спруею воды , съ мудрой бесѣдой
мѣшай.

VI.

МАЛЬЧИКУ.*(Изъ Катюлла).***Minister vetuli puer.**

—

Пьяной горечью Фалерна
Чашу мнѣ наполни, мальчикъ:
Такъ Постумія велѣла,
Предсѣдательница оргій.
Ты же прочь, рѣчная влага —
И струей, вину враждебной,
Спрогихъ постниковъ довольспвуй:
Чистый намъ любезенъ Бахусъ.

VII.

ИЗЪ АНАКРЕОНА.*(Отрывокъ).*

—

Узнаемъ коней репивыхъ
Мы по вызженнымъ шаврамъ;
Узнаемъ Пароянъ кичливыхъ
По высокимъ клобукамъ:
Я любовниковъ счастливыхъ
Узнаю по ихъ глазамъ.

—————

ПОДРАЖАНІЕ ИТАЛЬЯНСКОМУ.

Какъ съ древа сорвался предапель ученикъ,
Лукавый прилепѣлъ, къ лицу его приникъ,
Дхнулъ жизнь въ него, взвился съ своей добычей
смрадной

И бросилъ шрупъ живой въ горпанъ геенны
гладной...

Тамъ бѣсы, радуясь и плеща, на рога
Пріяли съ хохотомъ всемірнаго врага
И шумно понесли къ проклятому владыкѣ.
И Сапана, привспавъ, съ веселіемъ на ликѣ,
Лобзаніемъ своимъ насквозь прожегъ уста,
Въ предапельную ночь лобзавтія Христа.

ЖАЛОБА.

—

Вашъ дѣдъ порпной, вашъ дядя поварь,
А вы, вы модный господинъ —
Таковъ объ васъ народный говоръ,
И дива нѣтъ — не вы одинъ
Попомоць предковъ благородныхъ.
Увы! нищо въ моей роднѣ
Не шьепъ мнѣ даромъ фраговъ модныхъ
И не варишь обѣда мнѣ.

—————

ДОБРЫЙ СОВѢТЪ.

Давайте пипь и веселипья,
Давайте жизнью играпья;
Пусть чернъ слѣпая суешипья —
Не намъ безумной подражапья.
Пусть наша вѣпреная младоспья
Попонешъ въ нѣгѣ и въ винѣ;
Пусть измѣняющая радоспья
Намъ улыбнешся хопъ во снѣ.
Когда же юноспья легкимъ дымомъ
Умчипья веселоспья юныхъ дней,
Тогда у спароспи опымемъ
Все, что опымешся у ней.

КЪ *.**

—

Счастливъ, кто избранъ совершенно
Твоей поскливою мечпой,
При комъ любовью млѣешь 'явно,
Чьи взоры власпвуютъ побой;
Но жалокъ попь, кто молчаливо,
Старая пламенемъ любви,
Попуя голову ревниво,
Признанья слушаепть пвои.

—————

ПОДРАЖАНІЕ АРАБСКОМУ.

—

Опрокъ милый, опрокъ нѣжный,
Не спыдись, на-вѣкъ пы мой!
Топь же въ насъ огонь мяпежный —
Жизнью мы живемъ одной.
Не боюся я насмѣшекъ —
Мы сдвоились межъ собой:
Мы почь-въ-почь двойной орѣшекъ
Подъ одною скорлупой.

—————

ЛЕИЛА.

—

Опѣ меня' вечеръ Леила
Равнодушно уходила.
Я сказалъ: поспой! куда?
А она мнѣ возразила:
Голова швоя сѣда.
Я насмѣшницѣ нескромной
Опвѣчалъ: всему пора!
То, что было мускусь пемной,
Спало нынче камфора.
Но Леила неудачнымъ
Посмѣялася рѣчамъ
И сказала: знаешь самъ,
Сладокъ мускусь новобрачнымъ,
Камфора годна гробамъ.

М. А. Г.

—

Давно объ ней воспоминанье
Ношу въ сердечной глубинѣ;
Ея минушное вниманье
Опрадой долго было мнѣ.
Твердилъ я спихъ обвороженный,
Мой спихъ, унынья звукъ живой,
Такъ мило ею повпоренный,
Замѣченный ея душой.
Вновь лирѣ слезъ и хладной скуки
Она съ учаспіемъ вяла —
И нынѣ ей передала
Свои пѣвнищельные звуки
Довольно! въ гордоспи моей
Я мыслишь буду съ умиленьемъ:
Я славой былъ обязанъ ей,
А, можетъ бышь, и вдохновеньемъ.

ЛИЦЕЙСКАЯ ГОДОВЩИНА.

—

Чѣмъ чаще празднуешъ Лицей
Свою свяпую годовщину,
Тѣмъ робче старый кругъ друзей
Въ семью спѣсняется сдину,
Тѣмъ рѣже онъ; пѣмъ праздникъ нашъ
Въ своемъ веселіи мрачнѣе,
Тѣмъ глуше звонъ заздравныхъ чашъ
И наши пѣсни пѣмъ грустнѣе.

Давно ль, друзья Но двадцать лѣтъ
Тому прошло; и что же вижу?
Того Царя въ-живыхъ ужъ нѣтъ;
Мы жгли Москву, былъ пѣтъ Парижу,
Угасъ въ пюрѣмъ Наполеонъ,
Воскресла Грековъ древнихъ слава,
Съ престола палъ другой Бурбонъ,
Отбуншовама вновь Варшава.

Такъ дуновенья бурь земныхъ
И насъ нечаянно касались;

И мы средь пиршесивъ молодыхъ
Душею часно омрачались;
Мы возмужали; Рокъ судилъ
И намъ жипейски испытанья;
И смерпи духъ средь насъ ходилъ,
И назначалъ свои закланья.

Шесипъ мѣсипъ упраздненныхъ спояпъ;
Шесипи друзей не узримъ болѣ;
Они, разбросанные, спяпъ
Кто здѣсь, кто тамъ, на рашномъ полѣ,
Кто дома, кто въ землѣ чужой,
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой;
И всѣхъ мы брапски поминали.

И мнипся, очередь за мной...
Зовепъ меня мой Дельвигъ милый,
Товарищъ юноспи живой,
Товарищъ юноспи унылой,
Товарищъ пѣсень молодыхъ,
Пировъ и чиспыхъ помыпленій,
Туда, въ полпу пѣней родныхъ
На-вѣкъ опъ насъ ушедшій геній.

КЪ Н**.

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ;
Тебя мы долго ожидали;
И свѣшелъ ты сошелъ съ пайнспвенныхъ вер-
шинъ,
И вынесъ намъ свои скрижали.
И что жъ? ты насъ обрѣлъ въ пущынь подъ
шапромъ,
Въ безумствѣ суешаго пира,
Поющихъ буйну пѣснь и скачущихъ кругомъ
Отъ насъ созданнаго кумира.
Смутились мы, своихъ чуждаяся лучей.
Въ порывѣ гнѣва и печали
Ты проклялъ насъ, безмысленныхъ дѣшей,
Разбивъ лиспы своей скрижали.
Нѣтъ! ты не проклялъ насъ. Ты любишь съ
высопы
Скрываешься въ пѣнь долины малой;
Ты любишь громъ небесъ, и также внемлешь ты
Журчанью пчель надъ розой алой.

РАЗСТАВАНІЕ.

—

Въ послѣдній разъ твоей образъ милой
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И съ нѣгой робкой и унылой
Твою любовь воспоминаю.

Бѣгушь, мѣняясь, наши лѣта,
Мѣняя все, мѣняя насъ —
Ужъ ты для своего поэта
Могильнымъ сумракомъ одѣта,
И для себя твоей другъ угасъ.

Прими же, дальняя подруга,
Прощанье сердца моего,
Какъ овдовѣвшая супруга,
Какъ другъ, обнявшій молча друга
Передъ изгнаніемъ его.

РОМАНСЪ.

—

Предъ Испанкой благородной
Двое рыцарей спояшъ;
Оба смѣло и свободно
Въ очи прямо ей глядяшъ.
Блещущъ оба красотою,
Оба сердцемъ горячи,
Оба мощною рукою
Оперлися на мечи.

Жизни имъ она дороже
И какъ слава имъ мила.
Но одинъ ей милъ. Кого же
Дѣва сердцемъ избрала?
Кто, рѣши, любимъ побою?
Оба дѣвъ говоряшъ —
И съ надеждой молодою
Въ очи прямо ей глядяшъ.

—

АКВИЛОНЪ.

—

Зачѣмъ ты, грозный Аквилонъ,
Тропникъ болопный долу клонишь?
Зачѣмъ на дальній небосклоуъ
Ты облако споль гнѣвно гонишь?

Недавно черныхъ пучь грядой
Сводъ неба глухо облакался;
Недавно дубъ надъ высопой
Въ красѣ надменной величался.

Но ты поднялся, ты възгралъ,
Ты прошумѣлъ грозой и славой —
И бурны пучи разогналъ
И дубъ низвергнулъ величавой.

Пускай же солнца ясный ликъ
Опнынѣ радостью блистаепъ
И облакомъ зефиръ играепъ
И пихо зыблепся проспникъ.

НОЧЬЮ, ВО ВРЕМЯ БЕЗСОННИЦЫ.

Мнѣ не спится, нѣтъ огня:
Всюду мракъ и сонъ докучной;
Ходъ часовъ лишь однозвучной
Раздается близъ меня.
Парки бабѣ лепешанье,
Спящей ночи препенанье,
Жизни мышья бѣгопня —
Что превозишь ты меня?
Что ты значишь, скучной шепотъ?
Укоризна, или ропотъ
Мной управленнаго дня?
Опъ мѣся чего ты хочешь?
Ты зовешь, или пророчишь?
Я понялъ тебя хочу,
Темный швой языкъ учу....

ЗАКЛИЦАНІЕ.

—

О, если правда, что въ ночи,
Когда покоялся живые
И съ неба лунные лучи
Скользятъ на камни гробовые,
О, если правда, что тогда,
Пустьбуютъ пихія могилы —
Я тѣнь зову, я жду Лейлы:
Ко мнѣ, мой другъ, сюда, сюда!

Явись, возлюбленная тѣнь,
Какъ ты была передъ разлукой,
Блѣдна, хладна, какъ зимній день,
Искажена послѣдней мукой.
Приди, какъ дальная звѣзда,
Какъ легкой звукъ иль дуновенье,
Иль какъ ужасное видѣнье,
Мнѣ все равно : сюда, сюда!....

Зову тебя, не для того,
Чтобъ укорять людей, чья злоба

Убила друга моего,
Иль чшобъ извѣдашь тайны гроба;
Не для того, что иногда
Сомнѣнъемъ мучусь... но поскуя,
Хочу сказаць, что все люблю я,
Что все я твоей. Сюда, сюда!

КАПРИЗЪ.

Румяной крипикъ мой, насмѣшникъ полспо-
 пузой,
 Готовый вѣкъ прунить надъ нашей томной му-
 зой,
 Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной;
 Попробуй, сладимъ ли съ проклятою хандрой.
 Что жъ ты нахмурился? Нельзя ли блажь оспа-
 вить
 И пѣсенкою насъ веселой позабавить?
 Смотри, какой здѣсь видъ : избушекъ рядъ убогой,
 За ними черноземъ, равнины скапъ оплогой,
 Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.
 Гдѣ жъ нивы свѣшлыя? гдѣ темные лѣса?
 Гдѣ рѣчка? На дворъ у низкаго забора
 Два бѣдныхъ деревца спояпъ въ опраду взора,
 Два только деревца, и по изъ нихъ одно
 Дожливой осенью совсѣмъ обнажено,
 А лисья на другомъ размокли и, желпѣя,
 Чпобъ лужу засорить, ждупъ перваго борея.

И полько. На дворѣ живой собаки нѣшь.
Вошь, правда, мужичекъ; за нимъ двѣ бабы вслѣдъ.
Безъ шапки онъ; несешъ подъ мышкой гробъ
ребенка
И кличешъ издали лѣниваго попенка,
Чшобъ пошь опца позвалъ, да церковь опворилъ.
Скорѣй! ждашь нѣкогда! давно бѣ ужъ схоронилъ.

ОТРЫВОКЪ.

—

Ты сердцу непонятный мракъ,
Пріюпъ опчаянья слѣпаго,
Ничтожество! пустой призракъ.
Не жажду своего покрова.
Мечпанье жизни разлюбя,
Счастливыхъ дней не знавъ опть вѣка,
Я все не вѣрую въ себя;
Ты чуждо мысли челоуѣка!
Тебя спрашится гордый умъ.
Такъ пупникъ, съ вышины внимая
Ручьсы Алпійскихъ вѣчный шумъ
И взоры въ бездну погружая,
Невольнымъ ужасомъ помимъ,
Дрожитъ, колеблется — предъ нимъ
Предметы движупся, темнѣюпъ,
Въ немъ чувства хладныя нѣмѣюпъ,
Кругомъ опюпа ищепъ онъ,
Все мчипся, меркнепъ, исчезаспъ...
И хладный обморока сонъ

На край горы его бросаетъ....
 Но, улепѣвъ въ міры иные,
 Уже ли съ ризой гробовой
 Всѣ чувства брошу я земныя
 И чуждѣ мнѣ спанетъ міръ земной?
 Уже ли памѣ, гдѣ все блистаетъ
 Неплѣнной славой и красой,
 Гдѣ чистый пламень пожираетъ
 Несовершенство бытія,
 Минувшихъ жизни впечатлѣній
 Не сохранитъ душа моя,
 Не буду вѣдать сожалѣній,
 Тоску любви забуду я?
 Любви! Но что же за могилой
 Переживетъ еще меня?
 Во мнѣ безсмертна память милой:
 Что безъ нея душа моя?

.

Вы насъ увѣрили, поэты,
 Что пѣни пайною полпой
 Опѣ береговъ печальной Лепы
 Слепаются на брегъ земной.
 Онѣ уныло посѣщаютъ
 Мѣста, гдѣ жизнь была милѣй
 И въ сновидѣньяхъ упѣшаютъ
 Сердца покинутыхъ друзей....
 Онѣ, безсмертіе вкушая,

Въ элизій поджидаюшь ихъ
Какъ въ праздникъ ждетъ семья родная
Замедлившихъ госпей своихъ....

.
Мечпы поэзіи прелестной,
Благословенныя мечпы!
Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный
И ваши пайныя цвѣшы.

М*.

Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужаго; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и числными мечпами
И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на западъ — и благословеньемъ
Его мы проводили. Но теперь
Нашъ мирный госпъ намъ ешалъ врагомъ, и нынѣ
Въ своихъ сплнхахъ, угодникъ черни буйной,
Поешъ онъ ненависть: Издалека
Знакомый голосъ злобнаго поэта,
Доходитъ къ намъ!... О Боже! возврати
Твой миръ въ его озлобленную душу.

ПОДРАЖАНІЯ ДАНТУ.

—

I.

Въ началѣ жизни школу помню я;
Тамъ насъ, дѣшей безпечныхъ, было много —
Неравная и рѣзвая семья;

Смиренная, одѣтая убого,
Но видомъ величавая, жена
Надъ школою надзоръ хранила спрого.

Толпою нашею окружена,
Пріятнымъ, сладкимъ голосомъ, бывало,
Съ младенцами бесѣдуешъ она.

Ея чела я помню покрывало
И очи свѣшлыя какъ небеса —
Но я вникалъ въ ея бесѣды мало.

Меня смущала спрогая краса
Ея чела, спокойныхъ успъ и взоровъ
И полныя свящыни словеса.

Дичась ея совѣповъ и укоровъ,
Я про себя преврапно полковаль
Поняпный смыслъ правдивыхъ разговоровъ.

И часто я украдкой убѣгалъ
Въ великолѣпный мракъ чужаго сада
Подъ сводъ искусшвенный порфирныхъ скалъ.

Тамъ нѣжила меня деревъ прохлада;
Я предавалъ мечшамъ мой слабый умъ,
И праздномыслешь было мнѣ ограда.

Любилъ я свѣпныхъ водъ и лиспьевъ шумъ
И бѣлые въ шѣни деревъ кумиры
И въ ликахъ ихъ печать недвижныхъ думъ.

Все мраморные циркули и лиры
И свипки въ мраморныхъ рукахъ
И длинныя на ихъ плечахъ порфиры —

Все наводило сладкій нѣкій спрахъ
Мнѣ на сердце; и слезы вдохновенья
При видѣ ихъ раждались на глазахъ.

Другія два чудесныя шворенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двухъ бѣсовъ изображенья.

Одинъ (Дельфійскій идолъ) ликъ молодой —
Былъ гнѣвнъ, полонъ гордоспи ужасной
И весь дышалъ онъ силою неземной.

Другой женообразный, сладоспращный,
Сомнительный и лживый идеалъ —
Волшебный демонъ — лживый, но прекрасный,

.

II.

И далѣ мы пошли — и спрахъ обнялъ меня.
 Бѣсенокъ, подѣ себя поджавъ свое копыто,
 Крушилъ росповщика у адскаго огня.

Горячій капаль жиръ въ копченое корыто,
 И лопаль на огнѣ печеный росповщикъ.
 А я: повѣдай мнѣ, въ сей казни что сокрыто?

Виргилій мнѣ: мой сынъ, сей казни смыслъ
 великъ;

Одно спяжаніе имѣвъ вездѣ въ предметѣ,
 Жиръ должниковъ своихъ сосалъ сей злой

И ихъ безжалосшно крушилъ на вашемъ свѣтѣ.
 Тушь грѣшникъ жареный пропячно возопилъ:
 «О, если бѣ я шеперь понулъ въ холодной Лешѣ,

«О, еслибъ зимній дождь мнѣ кожу оспудилъ!
 «Спо на спо я шерплю: проценшъ неимовѣрный!»
 Тушь звучно лопнулъ онъ — я взоры опврапилъ.

Тогда услышалъ я (о диво!) запахъ скверный,
 Какъ будто шухлое разбилося яйцо,
 Иль караншинный спражъ курилъ жаровней сѣрной.

Я, носъ себѣ зажавъ, закрылъ свое лицо.
 Но мудрый вождь пащилъ меня все даль, даль—
 И, камень приподнявъ за мѣдное кольцо,

Сошли мы внизъ — и я узрѣлъ себя въ подвалѣ.
 Тогда я демоновъ увидѣлъ черный рой,
 Подобный издали вапагѣ муравьиной —
 И бѣсы пѣшились прокляпою игрой :

До свода адскаго касалася вершиной
 Гора спеклянная, гладка, крупа, оспра —
 И разлегалася надъ темною равниной;

И бѣсы, раскаливъ какъ жаръ чугуна ядра,
 Пуспили внизъ его смердящими когтями.
 Ядро запрыгало — и гладкая гора,

Звеня, распрескалась колючими звѣздами —
 Тогда другихъ чершей неперпѣливый рой
 За жертвой кинулся съ ужасными словами.

Схватили подъ руки жену съ ея сестрой,
 И обнажили ихъ, и внизъ пихнули съ крикомъ —
 И обѣ сидючи пуспились внизъ спрѣлой;

Порывъ опчаянья являлъ ихъ въ воплѣ дикомъ;
 Спекло ихъ рѣзало, впивалось въ плѣхо имъ —
 А бѣсы прыгали въ веселіи великомъ.

Я издали глядѣлъ — смущеніемъ помимъ.

:

РОДРИГЪ.

—

На Испанію родную
Призвалъ Мавра Юліанъ;
Графъ за личную обиду
Мспишь рѣшился королю.

Дочь его Родригъ похипилъ,
Обезчеспилъ древній родъ;
Вопшь за чпо опчизну предалъ
Раздраженный Юліанъ.

Мавры хлынули попокомъ
На Испанскіе брега —
Царспво Гопеовъ миновалось,
И съ престпола палъ Родригъ.

Гопеы пали не безславно:
Храбро билися они;
Долго Мавры сомнѣвались,
Одольбешъ кшо кого.

Восемь дней сраженье длилось;
Споръ рѣшенъ былъ наконецъ :
Быль на полѣ битвы пойманъ
Конь любимый короля;

Шлемъ и мечъ его тяжелый
Были найдены въ пыли.
Короля почли убитымъ —
И никто не пожалѣлъ.

Но Родригъ въ-живыхъ оспался:
Бился онъ всѣ восемь дней;
Онъ сперва хопѣлъ-побѣды,
Тамъ ужъ смерти лишь хопѣлъ.

И кругомъ свистали стрѣлы,
Не касаяся его;
Мимо дропки лепали;
Шлема мечъ не разсѣкалъ.

Напоследокъ, упомившись,
Соскочилъ съ коня Родригъ,
Мечъ съ запекшеюся кровью
Опъ ладони опклеилъ.

Бросилъ на-земь шлемъ пернапый
И блестящую броню. —

И, спасенный мракомъ ночи,
Съ поля бипвы онъ ушелъ.

Опъ полей кровавой бипвы
Удаляется Родригъ;
Короля опередила
Вѣсть о гибели его.

Спариковъ и бѣдныхъ женщинъ
На распустьяхъ видипъ онъ;
Всѣ толпой бѣгупъ опъ Мавровъ
Къ укрѣпленнымъ городамъ.

Всѣ, рыдая, молящъ Бога
О спасеньи Хриспанъ;
Всѣ Родрига проклинаятъ —
И проклящя слышинтъ онъ.

И съ понижшею главою
Мимо ихъ пройпи сдѣципъ,
И не смѣетъ даже молвипъ:
Помолишесь за него.

Наконецъ на берегъ моря
Въ прерпій день приходипъ онъ —
Видипъ темную пещеру
На пустынномъ берегу.

Въ поій пещерѣ онѣ находилъ
Крестъ и заснулъ — а въ углу
Трупъ опшельника и яму,
Имъ изрыпую давно.

Тлѣнне шрупа не коснулось;
Онѣ лежилъ окоспенѣвъ,
Ожидая погребенья
И молишвы Христіанъ.

Трупъ опшельника съ молишвой
Схоронилъ Родригъ король,
И въ пещерѣ поселился
Надъ могилою его.

Онѣ пишашься спалъ плодами
И водою ключевой,
И себѣ могилу вырылъ
Какъ предшеспвенникъ его.

Короля въ уединенья
Спалъ лукавый искушашь,
И видѣньями ночными
Кропкій сонъ его мушилъ.

Онѣ проснется съ содроганьемъ,
Полонъ спреха и спыда —

Упоеніе соблазна
Сокрушаешъ духъ его.

Хочешъ онъ молишься Богу
И не можешъ: бѣсъ ему
Шепчешъ въ уши звуки бисвы
Или спраспныя слова.

Онъ въ унынїи проводитъ
Дни и ночи недвижимъ,
Успремивъ глаза на море,
Поминая спарину.

Но опшельникъ, чьи оспашки
Онъ усердно схоронилъ,
За него передъ Всевышнимъ
Заспунился въ небесахъ.

Въ сновидѣннїи благодапномъ
Онъ явился королю,
Бѣлой ризою одѣянъ
И сіаньемъ окруженъ.

И король, обѣяпый спрахомъ,
Ницъ повергся передъ нимъ,
И въщаль ему угодникъ:
Вспашъ — и міру вновь явись.

Ты вѣнецъ уграпишь царской;
Но Господь рукъ пвоей
Дасиъ побѣду надъ врагами,
А душѣ пвоей покой.

Пробудясь, Господню волю
Сердцемъ онъ уразумѣлъ,
И, съ пусыінею разспавшись,
Въ пущь опсправился король.

ОТРЫВОКЪ.

—

I.

Однажды, спранспвуя среди долины дикой
Незапно былъ объяпъ я скорбію великой
И псяжкимъ бременемъ подавленъ и согбенъ,
Какъ попъ, кто на судъ въ убійспвѣ уличенъ.
Попупя голову, въ поскѣ ломая руки,
Я въ вопляхъ изливалъ души пронзенной муки
И горько повпорялъ, мешаясь какъ больной:
Что дѣлапъ буду я? что спанется со мной?

II.

И пакъ я, съпуя, въ свой домъ пришелъ обрапно.
Уныніе мое вѣмъ было непоняпно.
При дѣпяхъ и женѣ сначала я былъ пихъ,
И мысли мрачныя хопгьлъ пашпъ `опъ нихъ;
По скорбь часъ опъ часу меня спѣсняла болъ —
И сердце наконецъ открьлъ я по-невопъ.
«О горе, горе намъ! Вы, дѣши, пы, жена,

Сказалъ я, вѣдайше : моя душа полна
 Тоской и -ужасомъ; мучительное бремя
 Тягчишь меня. Идешь! ужъ близко, близко время:
 Нашъ городъ пламени и вѣпрамъ обреченъ;
 Онъ въ угли и золу вдругъ будешь обращенъ —
 И мы погибнемъ всѣ, коль не успѣемъ вскорѣ
 Обрѣспь убѣжище — а гдѣ? о горе, горе!»

III.

Мои домашніе въ смущеніе пришли
 И здравый умъ во мнѣ разспроенымъ почли.
 Но думали, что ночь и сна покой цѣлбной
 Охолодящъ во мнѣ болѣзни жаръ враждебной.
 Я легъ, но во всю ночь все плакалъ и вздыхалъ
 И ни на мигъ очей тяжелыхъ не смыкалъ.
 Цоупру я одинъ сидѣлъ, оставя ложе.
 Они пришли ко мнѣ; на ихъ вопросъ я по же,
 Что прежде говорилъ. Тупъ ближніе мои,
 Не довѣряя мнѣ, за должное почли
 Прибѣгнувъ къ спрогоспи. Они съ ожесточеньемъ
 Меня на правый цупъ и бранью и презрѣньемъ
 Спарались обрашпшь. Но я, не внемля имъ,
 Все плакалъ и вздыхалъ, унынѣемъ шѣснимъ.
 И наконецъ они опъ крика упоминились
 И опъ меня, махнувъ рукою, опспупились
 Какъ опъ безумнаго, чья рѣчь и дикій плачь
 Докучны, и кому суровый нуженъ врачъ,

IV.

Пошелъ я вновь бродить — унынемъ изнывая
И взоры вокругъ себя со страхомъ обращая,
Какъ рабъ, замыслившій опчаянный побѣгъ,
Иль пупникъ, до дождя спѣшаций на ночлегъ.
Безсонный пруженикъ, влача свою веригу,
Я встрѣпилъ юношу, чипающаго книгу.
Онъ тихо поднялъ взоръ и спросилъ меня :
О чемъ, бродя одинъ, такъ горько плачу я?
И я въ отвѣтъ ему : познай мой жребій злобный;
Я осужденъ на смерть и позванъ въ судъ за-
гробный —
И вопъ о чемъ крушусь; къ суду я не готовъ,
И смерть меня спрашивъ. «Коль жребій швой
шакъовъ,
Онъ возразилъ, и ты такъ жалокъ въ самомъ дѣлѣ,
Чего жъ ты ждешь? зачѣмъ не убъжишь опселъ?»
И я : куда жъ бѣжашъ? Какой мнѣ выбрашь путь?
Тогда : не видишь ли швой взоръ чего нибудь?
Сказалъ мнѣ юноша, вдалъ указуя перстомъ.
Я окомъ спалъ глядѣшь болѣзненно-опшверзшымъ
Какъ опъ бѣльма врачомъ избавленный слѣпецъ
Я вижу нѣкій свѣтъ — сказалъ я наконецъ.
«Иди жъ — онъ продолжалъ : держись сего ты
свѣта;
Пусть будетъ онъ псбѣ единшвенная мѣша,
Доколѣ оныхъ врагъ еще ты не доспигъ;

Спунай!» И я бѣжаць пуснился въ поггъ же
мигъ.

Побѣгъ мой произвелъ въ семьѣ моей шревогу:
И дѣщи и жена кричали мнѣ съ порогу,
Чшобъ воропился я скорѣе. Крики ихъ
На площадь привлекли пріятелей моихъ.
Одинъ бранилъ меня, другой моей сунругѣ
Совѣшы подавалъ, иной жалѣлъ о другѣ;
Кшо поносилъ меня, кшо на-смѣхъ подымалъ,
Кшо силой воропипшъ сосѣдамъ предлагалъ;
Иные ужъ за мной гнались — но я шѣмъ боѣ
Спѣшилъ перебѣжаць городовое поле,
Дабы скорѣй войши, ошавя шѣ мѣспа,
Спасенія пушемъ въ таиншвенны врача! —

АЛЬБОМЪ ОНЪГИНА.

—

I.

Меня не любяпъ и клеветушпъ;
Въ кругу мужчинъ несносенъ я,
Дѣвчонки предо мной препенущпъ,
Косяпся дамы на меня.
За что? За то, что разговоры
Приняпъ мы рады за дѣла,
Что вздорнымъ людямъ важны вздоры,
Что глупость въпрена и зла,
Что пылкихъ душъ неоспорожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ, иль смѣшитъ,
Что умъ, любя просторъ, пѣснитъ.

II.

Боишесь вы Гра — овой?
Сказала имъ Элиза К.

Да, возразилъ NN суровый,
 Боимся мы Гра — овой,
 Какъ вы боитесь паука.

III.

Въ Коранѣ много мыслей здравыхъ.
 Вошь напримѣръ : предъ каждымъ сномъ
 Молись; бѣги пушей лукавыхъ,
 Чши правду и не спорь съ глупцомъ.

IV.

Цвѣшокъ полей, листокъ дубравъ
 Въ ручьѣ Кавказскомъ каменѣпъ;
 Въ волненьи жизни шакъ мершвѣпъ
 И въпреный и пыкій нравъ.

V.

Шестаго. Быгъ у В. на багъ:
 Довольно пуспо было въ загъ.
 В. С. какъ ангелъ хороша:
 Какая вольноспъ въ обхожденьи!
 Въ улыбка, въ помномъ глазъ движеньи
 Какая нѣга и душа!

VI.

Вечоръ сказала мнѣ Р. С.
Давно желала я васъ видѣшь.
Зачѣмъ? — Мнѣ говорили всѣ,
Что я васъ буду ненавидѣшь. —
Зачто? — За рѣзкій разговоръ,
За легкомысленное мнѣнье
О всемъ; за колкое презрѣнье
Ко всемъ. Однако жъ это вздоръ.
Вы надо мной смѣялись власны,
Но вы совсѣмъ не такъ опасны;
И знали ль вы до сей поры,
Что просто — очень вы добры?

VII.

Сокровища роднаго слова,
Замѣшаятъ важные умы,
Для лепепанія чужаго
Пренебрегли безумно мы.
Мы любимъ музъ чужихъ игрушки,
Чужихъ нарѣчій погремушки,
А не читаемъ книгъ своихъ.
Да гдѣ жъ онѣ? давайше ихъ!
Конечно: съверные звуки
Ласкають мой привычный слухъ;
Ихъ любишь мой Славянскій духъ;

Ихъ музыкой сердечны муки
 Усыплены: но дорожипь
 Одними ль звуками піипь?
 И гдѣ жъ мы первыя познанья
 И мысли первыя нашли?
 Гдѣ повѣряемъ испытанья,
 Гдѣ узнаемъ судьбу земли?
 Не въ переводахъ одичалыхъ,
 Не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ,
 Гдѣ Русскій умъ и Русскій духъ
 Зады пвердипь и лжешъ за двухъ.

.

Поэпы наши переводяпь,
 Или молчапь; одинъ журналъ
 Исполненъ припорныхъ похвалъ,
 Топъ брани плоской; всѣ наводяпь
 Зъвопу скуки, чупъ не сонъ:
 Хоропъ Россійскій Геликонъ!

VIII.

Морозъ и солнце — чудный день!
 Но нашимъ дамамъ видно лънь
 Сойти съ крыльца и надъ Невою
 Блеснуть холодной красою;
 Сидяпъ — напрасно ихъ манипъ

Пескомъ усыпанный гранипъ,
 Умна воспочная система
 И правъ обычай спариковъ :
 Онъ родимись для гарема
 Иль для неволи. . . .

IX.

Вчера, у В. оспая пиръ,
 Р. С. лепъла какъ зефиръ,
 Не внемля жалобамъ и пѣнямъ;
 А мы по лаковымъ спупенямъ
 Лепъли шумною толпой
 За Одалиской молодой.
 Послѣдній звукъ послѣдней рѣчи
 Я опъ нея поймать успѣлъ;
 Я чернымъ соболемъ одѣлъ
 Ея блиспающія плечи;
 На кудри милой головы
 Я шаль зеленую накинулъ;
 Я предъ Венерою Невы
 Толпу влюбленную раздвинулъ.

X.

Сегодня былъ я ей предспавленъ,
 Глядѣлъ на мужа съ полчаса:
 Онъ важенъ, красишь волоса,
 Онъ чиномъ опъ ума избавленъ.

ХІ.

Часы бѣгутъ — она забыла,
Что дома ждуть ее давно.
Уже ль загадку разрѣшила,
Уже ли слово найдено? ...

СЦЕНЫ ИЗЪ БОРИСА ГОДУНОВА.

I.

*Девичье-поле. Поводыничій монастырь. Народъ *.*

Одинъ.

Теперь они пошли къ царицѣ въ келью;
Туда вошли Борисъ и папріархъ
Съ шолпой бояръ.

Другой.

Что слышно?

Третій.

Все еще

Упрямился; однако есть надежда.

БАВА (*съ ребенкомъ.*)

Агу! не плачь, не плачь! Вошь бука, бука
Тебя возьмешь! Агу, агу... не плачь.

Одинъ.

Нельзя ли намъ пробрасться за ограду?

* Эта сцена, исключенная Пушкинымъ изъ трагедіи, слѣдуетъ въ оригиналь за сценою на Красной площади.

Другой.

Нельзя. Куда? и въ полѣ даже пѣсно,
 Не только тамъ. Легко ли? вся Москва
 Сперлася здѣсь. Смопри: ограда, кровли,
 Всѣ ярусы соборной колокольни,
 Главы церквей и самые креспы
 Унизаны народомъ.

Первый.

Право, любо!

Одинъ.

Что тамъ за шумъ?

Другой.

Послушай... что за шумъ?

Народъ завылъ: тамъ падаюпъ что волны
 За рядомъ рядъ... еще... еще! Шу, братъ,
 Дошло до насъ: скорѣе, на колѣна!

Народъ (*вой и плачь.*)

Ахъ, смилуйся, опець нашъ! Властвуй нами!
 Будь напъ опець, нашъ царь!

Одинъ.

О чемъ тамъ плачупъ?

Другой.

А какъ намъ знапъ? по вѣдаюпъ бояре —
 Не намъ чепа.

БАБА (*съ ребенкомъ.*)

Ну что жъ? какъ надо плакашь,
Такъ и зачихъ! (*ребенокъ плачетъ.*) Ну, по-то же!

Одинъ.

Всѣ плачущъ —
Заплачемъ, брашь, и мы!

Другой.

Да слезъ-шо нѣтъ.
Что тамъ еще?

Первый.

Да кто ихъ разберешъ?

Народъ.

Вънецъ за нимъ! онъ Царь! онъ согласился...
Борисъ нашъ Царь! да здравствуетъ Борисъ!

II.

Замокъ воеводы Мишка, въ Самборѣ. Марина. Рузя убираетъ ее; служанки.

МАРИНА (*передъ зеркаломъ.*)

Ну, что жъ? готово ли? нельзя ли поспѣшить?

РУЗЯ.

Позвольте — напередъ рѣшите выборъ трудный:
Что вы надѣнете, жемчужную ли нить,
Иль полумѣсяцъ изумрудной?

МАРИНА.

Алмазной мой вѣнецъ.

РУЗЯ.

Прекрасно! Помните, его вы надѣвали,
Когда изволили вы ѣздить во дворецъ?
На балъ, говорятъ, какъ солнце вы блистали:
Мужчины ахали, красавицы шептали. . . .

* Эта сцена, непомѣщенная авторомъ, когда онъ печаталъ Бориса Годунова, предшествуетъ разговору Мишка съ Бишпевецкимъ на балъ въ Самборѣ. Она придаетъ новыя черты характеру Марины и служитъ какъ бы поясненіемъ нѣкоторыхъ словъ ея, сказанныхъ Самозванцу у фонтана въ саду.

Въ то время, кажешся, васъ видѣлъ въ первый разъ
Хопкевичъ молодой, чпо послѣ заспрѣмился.
А почно, говоряшь : на васъ
Кшо ни взглянулъ, шущъ и влюбился.

МАРИНА.

Нельзя ли поскорѣй?

РУЗЯ.

Сейчасъ.

Сегодня вашъ опецъ надѣеся на васъ.
Царевичъ видѣлъ васъ не даромъ;
Не могъ онъ ушайшь восторга своего;
Ужъ раненъ онъ; шакъ надобно его
Сразить рѣшишельнымъ ударомъ.
А почно, пани, онъ влюбленъ :
Вошъ мѣсяць, какъ, оспавя Браковъ,
Забылъ войну, Московскій пронъ,
Въ госпяхъ у насъ пируепъ онъ,
И бѣсипъ Русскихъ и Поляковъ.
Ахъ, Боже мой! дождусь ли дня?...
Не правда ли, когда въ свою споллицу
Димитрій повезепъ Московскую Царицу,
Вы не оспавите меня?

МАРИНА.

Ты развѣ думаешь, Царицей буду я?

Рузя.

А кто жъ, когда не вы? Кто смѣетъ краешкою
 Равняться здѣсь съ моею госпожею?
 Родъ Мнишковъ никому еще не уступалъ;
 Умомъ — превыше онъ похвалъ...
 Счастливъ, кого вашъ взоръ вниманья удостоитъ;
 Кто сердца вашего любовь себѣ присвоитъ —
 Кто бъ ни былъ онъ — хощь нашъ король,
 Или Французскій королевичъ,
 Не только нищій вашъ царевичъ —
 Богъ вѣсть — какой, Богъ вѣсть — опкомъ!

Марина.

Онъ точно царскій сынъ и признанъ цѣлымъ свѣ-
 шомъ.

Рузя.

А все жъ онъ былъ прошедшею зимой
 У Вишневецкаго слугой.

Марина.

Скрывался онъ.

Рузя.

Не спорю я объ эпомъ.

А только знаете ли вы,
 Что говорятъ о немъ въ народѣ?
 Что будто онъ дьячекъ, бѣжавшій изъ Москвы,
 Извѣстный плутъ въ своемъ приходѣ.

МАРИНА.

Какія глупости!

РУЗЯ.

О, я не вѣрю имъ!

Я только говорю, что долженъ онъ конечно
Благословлять еще судьбу, когда сердечно
Вы предпочли его другимъ.

СЛУЖАНКА (*вбѣгаетъ.*)

Ужъ госпи съѣхались.

МАРИНА.

Вошъ видишь, шы до свѣша
Гошова пуспяки болшашъ,
А мжду-штѣмъ я не одѣша....

РУЗЯ.

Сейчасъ, гошово все. (*служанки суетятся*)

МАРИНА (*про себя.*)

Мнѣ должно все узнать....

ПОСЛѢДНІЕ ЦВѢТЫ.

—

Цвѣты послѣдніе милѣй
Роскошныхъ первенцовъ полей.
Они унылыя мечпанья
Живѣ пробуждають въ насъ :
Такъ иногда разлуки часъ
Живѣ самаго свиданья.

—————

КЪ ЖЕНЩИНЪ-ПОЭТУ.

Я слушалъ васъ... я прочиталъ
Сіи небрежныя созданья,
Гдѣ ваши помныя мечпанья
Боготворятъ свой идеаль.

Я пилъ оправу въ вашемъ взорѣ,
Въ исполненныхъ души чертахъ,
И въ вашемъ миломъ разговорѣ,
И въ вашихъ пламенныхъ спихахъ.

Соперницы завѣшной розы
Блаженъ безсмертный идеаль!
Спокрапъ блаженъ, кто ей внушалъ
Единый спихъ и много прозы!

Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ
Несизъяснимой синевою,
Гдѣ море теплою волной
Вокругъ развалинъ тихо плещетъ,
Гдѣ вѣчный лавръ и кипарисъ
По волѣ гордо разрослись,
Гдѣ пѣлъ Торквашо величавый,
Гдѣ и шеперь, во мглѣ ночной,
Адріатической волной
Повторены его окшавы,
Гдѣ Рафаэль живописалъ,
Гдѣ въ наши дни рѣзецъ Кановы
Послушный мраморъ оживлялъ,
И Байронъ, мученикъ суровый,
Спрадалъ, любилъ и проклиналъ?

Италія! волшебный край,
Спрана высокихъ вдохновеній!
Кто жъ посвѣтилъ швой древній рай,
Твои пророческія сѣни?

На берегу роскошныхъ водъ,
 Порою карнавалныхъ оргій,
 Кругомъ кого кипишь народъ,
 Кого привѣщивающъ воспорги?
 Кто идеальною красой,
 И помно-нѣжной и живой,
 Сыновъ Авзоніи плѣняетъ,
 И по-неволю увлекаетъ
 Ихъ пестры волны за собой?

.
 Съ какою легкостью небесной
 Земли касается она!

Какою прелестью чудесной
 Во всѣхъ движеніяхъ полна!

.
 На рай полуденной природы
 На блескъ небесъ, на ясны воды,
 На чудеса священныхъ искусствъ,
 Въ спасеніи вдохновенныхъ чувствъ,
 Душевный взоръ она возводитъ,
 Дивясь и радуясь душой —
 И ничего передъ собой
 Себя прелестнѣй не находитъ.
 Споятъ ли съ важностью очей
 Предъ Флорентійскою Кипридой —
 Ихъ двѣ, и мраморъ передъ ней
 Спрадаетъ, кажется, обидой.

Мечпы возвышенной полна,
 Въ молчаньи смоприптъ ли она
 На образъ вѣжной Форнарины,
 Или Мадоны молодой —
 Она задумчивой красой
 Очаровапельнѣй карпины.
 Скажите мнѣ, какой пѣвецъ,
 Горя воспоргомъ умиленнымъ,
 Чья киспъ, чей пламенный рѣзецъ
 Предасптъ попомкамъ изумленнымъ
 Ея небесныя черпы?
 Гдѣ пы, ваяшель безъимянный
 Богини вѣчной красопы?
 И пы, Харипшою вѣнчаный,
 Ты, вдохновенный Рафазль?

.

АЛЬФОНСЪ.

Начало поэмы.

Альфонсъ садился на коня;
Ему хозяинъ держишь спремя.
«Синьоръ, послушайшесь меня:
Пускашся въ путь шеперь не время,
Въ горахъ опасно, ночь близка;
Другая венша далска;
Останьшесь здѣсь; гошовъ вамъ ужинъ;
Въ каминѣ разложенъ огонь;
Поспсся еспь — покой вамъ нуженъ,
И къ спойлу пшанешся вашъ конь.»
— Мнѣ пшешеспвѣ привычно
И днемъ и ночью, былъ бы путь;
Топъ опшвѣчаешъ. Неприлично
Вояшся мнѣ чего нибудь.
Я дворянинъ; ни чорпъ, ни воры
Не могушъ удержашъ меня,
Когда спѣшу на службу я.
И донъ Альфонсъ коню далъ шпоры,

И ѣдепть рысью. Передь нимъ
Идепть дорога крупно въ горы
Ущельемъ пѣснымъ и глухимъ.
Вопть выѣзжаепть онъ въ долину.
Какую жъ видипть онъ карпину?
Кругомъ пустыня, дичь и голь;
А въ споронѣ порчипть глаголь,
И на глаголь помъ два пѣла
Висяпть. Закаркавъ, оплептъла
Вапага черная воронъ,
Лишь только къ нимъ подѣхалъ онъ.
То были прупы двухъ Гишановъ,
Двухъ славныхъ братьевъ - ашамановъ,
Давно повѣшенныхъ, и шамъ
Оспавленныхъ въ примѣръ ворапъ.
Дождями небо ихъ мочило,
И солнце знойное сушило,
Пустынный вѣсперь ихъ качалъ,
Клевапть ихъ воронъ прилепалъ,
И шла молва въ проспомъ народѣ,
Что, обрываясь по ночамъ,
Они до ушра на свободѣ
Гуляли, мспя своимъ врагамъ.

ОСЕНЬ.

—

I.

Октябрь уж наступилъ ; ужъ роца опря-
хаептъ
Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
Дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ ;
Журча еще бѣжитъ за мельницу ручей,
Но прудъ уже заспылъ; сосѣдъ мой поспѣшаетъ
Въ опгѣзжія поля съ охотою своей—
И спрадуду озими опъ бѣшеной забавы,
И будитъ лай собакъ уснувшія дубравы.

II.

Теперь моя пора : я не люблю весны;
Скучна мнѣ оппепель : вонь, грязь ; весной я
болею :
Кровь бродитъ, чувствуя, умъ шоскою спѣснены;
Суровою зимой я болѣе доволенъ;
Люблю ея снѣга; въ присупствіи луны

Какъ легкій бѣгъ саней съ подругой быстрѣ и
волепѣ,

Когда, подѣ соболемъ согрѣша и свѣжа,
Она вамъ руку жметѣ, пылая и дрожа.

III.

Какъ весело, обувъ желѣзомъ оспрымъ ноги,
Скользипъ по зеркалу споячихъ, ровныхъ водѣ!
А зимнихъ праздниковъ блестящія превози?...
Но надо знапъ и чеспъ; полгода снѣгъ да снѣгъ,
Вѣдь эпо наконецъ и жипелю берлоги,
Медвѣдю, надоѣспъ. Нельзя же цѣлый вѣкъ
Капашься намъ въ саняхъ съ Армидами молодыми,
Иль киснушь у печей за спеклами двойными.

IV.

Охъ льпо красное! любилъ бы я шебя,
Когда бѣ не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, всѣ душевныя способности губя,
Насъ мучишь; какъ поля, мы спсраждемъ опгъ за-
сухи;
Лишь какъ бы напоишь, да освѣжишь себя
Иной въ насъ мысли нѣспъ — и жалѣ зимы спа-
рухи,
И проводивъ ее блинами и виномъ,
Поминки ей спворимъ мороженымъ и льдомъ.

V.

Дни поздней осени браняшъ обыкновенно ;
 Но мнѣ она мила, чипапель дорогой :
 Красною пихою, блиспающей смиренно,
 Какъ нелюбимое дѣтя въ семьѣ родной,
 Къ себѣ меня влечетъ. Сказашъ вамъ опкровенно:
 Изъ годовыхъ временъ я радъ лишь ей одной,
 Въ ней много добраго, любовникъ нещцеславной,
 Умыль я опыскашъ мечшою своенравной.

VI.

Какъ эшо объяснишь? Мнѣ нравися она,
 Какъ, вѣрояшно, вамъ чахопочная дѣва
 Порою нравися. На смерть осуждена,
 Бѣдняжка клонися безъ ропота, безъ гнѣва;
 Улыбка на устахъ увянувшихъ видна;
 Могильной пропасши она не слышишь зѣва,
 Играетъ; на лицѣ еіще багровый цвѣтъ —
 Она жива еще сегодня — завпра нѣтъ.

VII.

Унылая пора! очей очарованье!
 Приятна мнѣ швоя прощальная краса;
 Люблю я пышное природы увяданье,
 Въ багрець и въ золото одѣшые лѣса,
 Въ ихъ сѣняхъ вѣпра шумъ и свѣжее дыханье,
 И мглой волнистою покрышы небеса,

И рѣдкій солнца лучь, и первые морозы,
И опдаленныя съдой зимы угрозы.

VIII.

И съ каждой осенью я разцвѣпаю вновь;
Здоровью моему полезень Русской холодъ;
Къ привычкамъ бышя вновь чувспвую любовь:
Чредой слѣпаешъ сонъ, чредой находишь голодъ;
Легко и радосно играешъ въ сердцѣ кровь,
Желанія кипящъ — я снова счасливъ, молодъ,
Я снова жизни полнъ — шаковъ мой организмъ.
(Извольте мнѣ проспшишь ненужный прозаизмъ.)

IX.

Ведутъ ко мнѣ коня; въ раздоли опкрыпомъ,
Махая гривую, онъ всадника несепъ —
И звонко подь его блиспающимъ копытомъ
Звенишь промерзлый долъ и прескаешся ледъ.
Но гаснешъ крашкй день, и въ комелькѣ забы-
помъ
Огонь оящъ горитъ, по яркй свѣтъ лѣптъ,
То шгѣешъ медленно; а я надъ нимъ чишаю,
Иль думы долгя въ душѣ моей пишаю.

X.

И забываю мйръ — и въ сладкой пишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,

И пробуждаешся поэзія во мнѣ :
 Душа спѣсняется лирическимъ волненъемъ,
 Трепещешь и звучишь и ищешь, какъ во снѣ,
 Излишься наконецъ свободнымъ прольеньемъ —
 И шупь ко мнѣ идешь незримый рой гостей,
 Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

XI.

И мысли въ головѣ

И рифмы легкія навспрѣчу имъ бѣгутъ,
 И пальцы просящся къ перу, перо къ бумагѣ,
 Минуша — и спихи свободно пошекутъ.
 Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной
 влагѣ;
 Но чу! машросы вдругъ жидаются, ползутъ
 Вверхъ, внизъ — и паруса надулись въпра полны:
 Громада двинулась и разсѣкаетъ волны.

НАЧАЛО ПОЭМЫ.

Стамбуль Гяуры нынче славяпъ,
А завтра кованой пяпой
Какъ змѣя спящаго раздавяпъ,
И пречъ войдупъ, и шакъ оставяпъ :
Стамбуль заснулъ передъ бѣдой.

Стамбуль опірекся опъ Пророка;
Въ немъ правду древняго Востока
Лукавій Западъ омрачилъ;
Стамбуль, для сладостей порока,
Мольбъ и саблъ измѣнилъ;
Стамбуль опвыкъ опъ попу бипшвы,
И пьеспъ вино въ часы молишвы.
Въ немъ вѣры чистой лучъ попухъ :
Въ немъ жены по базару ходяпъ,
На перекрестки шлюпъ старухъ,

А пѣ мужчинѣ въ гаремы вводяпѣ,
И спишѣ подкупленный евнухѣ.

Но не шаковѣ Арзрумѣ нагорной,
Многодорожный нашѣ Арзрумѣ :
Не спимѣ мы въ роскоши позорной,
Не черпемѣ чашей непокорной
Въ винѣ развратѣ, огонь и шумѣ,
Посшимся мы; спруею презвой
Одни фонпаны насѣ поляпѣ;
Толпой неисповой и рѣзвой
Джигишы наши въ бой лепяпѣ;
Мы къ женамѣ, какѣ орлы ревнивы,
Гаремы наши молчаливы,
Евнухи наши въ нихѣ не сляпѣ.

Алла великѣ! Къ намѣ опѣ Спамбула
Пришелѣ гонимый янычарѣ.
И буря долу насѣ погнула,
И палѣ несслыханный ударѣ.
Опѣ Рущука до спарой Смирны,
Опѣ Трапезунда до Тульчи,
Скликая псовѣ на праздникѣ жирный,
Толпой ходилѣ палачи :
Треца въ объяпшяхѣ пожаровѣ,
Валились дома янычаровѣ;
Окровавленные зубцы

Вездѣ порчали; угли пѣгли;
На кольяхъ, скорчась, мершвецы .
Окоченѣлые чернѣли.
Алла великъ! погда Сулшанъ .
Быль духомъ гнѣва обуянъ.

КРОМЪШНИКЪ.

Какая ночь! морозъ прескучій;
На небѣ ни единой пучи;
Какъ шишый пологъ синій сводъ
Песпрѣпешъ часпыми звѣздами.
Въ домахъ все шемно. У воропъ
Запворы съ пяжкими замками.
Вездѣ покоишся народъ;
Ушихъ и шумъ и крикъ порговой,
Лишь шолько лаешъ спражъ дворовой
Да цѣпью звонкою гремишъ.

И вся Москва спокойно спишъ,
Забывъ волненіе боязни.
А площадь въ сумракѣ ночномъ
Споишъ полна вчерашней казни, —
Мученій свѣжій слѣдъ кругомъ:
Гдѣ шрупъ разрубленный съ размаха,
Гдѣ шполбъ, гдѣ вилы; памъ копы
Оспывшей полные смолы,
Здѣсь опрокинушя плаха;

Торчашь желѣзные зубцы,
 Съ косьями груди пепла пылютъ,
 На кольяхъ, скорчась, мершвецы
 Оцѣпенѣлые чернѣють

Кшо шамъ? чей конь во весь опоръ
 По грозной площади несешся?
 Чей свистъ, чей громкій разговоръ
 Во мракъ ночи раздаешся?
 Кшо сей? Кромѣшникъ удалой.
 Спѣшишь, лепишь онъ на свиданье;
 Въ его груди кипишь желанье.
 Онъ говоришь: «мой конь лихой,
 Мой вѣрный конь! лепи спрѣлой!
 Скорѣй, скорѣй! . . .» Но конь репивою
 Вдругъ размахнулъ плешеной гривой
 И спалъ. Во мглѣ между сполповъ
 На перекладинѣ дубовой
 Качался пругъ. Ъздокъ суровой
 Подъ нимъ промчашься былъ гошовъ;
 Но борзый конь подъ плешью бьешся,
 Храпишь и фыркаешъ и рвешся
 Назадъ. «Куда? мой конь лихой!
 Чего боишься? чшо съ пубой?
 Не мы ли здѣсь вчера скакали,
 Не мы ли яросшно шоппали,
 Усердной меспю горя,

Лихихъ измѣнниковъ Царя?
Не ихъ ли кровію омышы
Твои булашныя копышы?
Теперь уже ль ихъ не узналъ?
Мой борзый конь, мой конь удалый!
Несись, леши...» и конь успалый
Подъ шрупомъ вихремъ проскакалъ.
.

ГЕРОЙ *.

Что есть истина?

—

Другъ.

Да, слава въ прихопахъ вольна.
 Какъ огненный языкъ, она
 По избраннымъ главамъ лепашепъ;

* Это стихотвореніе доставлено отъ М. П. Погодина при слѣдующемъ письмѣ: *Посылаю вамъ стихотвореніе Пушкина «Герой».* Кажется, никто не знаетъ, что оно принадлежитъ ему. Пушкинъ прислалъ мнѣ оное во время холеры въ 1850 году изъ Нижегородской своей деревни, и вотъ что писалъ объ немъ:.... «Посылаю вамъ изъ моего Патмоса апокалипсическую пѣснь. Напечатайте, гдѣ хотите, хоть въ «Вѣдомостяхъ», но прошу васъ и требую именемъ нашей дружбы не объявлять никому моего имени. Если Московская цензура не пропуститъ ее, то перешлите Дельвигу, но также безъ моего имени, и не моею рукою переписанную.» Я напечаталъ стихи тогда въ Телескопъ, и свято хранилъ до сихъ поръ тайну. Кажется, должно перепечатать ихъ теперь. Разумѣется, никому не нужно припоминать, что число выставленное Пушкинымъ подъ стихотвореніемъ, послѣ многозначительнаго *утябрьска*, 29 сентября 1850, есть день прибытія Гоеударя Императора въ Москву во время холеры.

Съ одной сегодня исчезаешь
 И на другой уже видна.
 За новизной бѣжаешь смиренно
 Народъ безмысленный привыкъ;
 Но намъ ужъ по чело священно,
 Надъ коимъ вспыхнулъ сей языкъ.
 На шронъ, на кровавомъ полъ,
 Межъ гражданъ на чредъ иной,
 Изъ сихъ избранныхъ кпо всѣхъ болъ
 Твоею властвуешь душой?

Поэтъ.

Все онъ, все онъ, пришлецъ сей бранный,
 Предъ кѣмъ смирился цари,
 Сей рашникъ, вольностью вѣнчанный,
 Исчезнувшій какъ шьнь зари.

Другъ.

Когда жъ швой умъ онъ поражаетъ
 Своею чудною звездой?
 Тогда ль какъ съ Альповъ онъ взираетъ
 На дно Ипаліи свяшой?
 Тогда ли, какъ хващаетъ знамя,
 Иль жезлъ дикшашорскій? Тогда ль,
 Какъ водитъ и кругомъ и вдаль
 Войны спремительное пламя —
 И пролешаетъ рядъ побѣдъ
 Надъ нимъ одна другой во слѣдъ?

Тогда ль, какъ рапъ героя плещеть
 Передъ громадой пирамидъ,
 Иль какъ Москва пуспынно блещеть,
 Его приѣмля, и молчишь?

Поэтъ.

Нѣтъ, не у счастья на ложѣ
 Его я вижу, не въ бою,
 Не зяпемъ кесаря на пронѣ,
 Не памъ, гдѣ на скалу свою,
 Съвѣ, мучимъ казнию покоя,
 Осмѣянъ прозвищемъ героя,
 Онъ угасаешь недвижимъ,
 Плащемъ закрывшись боевымъ!
 Не па карпина предо мною:
 Одровъ я вижу длинный спрой;
 Лежишь на каждомъ прупъ живой,
 Клейменный мощною чумою,
 Царицею болѣзней. Онъ,
 Небранной смертью окружень,
 Нахмураясь ходишь межъ одрами,
 И хладно руку жмешь чумъ,
 И въ погибающемъ умѣ
 Раждаешь бодрость. Небесами
 Клянусь: кто жизнию своей
 Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ,
 Чшобъ ободришь угасшій взоръ,

Клянусь, шопъ будешъ Небу другомъ,
Каковъ бы ни былъ приговоръ
Земли слѣпой.

Другъ.

Мечпы поэма,
Испорикъ спрогой гонить васъ!
Увы! его раздался гласъ, *
И гдѣ жъ очарованье свѣша?...

Поэтъ.

Да будешъ прокляшь правды свѣшь,
Когда посредственности хладной,
Зависливой, къ соблазну жадной,
Онъ угождаетъ праздно! Нѣтъ,
Тмы низкихъ испинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.
Оставь герою сердце! Чшо же
Онъ будешъ безъ него? ширанъ!

Другъ.

Упѣшься....

Москва, 29 сентября 1850 года.

* Mémoires de Bougienne. Бурьенъ въ «Запискахъ» своихъ отрицаетъ сказаніе о томъ, что Бонапарте, посѣтивъ въ Яезъ госпиталь зараженныхъ чумою, прикоснулся къ некоторымъ для ободренія ихъ. «J'affirme,» говоритъ онъ, ne l'avoir pas vu toucher un pestiféré.

В. С. Ф*.**

ПРИ ПОЛУЧЕНІИ ПОЭМЫ ЕГО :

ДУРАЦКОЙ КОЛПАКЪ.

—

Вамъ, Музы, милыя спарушки,
 Колпакъ связали въ добрый часъ,—
 И, прицѣпивъ къ нему гремушки,
 Самъ Фебъ надѣлъ его на васъ.
 Хотѣлось въ шомъ же мнѣ уборѣ
 Предъ вами нынче щегольнушь
 И, въ опшкровенномъ разговорѣ,
 Какъ вы, на многое взглянушь;
 Но спарый мой колпакъ изношенъ,
 Хоть и любилъ его поэшь;
 Онъ по неволѣ мной заброшенъ :
 Не въ модѣ нынче краснѣй цвѣтъ.
 И пакъ, въ знакъ мирнаго привѣща,
 Снимая шляпу, бью челомъ,
 Узнавъ философа-поэща
 Подъ оспорожнымъ колпакомъ.

СКАЗКА

О КУПЦѢ

КУЗЬМѢ ОСТОЛОПѢ

И РАБОТНИКѢ ЕГО БАЛДѢ.

СКАЗКА О КУПЦѢ
КУЗЬМѢ ОСТОЛОПѢ

И РАБОТНИКѢ ЕГО БАЛДѢ.

Жиль-быль купецъ Кузьма Осполопъ,
По прозванью Осиновый-Лобъ.
Пошелъ Кузьма по базару
Посмотрѣшь кой-какого шовару.
На встрѣчу ему Балда
Идепъ, самъ не зная куда.
«Что, дядюшка, такъ рано поднялся?
Чего ты взыскался?»
Кузьма ему въ отвѣтъ: «Нуженъ мнѣ работникъ—
Поваръ, конюхъ и плошникъ.
А гдѣ найши мнѣ шакаго
Служипеля, не слишкомъ дорогаго?»
Балда говоритъ :
«Буду служишь тебѣ славно,
«Усердно и очень исправно
«Въ годъ за три щелчка тебѣ по лбу;

Томъ IX.

Ѣшь же давай мнѣ вареную полбу.»
Призадумался нашъ Кузьма Остолопъ,
Спалъ почесывапъ лобъ.
Щелчокъ щелчку вѣдь розъ—
Да понадѣлся онъ на Русскій авось.
Кузьма говоритъ Балдъ: «Ладно:
Не будешъ намъ обоимъ накладно.
Поживи-ка на моемъ подворьѣ,
Окажи свое усердье и проворье.»
Живетъ Балда въ купеческомъ домѣ,
Спитъ себѣ на соломѣ,
Ѣсть за чепверыхъ,
Работаетъ за семерыхъ;
До свѣтла все у него пляшетъ,
Лошадь запряжетъ, полосу вспашетъ,
Печь запопитъ, все заготовитъ, закупитъ,
Яичко испечетъ, да самъ и облупитъ.
Хозяйка Балдой не нахвалится,
Ихъ дочка Балдой лишь и печалится,
Сынокъ ихъ зоветъ его: пятей;
Кашу заваритъ, нянчится съ дитятей.
Одинъ Кузьма лишь Балду не любитъ,
Никогда его не приголубитъ,
О расплатѣ думаетъ частенько.
Время идетъ и срокъ ужъ близенько.
Кузьма не Ѣсть, не пьетъ, ночи не спитъ,
Лобъ у него заранѣ пресцитъ.

Вошь онъ женѣ признается :
 Такъ и пакъ, чшо дѣлашь оспаешся?
 Умъ у бабы догадливъ,
 На всякія хипросши повадливъ.
 Хозяйка Кузьмѣ говоришь : «Знаю средсшво,
 Какъ удамишь опъ насъ шакое бѣдсшво :
 Закажи Балдѣ службу, чшобъ спало ему не въ мочь;
 А шребуй, чшобъ онъ ее исполнилъ шочь-въ-шочь.
 Тѣмъ шы и лобъ опъ расправы избавишь,
 И Балду-шо безъ расплашы опправишь.»
 Спало на сердцѣ у Кузьмы веселѣе,
 Началъ онъ глядѣшь на Балду посмѣше.
 Вошь онъ кричишь : «Поди-ка сюда,
 Вѣрный мой работникъ Балда.
 Слушай : плашишь обязались черши
 Мнѣ оброкъ до самой моей смерши;
 Лучшаго бѣ не надобно дохода,
 Да ешь на нихъ недоимки за шри года.
 Какъ наѣшсья шы своей пѣмбы,
 Собери-ка съ чершей оброкъ мнѣ полный.»
 Балда, съ Кузьмой понапрасну не споря,
 Пошелъ, да и сѣмъ у берега моря;
 Тамъ онъ спалъ веревку крушишь,
 Да конецъ ея въ морѣ мочишь.
 Вошь изъ моря вымѣзъ спарый бѣсъ.
 «Зачѣмъ шы, Балда, къ намъ залѣзъ?»
 — «Да вошь веревкой хочу море мѣрцишь,

Да вась, проклятое племя, корчипь.»

Бѣса спараго взяла пупць унымосць.

— «Скажи, за что пакая немилосць?»

«Какъ за что? Вы не плашите оброка,

Не помните положеннаго срока;

Вошь ужо будеть намъ попѣха,

Вамъ, собакамъ, великая помѣха!»

— «Бѣлдушка, погоди ты морщить море,

Оброкъ сполна ты получишь вскорѣ.

Погоди, вышлю къ тебѣ внука.»

Балда мыслишь: — Этого провесьть не шшука!

Вынырнулъ подосланный бѣсенокъ,

Замяукаль онъ, какъ голодный копенокъ.

«Здравствуй, Балда мужичокъ;

Какой тебѣ надобно оброкъ?»

Объ оброкъ вѣкъ мы не слыхали,

Не было черпямъ такой печали;

Ну, такъ и бышь — возьми, да съ уговору,

Съ общаго нашего приговору —

Чтобы впередъ не было никому горя:

Кто скорѣе изъ насъ обѣжипь около моря,

Топь и бери себѣ полный оброкъ,

Между шѣмъ пригопояпть памъ и мѣшокъ.»

Засмѣялся Балда лукаво:

— «Что ты это выдумалъ, право?»

Гдѣ тебѣ шягаться со мною,

Со мною, съ самимъ Балдою?»

Экаго послали супоспапа!
Подожди-ка моего меньшаго брапа.»
Пошелъ Балда въ ближній лѣсокъ,
Поймалъ двухъ зайцовъ, да въ мѣшокъ.
Къ морю опяшь онъ приходишь;
У мѣря бѣсенка находишь.
Держишь Балда за уши одного зайку:
«Попляши-ка шы подъ нашу балалайку;
Ты, бѣсенокъ, еще молоденецъ,
Со мною шягаешься слабенецъ —
Эшо было бѣ лишь время прапа.
Обгони-ка сперва моего брапа.
Разъ, два, при! Догоняй-ка.»
Пушились бѣсенокъ и заяка,
Бѣсенокъ по берегу морскому,
А заяка въ лѣсокъ до дому.
Воптъ, море кругомъ обѣжавши,
Высунувъ языкъ, мордку поднявши,
Прибѣжалъ бѣсенокъ, задыхаясь,
Весь мокрешенецъ, лапкой упираясь,
Мысля: дѣло съ Балдою сладить.
Глядь — а Балда брапца гладить,
Приговаривая: «Брапецъ мой любимый,
Успалъ, бѣдняжка! Отдохни родимой.»
Бѣсенокъ опоропѣлъ,
Хвостикъ поджалъ, совсѣмъ присмирѣлъ,
На брапца поглядываешь бокомъ.
«Погоди,» говоришь, «схожу за оброкомъ.»

Пошелъ къ дѣду; говоришь : «Бѣда!
Обогналъ меня меньшій Балда!»
Спарый бѣсъ спалъ шупъ думаешь думу;
А Балда надѣлалъ такого шуму,
Что все море смушилось,
И волнами пакъ и расходилось.
Вылѣзъ бѣсенокъ. «Полно, мужичокъ,
Вышлемъ тебѣ весь оброкъ —
Только слушай : видишь ты палку энну?
Выбери себѣ любую мещу —
Кто далѣе палку бросишь,
Тотъ пускай и оброкъ уносишь.
Что жъ? Боишься вывихнуть ручки?
Чего ты ждешь?» — «Да жду вонъ эпой шучки;
Зашвырну шуда швою палку,
Да и начну съ вами, чершями, свалку.»
Испугался бѣсенокъ, да къ дѣду
Разсказываешь про Балдову побѣду;
А Балда надъ моремъ опять шумишь,
Да чершямъ веревкой грозишь.
Вылѣзъ опять бѣсенокъ : «Что ты хлопочешь?
Будешь тебѣ оброкъ, коли захочешь»...
— «Нѣтъ,» говоришь Балда,
«Теперь моя череда —
Условіе самъ назначаю,
Задамъ тебѣ, враженокъ, задачу.
Посмотримъ, какова у тебя сила!

Видишь: памъ сивая кобыла?
Кобылу подыми-ка шы,
Да неси ее полверспы;
Снесешь кобылу — оброкъ ужъ швой;
Не снесешь кобылы — анъ будепъ мой.»
Бѣдненькій бѣсъ
Подъ кобылу подлѣзь,
Понапужился,
Понапружился,
Приподнялъ кобылу, два шага шагнулъ,
На шрепьемъ упалъ, ножки пропянулъ.
А Балда ему: «Глупый шы бѣсъ,
Куда шы за нами полѣзь?
И руками-шо снесши не смогъ,
А я, смопри, снесу промежъ ногъ.
Слѣь Балда на кобылу верхомъ,
Да верспу проскакалъ, шакъ чшо пыль сполбомъ;
Испугался бѣсенокъ, и къ дѣду
Пошелъ рассказывать про шакую побѣду.
Дѣлашь нечего — черпи собрали полный оброкъ,
Да на Балду взвалили мѣшокъ.
Идешь Балда, покрякиваетъ.
А Кузьма, завидя Балду, вскакиваетъ,
За хозяйку прячется,
Со страху корячешся.
Балда его шушь ошыскалъ,
Опдалъ оброкъ, плапы шребовашь спалъ.

Бѣдный купецъ Кузьма Осполопъ
Подспавилъ лобъ
Съ перваго щелчка —
Прыгнулъ Кузьма до пошолка,
Со втораго щелчка —
Лишился Кузьма языка,
А съ прешьяго щелчка —
Вышибло умъ у старика.
А Балда приговаривалъ съ укоризной:
«Не гонялся бы ты, Кузьма, за дешевизной!...»

ПОСЛѢДНІЯ
ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ
А. С. ПУШКИНА.

ПОСЛѢДНІЯ
ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ

А. С. Пушкина.

—

I.

ЛИЦЕЙСКАЯ ГОДОВЩИНА.

—

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
И съ пѣснями бакаловъ звонъ мѣшался,
И пѣсною сидѣли мы полпой.
Тогда, душой безпечные невѣжды,
Мы жили всѣ и легче и смѣлѣй,
Мы пили всѣ за здравіе надежды
И юности и всѣхъ ея запѣй.

Теперь не шо: разгульный праздникъ нашъ
Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсился;
Онъ присмирѣлъ, ушихъ, оспепенился;

Спаль гуще звонъ его заздравныхъ чашъ;
 Межъ нами рѣчь не шакъ игриво льется;
 Просторнѣе, грустинѣе мы сидимъ;
 И рѣже смѣхъ средь пѣсенъ раздаешся;
 И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.

Всему пора: ужъ двадцать пятой разъ
 Мы празднуемъ Лицея день завѣшный;
 Прошли года чредою незамѣшной;
 И какъ они перемѣнили насъ!
 Недаромъ, нѣшъ! промчалась чешверть
 вѣка;

Не съшуйше: шаковъ судьбы законъ;
 Вращается весь мѣръ вокругъ человѣка,
 Уже ль одинъ недвижимъ будешъ онъ?
 Припомнише, о други! съ шой поръ,
 Когда нашъ кругъ судьбы соединили,
 Чему, чему свидѣтели мы были!...
 Игралица шаинственнѣй игры,
 Мешалися смущенные народы,
 И высились и падали цари;
 И кровь людей по славы, по свободы,
 То гордоспи багрила алшари.

Вы помнише: когда возникъ Лицей,
 Какъ Царъ для насъ открылъ чершогъ Царн-
 цынъ —

И мы пришли, и встрѣпиль насъ Куницынъ
Привѣспвіемъ межъ Царшвенныхъ госпей.
Тогда гроза двенадцатаго года
Еще спала; еще Наполеонъ
Не испыпалъ великаго народа —
Еще грозиль и колѣбался онъ.

Вы помнипе: шекла за рапью рапъ;
Со спаршими мы брапьями прощались,
И въ сѣнь наукъ съ досадою возвращались,
Завидуя шому, кшо умирапъ
Шель мимо насъ . . . И племена сразились,
Русь обняла кичливаго врага,
И заревомъ Московскимъ озарились
Его полкамъ гошовые снѣга.

Вы помнипе, какъ нашъ Агамемнонъ
Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался.
Какой воспоргъ тогда предъ Нимъ раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ Онъ,
Народовъ другъ, спасишель ихъ свободы!
Вы помнипе, какъ оживились вдругъ
Сіи сады, сіи живыя воды,
Гдѣ проводиль Онъ главный свой досугъ!

И нѣпъ Его — и Русь оставиль Онъ,
Взнесенну Имъ надъ міромъ изумленнымъ;

И на скалѣ, изгнанникомъ забвеннымъ,
Всему чужой, угасъ Наполеонъ.
И новый Царь беспрашный и могучій
На рубежѣ Европы бодро спалъ ;

.

(Конца нѣтъ).

II

МОЛИТВА.

Опцы-пустыинники и жены непорочны,
Чшобъ сердцемъ возлепашъ во обласпи заочны,
Чшобъ укрѣпляшъ ёго средъ дольнихъ буръ и
бишвъ,
Сложили множество божеспвенныхъ молишвъ;
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляешъ,
Какъ та, копорую священникъ повпоряешъ
Во дни печальныя великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходилъ на уста—
И падшаго свѣжилъ невѣдомою силою:
«Владыка дней моихъ! духъ праздноспи унылой,
Любоначалія, змѣи сокрыпой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣшъ мои, о Боже! прегрѣшенья,
Да брашъ мой опъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.»

III.

ОПЯТЬ НА РОДИНѢ.

Опяшь на родинѣ! я посѣшилъ
Топъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Опщельникомъ два года незамѣпныхъ.
Ужъ десяшь лѣтъ ушло съ пѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опяшь
Минувшее меня объемлеть живо
И кажешся вчера еще бродилъ
Я въ эшихъ рощахъ.

Вошь смиренный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моею.
Уже спарушки нѣшь, ужъ за спѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни упренныхъ ея дозоровъ. Вошь
И холимъ лѣсиспый, надъ кошорымъ часпо
Я сиживалъ недвижимъ, и глядѣлъ
На озеро, вспоминая съ груспью

Иные берега, иныя волны...
 Межь нивъ запахъ и пажипей зеленыхъ
 Оно, синѣя, спелется широко:
 Черезъ его невѣдомыя воды
 Плыветъ рыбакъ и планетъ за собой
 Убогой неводъ. По берегамъ ошлогинъ
 Разсѣяны деревни; памъ за ними
 Скривилась мельница, насилу крымя
 Ворочая при вѣтрѣ. . .

На границѣ

Владѣній дѣдовскихъ, на мѣспѣ помъ,
 Гдѣ въ-гору подымается дорога,
 Изрытая дождями, при сосны
 Стояшъ, по-одамъ двѣ другія
 Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
 Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
 Знакомымъ шумомъ вѣперъ съ ихъ вершинъ
 Меня привѣспсвовалъ. По той дорогѣ
 Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
 Увидѣлъ ихъ опашъ; онѣ все тѣ же,
 Все томъ же ихъ знакомый слуху шорохъ,
 Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
 Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
 Теперь младая роща разрослась;
 Зеленою семьсй кусты тѣснятся
 Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣпи.
 Споипъ одинъ утрюмый ихъ поварилъ,

Какъ старый холоспякъ, и вокругъ него
По-прежнему все пусто.

Здравспвуй, племя

Младое, незнакомое! Не я
Увижу пвой могучій поздній возрастъ,
Когда перераспешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Опъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣпный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракъ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ. . . .

ПРИБАВЛЕНІЕ.

ЛИЦЕЙСКІЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ МОЕЙ ЧЕРНИЛЬНИЦѢ.

—

Подруга думы праздной,
Чернильница моя!
Мой вѣкъ однообразной
Тобой украсилъ я.
Какъ часто другъ веселья
Съ тобою забывалъ
Условный часъ похмѣлья
И праздничный бокаль!
Подъ сѣнью хапы скромной,
Въ часы печали помной,
Была ты предо мной
Съ лампадой и мечпой.
Въ минушы вдохновенья
Къ тебѣ я прибѣгалъ
И Музу призывалъ
На пиръ воображанья.
Сокровища мои
На днѣ швоемъ шаялся.
Тебя я посвяшилъ

Заняпіямъ досуга
 И съ лѣнью примирилъ;
 Она пвоя подруга;
 Съ побой успѣхъ узналъ
 Опшельникъ неизвѣспной...
 Завѣспной пвой криспалъ
 Хранилѣ огонь небесной;
 И подѣ-вечеръ, когда
 Перо по книжкѣ бродилѣ,
 Безъ всякаго пруда
 Оно въ пелѣ находилѣ
 Концы моихъ спиховъ
 И вѣрносѣ выраженья,
 То звуковъ или словъ
 Нежданное спеченье,
 То ѣдкой шупки соль,
 То спранносѣ рифмы новой,
 Неслыханной дошоль.
 Съ глупцовъ сорвавъ одежду,
 Я весело клеймилъ
 Зоила и Невѣжду
 Пяпномъ пвоихъ чернилъ...
 Но ихъ не разводилъ
 Ни пайной злоспи пѣной,
 Ни ядомъ клеветы —
 И сердца проспопы
 Ни леспью, ни измѣной

Не замарала пы.
Безпечный сынъ природы,
Пока злапыя годы
Въ забвеньи пращу я.
Со мною неразлучно
Живи благополучно,
Наперсница моя!
Но здѣсь, на лонѣ лѣни,
Я слышу нѣжны пѣни
Заботливыхъ друзей....
Уже ли ихъ забуду
Друзей души моей,
И имъ невѣренъ буду?
Оспавъ, оспавъ порой
Привычныя зашѣи,
И дакшиль и хореи,
Для прозы почповой.
Минупы хладной скуки,
Сердечной пустопы,
Уныніе разлуки,
Всегдашнія мечпы,
Мои надежды, чувства
Безъ леспи, безъ искусства
Бумагъ передай....
Болѣливостью небрежной
И въпреной и нѣжной
Ихъ сердце упѣшай....

Когда же берегъ ада
На-вѣкъ меня возьмешь,
Когда со мной заснешь
Перо, моя отрада,
И ты, въ углу пустомъ
Осиропѣвъ, оспынешь,
И навсегда покинешь
Поэта тихій домъ —
Тебя возьмешь унылой
Ч , другъ мой милой :
Послѣдній будь привѣтъ .
Любимцу праздныхъ лѣтъ ;
Взыскательнаго свѣта
Очей не привлекай,
Но вѣрнаго Поэта
Друзьямъ напоминай.

В О В А.

Отрывокъ изъ поэмы.

Часто, часто я бесѣдовалъ
Съ болшуномъ страны Эллинскія,
И не смѣлъ осиплымъ голосомъ
Съ Шапеленомъ и съ Рифмаповымъ
Воспѣвать героевъ Сѣвера.
Несравненнаго Виргилія
Я читалъ и перечипывалъ,
Не спараясь подражать ему
Въ нѣжныхъ чувстввахъ и гармоніи.
Разбиралъ я Нѣмца Клопшшока
И не могъ понять премудраго;
Не хопѣлъ я воспѣвать, какъ онъ —
Я хочу, меня чпобъ поняли
Всѣ опъ мала до великаго.
За Мильпономъ и Камоэнсомъ
Опасался я безъ крилъ парись.
Но вчера, въ архивахъ росяся,

Опыскаль я книжку славную,
 Золошую, незабвенную,
 Прочипалъ — и въ восхищеніи
 Про Бову пою царевича.

Незапомню, сколько лѣтъ спуспя
 Послѣ рождеспва Спасителя,
 Царь Додонъ со славой царспвовалъ
 Въ Свѣшомірѣ, сильномъ городѣ.
 Царь Додонъ вѣнецъ со скипетромъ
 Не прямой достпалъ дорогою,
 Но убивъ царя законнаго
 Бендокира Слабоумнаго.

Царь Додонъ не *слабоумнаго*
 Былъ достоинъ злаго прозвища,
 Но пирана неусыпнаго
 (Онъ однако не имѣлъ его).

Лѣнь мнѣ всѣ его достоинспва
 И пороки вамъ показывапъ;
 Вы слыхали, люди добрые,
 О царѣ, что двадцать цѣлыхъ лѣтъ
 Не снималъ съ себя оружія,
 Не слѣзалъ съ коня репшаваго,
 Всюду пролепалъ съ побѣдою,
 Міръ крещеный попопилъ въ крови,
 Не щадилъ и некрещенаго,
 И, въ ничпожеспво низверженый
 Александромъ, грознымъ ангеломъ,

Жизнь проводишь въ униженіи —
И, забытый всѣми, кличешся
Нынѣ Эльбы Императоромъ...
Вошь шаковъ-шо былъ и царь Додонъ!

Разъ, собравъ бородачей совѣшь,
(Безбородыхъ не любилъ Додонъ),
На престолѣ пригорюнившись,
Произнесъ онъ имъ шакую рѣчь:

«Вы, кошорые совѣшами
«Облегчали шяжестъ скипешра,
«Услаждали учасшь царскую
(Не горька она была ему),
«Мудрые друзья, сподвижники!
«Къ вамъ прибѣгнушь я рѣшаюся:
«Что мнѣ дѣлашь нынѣ? Слушайше.

Всѣ привспали важно хмуряся,
Низко, низко поклонилися,
И, поправя усъ и бороду,
Сѣли на скамьи дубовыя.

«Вамъ извѣстно, продолжалъ Додонъ,
«Что искусствомъ и неправдою
«Я доспигъ престола шашкаго
«Бендокира Слабоумнаго;
«Сочетался съ Милиприсою,
«Милой женкой Бендокировой,
«И въ шемницу посадилъ Вову,
«Принца крови, сына царскаго.

«Легче, легче захвапипь было
 «Слабоумнаго злапой вѣнецъ,
 «Чѣмъ, надѣвъ вѣнецъ на голову,
 «За собою удержишь его.
 «Вопь уже народъ безсмысленный,
 «Ходя въ праздники по улицамъ,
 «Межь собой неразъ говариваль:
 «Дай Богъ помочь королевичу —
 «Вѣдь Бова уже не маленькой,
 «Не въ опца своей головушкой.
 «Нужды нѣшь, что за рѣшешкою;
 «Онъ моимъ опасенъ замысламъ.
 «Что мнѣ дѣлашь съ нимъ, скажите мнѣ?»

Все собранье приадумалось,
 Всѣ въ молчаньи попушили взоръ.
 То-то право золопой Совѣшь,
 Не болпали здѣсь, а думали:
 Арзаморъ, мужъ спарый, опышный,
 Ропъ опкрыль-было (совѣшовалъ
 Знашь хопѣлосъ посѣдѣлому),
 Громко крякнулъ, но одумался
 И въ молчаньи закусилъ языкъ.
 Ко лбу перспъ приспавя пщапельно,
 Лекаръ, славный Эскулапа внукъ,
 Эзельдорфъ, обрипый весь, зѣвалъ
 Табакеркою поскрипывалъ,
 Но молчалъ; своей премудроспи

Онъ предъ всѣми не показывалъ.
Вихромахъ, Полканъ съ Дубынею,
Спражи прона, славны рыцари,
Всѣ сидѣли будшо вкопаны.
Громобурь, извѣстнѣй силою,
Но умомъ непроницапельный,
Думалъ, думалъ и нечаянно
Задремалъ и захрапѣлъ въ углу.
Что примѣра лучше дѣйствуешь?
Что людьми сильнѣй ворочаешь?
Вопъ звѣнули подъ перчаткою,
Храбрый Мирозоръ съ Ивашкою,
И Полканъ, и Арзаморъ съдой,
И ко груди приклонилися
Тихо головами буйными.
Глядь — съ Додономъ задремалъ Совѣпъ,
Захрапѣли многомыслящи!

Долго спашь - было совѣпникамъ,
Если бѣ Нѣмцу не пришлось изъ рукъ.
Табакерку на полъ выронишь;
Табакерка покапшлася
И о шпору вдругъ ударилась
Громобуря, крѣпко спавшаго,
Загремѣла, раздвоилася,
Оплешѣла въ разны спороны.
Храбрый воинъ пробуждается,
Озираешъ все собраніе,

Между-штѣмъ шабакъ разсыпался,
 Къ носу рыцаря подѣмлемся —
 И чихнулъ герой съ досадою
 Такъ, что своды попрысаются,
 Окны всѣ дряпаютъ и сыплются
 И на пепляхъ двери хлопаютъ;
 Пробуждается собраніе.

«Что шутъ думать, закричалъ герой:
 «Царь! Бова тебѣ не надобенъ,
 «Ну, и къ чоршѣ королевича!
 «Рѣшено — ему въ-живыхъ не быть.
 «Послѣ, брашцы, вы разсудите,
 «Какъ съ нимъ надобно раздѣлаться.
 Тѣмъ и кончилъ; храбры воины
 Рѣчи любящъ лаконически.

Ладно! мы тебѣ послушаемъ,
 Царь промолвилъ пропянувшись;
 Завтра, други, мы увидимся,
 А теперь спускайте всѣ домой.

Оплошалъ Додонъ опсрочкою:
 Не пвердилъ онъ вѣрно въ азбукѣ:
 «Не опкладывай до завтраго,
 Что сегодня можешь выполнитьъ.»
 Разошлись всѣ придворные.
 Ночь межъ-штѣмъ уже сгущалася;
 Царь Додонъ въ постелю царскую

Вмѣспѣ съ милой легъ супругою,
Съ несравненной Милиприсою.

Милиприсина служаночка,
Зоя, молодая дѣвица,
Ангель спаномъ, взоромъ, личикомъ,
Бѣлой ручкой, нѣжной ножкою,
Съ госпожи снявъ плаще шелково —
Юбку, чепчикъ, леншы, кружева,
Все подъ ключъ въ комодѣ спрячала
И пошла пихонько въ дѣвичью.
Тамъ она сама раздѣлася,
Подняла съ прудомъ окошечко,
И легла въ постель пуховую,
Ожидая друга милаго,
Свѣспозара, пажа царскаго:
Къ темной ночкѣ общался онъ
Изъ окна прыгнушь къ ней въ комнату.
Ждепъ, пождепъ дѣвица красная —
Нѣпъ какъ нѣпъ все друга милаго.
Чу! бѣепъ полночь — что же Зоинька?
Видипъ: входяпъ къ ней въ окошечко —
Кшо же? другъ ли сердца нѣжнаго?
Нѣпъ, совсѣмъ не по, чипашели!
Видипъ Зоя привидѣніе:
Спаричишка съ длинной шапкою,
Въ балахонѣ вмѣспо маншіи,
Опоясанный мочалкою;

Видъ прошивной, глазъ на выкапъ,
 Ротъ разинушъ, зубы скаляпся,
 Уши длинныя, ослиныя
 Надъ плечами громко хлопающъ....
 Зоя смоприпъ и со препепомъ
 Узнаепъ она, чипапели,
 Бендокира Слабоумнаго.

Трепешна, смяпенья полная,
 Спала на колъни Зонька,
 Съединила ручку съ ручкою,
 Попупила очи ясныя,
 Прочитала скорымъ попомомъ
 Отче нашъ и Богородицу,
 И пихохонько промовила:
 Чпо я вижу? Боже! Господи!
 О Никола! Савва мученикъ!
 Осънипе беззащипную.
 Ты ли это, царъ нашъ бапюшка?
 Опъ чего, скажи, оспавилъ пы.
 Нынъ царспвіе небесное?
 Спраннымъ смъхомъ освъпившися,
 Тънь рекла прекрасной Зонкъ:
 «Зоя, Зоя! не спрапсь, мой свъпъ!»
 «Не пугапъ тебѣ мнѣ хочепся,
 «Не на то сюда явился я
 «Съ того свѣта привидѣніемъ.
 «Весело пугапъ живыхъ людей;

«Но, могу ли веселишься я,
 «Если сына Бендокирова,
 «Милаго Вову царевича,
 «На костръ изжаряпгь завпра же?»

Бѣдной царь заплакалъ жалобно;
 Больно спало доброй дѣвушкѣ.
 — Чѣмъ могу, скажи, помочь тебѣ?
 Я во всемъ тебѣ покорствую. —

«Вошь что хочется мнѣ, Зоинька:
 «Изъ пемницы сына выручи,
 «И сама въ жилище мрачное
 «Сядь на мѣсто королевича;
 «Поспрадай ты за невиннаго;
 «Поклонюсь тебѣ низехонько
 «И скажу: спасибо, Зоинька!»

Зоинька шупъ призадумалась;
 Эшо жескко ей казалось;
 Но, имѣя чувспва нѣжныя,
 Зоя вшайнѣ согласилась
 На такое предложеніе.

Такъ, ты правъ, оракуль Франціи,
 Говоря, что жены, слабыя
 Противъ стрѣль Эрота юнаго,
 Всѣ имѣютъ душу добрую,
 Сердце нѣжно - непришворное.
 — Но скажи, о царь возлюбленный!
 Зоя молвила покойнику,

Какъ могу — ну, посуди ты самъ —
Пренесшись въ пемницу мрачную,
Гдѣ горюешь пвой любезный сынъ?
Пяпъдесяпъ опборныхъ воиповъ
Днемъ и ночью сперегупъ его.
Мнѣ ли, слабой, робкой женщиной,
Обманупъ ихъ очи зоркія? —

«Будь спокойна, случай найдется;
«Покляпсь лишь шолько, милія,
«Не отвергнуупъ сего случая,
«Если самъ тебѣ представипсь.»
— Я клянупъ! — сказала дѣвица.
Вмигъ исчезло привидѣніе,
Изъ окошка быспро вылепѣвъ.
Воздыхая тихо, Зоинья
Опустила туупъ окопечко,
И въ постелѣ успокоившись,
Скоро, скоро сномъ забылася.

КРАСАВИЦЪ,

КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАКЪ.

—

Возможно ль, вмѣсто розъ, Амуромъ насаж-
денныхъ,
Тюльпановъ гордо наклоненныхъ,
Душистыхъ ландышей, ясиновъ и лилей,
Которыхъ ты всегда любила,
И прежде всякій день носила
На мраморной груди своей —
Возможно ль? милая Климена!
Какая странная во вкусъ перемѣна:
Ты любишь обонять не упреній цвѣшокъ,
А вредную праву зелену,
Искусствомъ превращенну
Въ душистый порошокъ?
Пускай уже съдой профессоръ Геппингена,
На старой каедрѣ согнувшись дугой,
Вперивъ въ латинщину глубокій разумъ свой,
Раскашлявшись, табакъ полченый
Пихаетъ въ длинный носъ изсохшею рукой;

Пускай молодой драгунъ усаспой,
Поупру сидя у окна,
Спаканы сушипъ всѣ до дна,
И чѣпобъ прогнапъ остатокъ сна,
Изъ прубки пенковой дымъ гонипъ сѣровапый;
Пускай красавица шестидесяпи лѣпъ,
У коей держипся вся прелестъ на подставкѣ,
У коей безъ морщинъ на шѣлѣ мѣспа нѣпъ,
Чаетъ въ-прикусу попиваетъ,
Съ Сареппскимъ табакомъ печали забываетъ.
А пы, прелестпная! Но если ужъ табакъ
Столь нравипся тебѣ... о пылъ воображенъя!
Ахъ! если бѣ, превращенный въ прахъ,
И въ табакеркѣ, въ започеньи,
Я въ перспы нѣжныя пвои попасъся могъ;
Тогда бѣ, въ сердечномъ восхищенъи,
Разсыпался на грудь.
Но, что! мечта, мечта пустая!
Не будетъ этого никакъ!
О доля человѣка злая!
Ахъ!... опъ чего я не... табакъ!

КЪ НАТАЛЬѢ.

—

Такъ, и мнѣ узнашь случилось,
Что за пшица Купидонъ;
Сердце спрашное плѣнилось —
Признаюсь: и я влюбленъ!
Пролепѣло счастья время,
Какъ, любви не зная бремя,
Я живалъ да попѣвалъ;
Какъ въ шеапрѣ и на балахъ,
На гуляньяхъ, иль въ воксалахъ
Легкимъ зефиромъ лепалъ;
Какъ, смѣясь, во зло Амуру
Я писалъ каррикашуру
На любезный женскій полъ.
Но напрасно я смѣлся;
Наконецъ и самъ попался —
Самъ, увы! съ-ума сошелъ.
Смѣхи, вольность, все подъ лавку,
Изъ Капоновъ я въ опшпавку,
И шеперь я — Селадонъ!

Миловидной жрицы Талы,
 Видѣль прелести Напалы —
 И ужъ въ сердць Купидонъ!
 Такъ, Напалы! признаюся,
 Я шобою полонень;
 Въ первый разъ еще (спыжуся)
 Въ женски предести влюблень;
 Цѣлый день, какъ пи верчуся,
 Лишь шобою заняпъ я;
 Ночь придетъ — и лишь себя
 Вижу я въ пуспомъ мечпань,
 Вижу, въ легкомъ одѣянъ
 Будпо милая со мной:
 Робко, сладоспно дыханье,
 Бѣлой груди колебанье,
 Снѣгъ запмившей бѣлизной —
 И полушверсны очи,
 Скромный мракъ безмолвной ночи —
 Духъ въ воспоргъ приводяпъ мой!...
 Я одинъ въ бесѣдкѣ съ нею;
 Вижу дѣвспенну лилею,
 Трепещу, шомлюсь, вѣмѣю...
 И проснулся — вижу мракъ
 Вкругъ посщели одинокой!
 Испускаю вздохъ глубокой;
 Сонъ лѣнивый, шомноокой
 Опытаешъ на крымахъ;

Сспрась сильнѣ спановишся —
И, любовью упомясь,
Я слабью каждый часъ —
Все къ чему-по умъ спремипся.
Но, Напалья! пы не знаешь,
Кпо пвой нѣжный Селадонъ?
Ты еще не понимаешь,
Опъ чего не смѣешь онъ
И надѣяшься? — Напалья!
Выслушай еще меня:
Не владѣтель я серала,
Не Арапъ, не Турокъ я;
За учпиваго Кипайца,
Грубаго Американца
Почипапъ меня нельзя;
Не предспавъ и Нѣмчурою,
Съ колпакомъ на волосахъ,
Съ кружкой пивомъ налипою
И съ цыгаркою въ зубахъ;
Не предспавъ кавалергарда
Въ каскѣ съ длиннымъ палашомъ —
Не люблю я бранный громъ:
Шпага, сабля, алебарда
Не стягашъ моей руки.
Кпо же пы, болпунъ влюбленный?

КЪ МОЛОДОЙ АКТРИСѢ.

—

Ты не наслѣдница Клероны;
Не для тебя свои законы
Владѣлецъ Пинда начерпалъ;
Тебѣ немного Богъ послалъ;
Твой голосокъ, пѣлодвиженья,
Нѣмыя взоровъ обращенья
Не спѣяшь, признаюсь, похвалъ
И шумныхъ плесковъ удивленья;
Жесткою суждено судьбой
Тебѣ актрисой быть дурной.
Но, Хлоя, ты мила собой;
Тебѣ во-слѣдъ шлопяшя смѣхи,
Суляшь любовникамъ успѣхи —
И такъ, вѣнцы передъ побой,
И несомнѣтельны успѣхи.

Ты плѣннымъ зрителя ведешь,
Когда безъ такта ты поешь,
Недвижно стоя передъ нами,
Поешь — и часто не въ-попадъ;

А мы усердными руками
 Всѣ громко хлопаемъ; кричащъ:
 Bravo! bravissimo! чудесно!
 Свиски сашириковъ молчащъ,
 И всѣ покорспвуютъ прелеспной.

Когда, въ неловкости своей,
 Ты сложишь руки у грудей,
 Или подынешь ихъ — и снова
 На грудь положишь не спыдьясь;
 Когда Милона молодого,
 Лепеча что-то не для насъ
 Въ любви безъ чувства увѣряешь,
 Или безъ памяти, въ слезахъ
 Холодный испуская ахъ!
 Спокойно въ кресла упадаешь;
 Краснѣя и чушь - чушь дыша,
 Всѣ шепчущъ : ахъ! какъ хороша!
 Увы! другую бѣ освиспали!
 Велико дѣло красота!
 О Хлоя! мудрые солгали:
 Не все на свѣпъ суеша.

Плѣнай же, Хлоя, красосою!
 Спокращъ блаженъ любовникъ шощъ,
 Копорый нѣжно предъ шобою,
 Осмѣясь, о любви поешъ,
 Въ спихахъ и прозою на сценѣ
 Тебя клянешся обожашъ,

Кому ты можешь отвѣчать,
Не смѣя молвить объ измѣнѣ;
Блаженъ, кто можетъ роль забыть
На сценѣ съ миленькой актрисой,
Жать руку ей, надѣясь быть
Еще блаженный за кулисой!

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

—

Пуškai, не знаясь съ Аполлономъ
Поэшь, придворный философъ,
Вельможѣ знашному съ поклономъ
Подносишь оду въ двѣспи спрофъ;
Но я, любезный Горчаковъ!
Не просыпаюсь съ пѣпухами,
И напыщенными спихами
Наборомъ громозвучныхъ словъ
Я пѣшь пуспаго не умѣю
Высоко, понко и хипро;
И въ лиру превращаешь не смѣю
Мое гусиное перо!
Нѣпъ, нѣпъ! любезный князь, не оду
Тебѣ намѣрень посвяпишь;
Что прибыли совашься въ воду,
Сначала не спросившись броду,
И въ-слѣдъ Державину паришь?
Пишу своимъ я складомъ нынѣ
Кой-какъ спихи на имянины!...

Чпо долженъ я, скажи, въ сей часъ
 Желашь опъ числа еердца другу?
 Глубоку ль спаросшь, милый князь?
 Дъшей, любезную супругу,
 Или богапства, громкихъ дней,
 Кресповъ, алмазныхъ звѣздъ, чеспей?
 Не пожелашь ли, чпобы славой
 Ты увлеченъ былъ въ пупъ кровавой,
 Чпобъ въ лаврахъ и вѣнцахъ сіялъ,
 Чпобъ въ бипвахъ громъ изъ рукъ мешалъ?
 И чпобъ побѣда за шобою,
 Какъ древле Невскому герою,
 Всегда, вездѣ лепала въ слѣдъ?
 Не сладостраспія поэшь
 Такою пѣсенкой поздравипъ —
 Онъ лучше музъ на-вѣкъ оставипъ!
 Дай Богъ любви, чпобъ пы свой вѣкъ,
 Пипомцемъ нѣжнымъ Эпикура,
 Провель межъ Вакха и Амура!
 А памъ, когда Спигійскій брегъ
 Мелькнепъ въ шуманномъ опдаленьи,
 Дай Богъ, чпобъ въ спраспномъ упоеньи
 Ты съ помной сладоспью въ очахъ
 Изъ рукъ младаго Купидона,
 Вспупая въ мрачный чолнъ Харона,
 Уснулъ Элены на грудяхъ!

Л Е Д А.

(Кантата).

Средь темной рощицы, подъ тѣною липъ ду-
 шиспыхъ,
 Въ высокомъ просникѣ, гдѣ чистымъ жемчу-
 гомъ

Вздывалась тѣна водъ сребриспыхъ —
 Колеблясь пихимъ въперкомъ,
 Покровъ красавицы спыдливой,
 Небрежно кинушый, у берега лежалъ —
 И прелести ея попокъ волной игривой
 Съ весельемъ ороцалъ.

Жишель рощи шоропливой,
 Будь же скромень, о ручей!
 Тише, спруйки говорливы!
 Измѣнишь спрашишесь ей!

Леда робостью прѣпещеть,
 Тихо дышеть снѣжна грудь,
 Ни волна вокругъ не плещеть,
 Ни зефиръ не смѣеть душъ.

Въ роцѣ шорохъ упихаешъ,
 Все въ прелестной пишинѣ;
 Нимфа далѣ спупаешъ,
 Робкой ввѣрившись волнѣ.

Но что-шо межъ кустовъ прибрежныхъ воз-
 шумѣло —

И чувство робости прекрасной овладѣло.
 Невольно вздрогнула, не въ силахъ воздохнуть—
 И вопъ пернатыхъ царь изъ-подъ склонен-
 ной ивы,

Расправя крылья горделивы,
 Къ красавицѣ плывешъ — веселья полна грудь;
 Съ шумящей пѣною опважно волны гонишь,

Крылами воздухъ бьешъ,
 То въ кольца шею вьешъ,

То гордую главу, смирясь предъ Ледой, клонишь—

Леда смѣешся,
 Вдругъ раздаешся
 Радости кликъ...
 Видъ сладоспρασный!

Къ Ледѣ прекрасной
 Лебедь приникъ,
 Сльшно спенанье;
 Нимфа лѣсовъ

Съ нѣгою сладкой
 Видишь украдкой
 Тайну боговъ.

Опомнись, наконецъ, красавица младая
Открыла тихій взоръ, въ помленьяхъ въздыхая.

И чшожь увидѣла? На ложъ изъ цвѣпювъ

Она покоишся въ объятіяхъ Зевеса,

Межь ними юная любовь —

И пала шаинства прелеспнаго завѣса.

Симъ примѣромъ научишся

Розы — дѣвы красоны;

Лѣпнимъ вечеромъ спрашишся

Въ темной рощицѣ воды:

Въ темной рощицѣ шаинся

Часто пламенный Эропъ;

Съ хладной спруйкою капишся,

Спрѣлы прячешъ въ пѣнѣ водѣ.

Симъ примѣромъ научишся,

Розы — дѣвы красоны;

Лѣпнимъ вечеромъ спрашишся

Въ темной рощицѣ воды.

О С Г А Р Ъ.

По камнямъ гробовымъ, въ шуманахъ полуночи,
 Спупая шрепепно успалою ногой,
 По Лоръ пупникъ шелъ; напрасно очи
 Ночлега мирнаго искали въ шмѣ гуспой.
 Пещеры нѣшь предъ нимъ, на берегъ угрюмомъ;
 Не видипъ хижины, наслѣдья рыбаля;
 Въ дали дремучій боръ качають въпры съ шу-
 момъ,

Луна за шучами и въ моръ спипъ заря.

Идепъ, и на скаль, обросшей влажнымъ мо-
 хомъ,

Зрипъ барда спараго — веселье прошлыхъ лѣпъ:
 Склонясь съдымъ челомъ надъ воющимъ попо-
 комъ,

Въ безмолвіи, время онъ созерцалъ полепъ.
 Зубчашый мечъ висѣлъ на вѣшви мрачной ивы.
 Задумчивый нѣвецъ взоръ шихій обратилъ
 На сына чуждыхъ спранъ, и пупникъ боязливый
 Содрога въ ужасъ и мимо поспѣшилъ.

«Спой, пупникъ! спой! въщаль пѣвецъ въ-
 ковъ минувшихъ:
 Здѣсь пали храбрые; почти ихъ бранный прахъ,
 Почти геройство чадъ, могилы сномъ уснувшихъ!»
 Пришлецъ главой поникъ — и, мнилось, на
 холмахъ

Возспавшій рядъ пѣней главы окровавленны
 Съ улыбкой гордою на спранника склонялъ.
 — Чей гробъ я вижу памъ? въщаль иноплемен-
 ный,

И Барду посохомъ на берегъ указалъ.

Колчанъ и шлемъ спальной, къ утесу при-
 гвожденный,
 Бросали пускльй лучъ, луною озлапясь.
 Увы, здѣсь палъ Осгаръ! рекъ спарецъ вдохно-
 венный.

О! рано юношѣ наспалъ послѣдній часъ!
 Но онъ искалъ его: я зрѣлъ, какъ въ рапномъ
 спроѣ

Онъ первыя спрѣлы съ весельемъ ожидалъ,
 И рвался изъ рядовъ и палъ въ кинящемъ боѣ.
 Покойся, юноша! пы въ брани славной палъ!

Во цвѣпѣ нѣжныхъ лѣпѣ любилъ Осгаръ
 Мальвину;
 Неразъ онъ въ радости съ подругою встрѣчалъ
 Вечерній свѣпѣ луны, скользящій на долину,

И пѣнь упадшую съ приморскихъ грозныхъ
 скалъ.

Казалось, ихъ сердца другъ къ другу пламенѣли;
 Одной, одной Огаръ Мальвиною дышалъ.

Но быспро дни любви и счастья пролепѣли,
 И вечеръ гореспи для юноши наспалъ!..

Однажды, въ шемну ночь зимы порой унылой,
 Огаръ спучился въ дверь красавицы молодой,
 И шепчетъ: «юный другъ! немедли, здѣсь швой
 милой!»

Но шихо въ хижинѣ. Вновь робкою рукой
 Спучипъ и слушаепъ: лишь въпры съ свиспомъ
 воюпъ.

«Ужели спишь шеперь, Мальвина?» Мгла во-
 кругъ,

Валипся снѣгъ, власы въ шуманѣ леденѣюпъ.

«Услыпъ, услыпъ меня, Мальвина, милый другъ!»
 Онъ въ прешій разъ спучипъ. Со скрипомъ
 дверь шапнуласть:

Онъ входипъ съ прешпомъ; несчастпный! чшождъ
 узрѣлъ?

Темнѣепъ взоръ его; Мальвина содрогнуласть;

Онъ зрипъ — въ объапцяхъ измѣнницы Звиг-
 нель!

И яроспъ дикая во взорахъ закипѣла;

Нѣмѣепъ и дрожипъ любовникъ молодой.

Онъ грозный мечъ извлекъ — и нѣтъ уже Звиг-
нела,

И блѣдный духъ его сокрылся въ пшѣ ночной!

Мальвина обняла несчастнаго колѣна.

Но взоры опшравивъ: «живи!» въщаль Осгаръ;
Живи, ужъ я не швой, презрѣнна мной измѣна,
Забуду, пошущу къ невѣрной спраспи жаръ.

И шихо за порогъ выходипъ онъ въ молчань,
Окованъ мрачною, безмолвною шоской —
Исчезло сладкое на-вѣкъ очарованье!

Я видѣлъ юношу: поникнувъ головою,
Мальвины имя онъ въ опчаянши шепшаль;
Какъ сумракъ, дремлющій надъ бездною морскою,
На сердце горешномъ унынья мракъ лежалъ.
На друга дѣшскихъ лѣтъ взглянулъ онъ шороп-
ливо:

Уже недвижный взоръ друзей не узнавалъ.
Опъ пиршесшвъ удаленъ, въ пустынѣ молчаливой
Онъ одиочешвомъ печаль свою пишаль.

И длинный годъ провелъ Осгаръ среди мученій.
Вдругъ грянулъ шрубный гласъ: Оденовъ слышъ,
Фингалъ,

Велъ грозныхъ на мечи, въ кровавый пылъ сра-
женій.

Осгаръ послышалъ въспъ и бранью воспышалъ.
Здѣсь мечъ его сверкнулъ, и смерть предъ нимъ
бѣжала:

Покрыпый ранами, здѣсь палъ на грудѣ пѣлъ;
Онъ палъ — еще рука меча кругомъ искала,
И крѣпкій сонъ вѣковъ на сильного слепѣлъ!

Побѣгли вспяшь враги — и пихій миръ герою!
И пихо все вокругъ могильнаго холма!

Лишь въ осень хладную, безмѣсячной порою,
Когда вершины горъ стягчишь сырая іма,
Въ багровомъ облакѣ, одѣяна шуманомъ,
На камнѣ гробовомъ уныла пѣнь сидишь —
И спрѣлы дребезжашъ, спучишь броня съ кол-
чаномъ,
И кленъ, зашевелясь, шаниспвенно шумишь.

Э В Л Е Г А.

Вдали ты зришь утесъ уединенный?
Пещеры въ немъ изрылась глубина;
Темнѣетъ входъ, кустами окруженный;
Вблизи шумитъ и пѣнится волна.
Вечоръ, когда шуманилась луна,
Здѣсь милаго Эвльга призывала;
Здѣсь тихій гласъ горамъ передавала
Во шмѣ ночной, печальна и одна.

Приди, Одульфъ! ужъ роца поблѣднѣла;
На дикій мохъ Одульфа ждашь я съла;
Пылаетъ грудь, за вздохомъ вздохъ лепитъ.
О! сладко жить, мой другъ, душа съ душою!
Приди, Одульфъ! забудусь я съ побою. —
И поцѣлуй любовью возгоритъ!

Бѣги, Осгаръ! твои мнѣ спрашны взоры,
Твой грозенъ видъ и хладны разговоры!
Оставь меня, не мною торжествуй!
Уже другой въ ночи со мною дремлетъ

Ужъ на зарѣ другой меня объемлешь, —
И сладоспень его мнѣ поцѣлуй!

Что жъ медлишь онъ свершишь мои надежды?
Для милаго я сбросила одежды,
Зависпливый покровъ у ногъ лежишь.
Но, чу! идушь — шагъ! это другъ надежный!
Ужъ начались воспорги спраспи нѣжной —
И поцѣлуй любовью возгорись.

Идешь Одульфъ, во взорахъ упоенье,
Въ груди любовь, и прочь бѣжишь печаль;
Но близъ него во шмѣ сверкнула спаль,
И вздрогнулъ онъ — родилось подозрѣнье:
Кто ты? спросилъ, почшо ты здѣсь, въщай!
Отвѣспивуй мнѣ, о шумъ угрюмой ночи!»
— Безильный врагъ! Осгара убѣгай!
Въ пуспынной шмѣ чпѣ ищущъ робки очи?
Спрашисъ меня: я спраспью воспалишь.
Въ пещерѣ здѣсь Эвлега ждешь Осгара;
Булатный мечъ въ минушу обнажень,
Огонь лепишь спруями опъ удара.

Услышала Эвлега спукъ мечей,
И бросила со спрахомъ хладъ пещерной.
«Приди узрѣшь предметъ любви швоей!
Вскричалъ Одульфъ подругъ нѣжной, вѣрной.
Измѣнница! ты здѣсь его зовешь?
Во шмѣ ночной васъ услаждаешь нѣга —
Но дерзкаго въ Валгалѣ ты найдешь.»

Онъ поднялъ мечъ, и съ шрепешомъ Эвлега
Падешъ на дернъ, какъ клокъ лепучій снѣга,
Мешелицей оппорженный со скаль!
Другъ на друга соперники спремяся,
Кровавый шокъ по камнямъ побѣжалъ:
Въ кустарники съ опчаяньемъ капятся.
Последній гласъ Эвлегу призывалъ —
И смерши хладъ ихъ яроспъ оковалъ!

О К Н О .

Гдѣ мѣръ, одной мечпѣ послушной?
Мнѣ наспоаящій опускаеть!
На все взираю равнодушно;
Дышашь уныньемъ мой удѣль.
Напрасно лѣпнею порою
Любовникъ роициць и луговъ
Кольшепѣ розой полевою,
Лепя съ пѣниспыхъ береговъ;
Напрасно поздняя зарница
Мерцаепѣ въ пемнопѣ ночной,
Иль въ зыбкихъ облакахъ денница
Разлипа пламенной рѣкой,
Иль день багрый вечерѣпѣ
И пихо пускнепѣ небосводѣ,
И клень на мѣсяцѣ бѣлѣпѣ,
Склонясь на берегъ синихъ водѣ,
Недавно пемною порою,
Когда пуспынная луна

Текла шуманною спезёю,
Я видѣлъ: дѣва у окна
Одна задумчиво сидѣла,
Дышала въ тайномъ спрахѣ грудь;
Она съ волненіемъ глядѣла
На темный подъ холмами пупъ.
Я здѣсь! шепнули поропливо;
И дѣва трепетной рукой
Окно открыла боязливо,
Луна покрывась темнопой.
Счастливецъ! молвилъ я съ поскою,
Тебя веселье ждесть одно;
Когда жъ вечернею порою
И мнѣ откроснется окно?

РАЗСУДОКЪ И ЛЮБОВЬ.

—

Младой Дафнисъ, гоняясь за Доридой,
 Постой! кричалъ, прелестная, постой!
 Скажи: люблю — и бѣгай за мной
 Не стану я, клянуса въ помъ Кипридой.
 Молчи, молчи! разумокъ говорилъ,
 А плушь Эрошь: скажи, ты сердцу миль.

* * *

Ты сердцу миль! паспушка повпорила,
 И ихъ сердца огнемъ любви зажглись,
 И палъ къ ногамъ красавицы Дафнисъ,
 И спрашивъный взоръ Дорида пошупила!
 Бѣги, бѣги! разумокъ ей швердилъ,
 А плушь Эрошь — останься! говорилъ.

* * *

Осталася, и препешной рукою
 Взявъ руку ей счастливый паспушокъ.
 Взгляни, сказалъ: съ подругой голубокъ

Тамъ обнялись подъ пѣнью лишь гусною!
Бѣги, бѣги! разсудокъ повпорилъ;
Учись опъ нихъ, Эропъ ей говорилъ.

* * *

И нѣжная улыбка пробѣжала
Красавицы на пламенныхъ успахъ,
И вопъ она съ помлениемъ въ глазахъ
Къ любезному въ объятія упала...
Будь счастлива! Эропъ ей прошепталъ;
Разсудокъ чшо жь? разсудокъ ужъ молчалъ.

КЪ НАТАШЪ.

—

Вянепъ, вянепъ лѣпо красно,
 Улепаюпъ ясны дни!
 Спелется шуманъ ненаспной
 Ночи въ дремлющей пѣни;
 Опустѣли злачны нивы,
 Хладенъ ручеекъ игривый,
 Лѣсъ кудрявый посѣдѣлъ;
 Сводъ небесный поблѣднѣлъ.

* * *

Свѣпъ - Напаша! гдѣ ты нынѣ?
 Что никто тебя не зрипъ?
 Иль не хочешь часъ единый
 Съ другомъ сердца раздѣлипъ?
 Ни надъ озеромъ волниспымъ,
 Ни подъ кровомъ липъ душиспымъ
 Ранней, позднею порой,
 Не встрѣчаюсъ я съ тобой.

* * *

Скоро, скоро холодъ зимній
Рошу, поле посѣпшишь;
Отонекъ въ лачушкѣ дымной
Скоро ярко заблещишь;
Не увижу я прелестной
И, какъ чижикъ въ клѣшкѣ пѣсной,
Дома буду горевать
И Нашашу воспоминашь.

Н А С Л А Ж Д Е Н І Е .

—

Въ неволѣ скучной увядаеиъ
Едва развишій жизни цвѣпъ,
Украдкой младоспъ оплепаеиъ
И слѣдъ ея — печали слѣдъ!
Съ минупъ безчувспенныхъ рожденъ
До нѣжныхъ юношеспва лѣпъ
Я все не знаю наслажденъ,
И счаспья въ помномъ сердцѣ нѣпъ!
Съ порога жизни въ опдаленъ
Неперпѣливо я смолрѣлъ :
Тамъ, тамъ, мечпалъ я, наслажденъ;
Но я за призракомъ лепѣлъ.
Злапья крылья развивая,
Волшебной, нѣжной красопой
Любовъ явилась молодая
И полетѣла предо мной.
Я мчался къ цѣли опдаленной,

Но цѣли милой не достигь!..
Когда жь, весельемъ окрпленной,
Наспанеть счастья быспрый мигъ?
Когда въ сіяньи возгорится
Свѣпильникъ пускльй юныхъ дней,
И мрачной пупь мой озарится
Улыбкой спупницы моей?

КЪ МАШЪ.

Вчера мнѣ Маша приказала
 Въ куплеты рифмы набросать,
 И мнѣ въ награду обѣщала
 Спасибо въ прозѣ написать.

Спѣшу исполнить приказанье.
 Года не смѣюпъ погодить:
 Еще семь лѣтъ — и обѣщанье
 Ты не исполнишь, можеть быть.

Вы чинно, молча, сложа руки,
 Въ собраньяхъ будете сидѣть,
 И жертвуя богинѣ скуки,
 Съ воксала въ маскарадъ лѣпѣть.

И ужъ не вспомните поэта...
 О Маша, Маша! поспѣши,
 И за чепыре мнѣ куплета
 Мою награду напиши.

ПОГРЕБЪ.

О, сжалъсь надо мною,
Товарищи, друзья!
Красошкой удалою
Въ конецъ измученъ я!

Всечасно я шоскую;
Горька моя судьба!
Несите жъ круговую,
Откройте погреба.

Тамъ, тамъ во льду хранился
Бушылочъ гордый спрой,
И поршера шаишся
Боченокъ выписной.

Нашъ Либерь, заикаясь,
Къ нему покажешъ пупъ —
Пойдемше всъ, шапаясь,
Подъ бочками заснупъ!

Въ нихъ сердца упъшенъе,
Награда для пѣвцовъ,
И мукъ любви забвенъе,
И жаръ моихъ спниковъ.

И С Т И Н А .

Недавно мудрые искали
Забывшихъ испины слѣдовъ,
И долго, долго полковали
Давнишни полки спариковъ,
Твердили : «испина нагая
Въ колодезь убралась шайкомъ.»
И дружно воду выпивая,
Кричали : «здѣсь ее найдемъ!»

* *
*

Но кпо-шо, смершныхъ благодѣшель —
И чупь ли не спарикъ Силенъ —
Ихъ важной глупоспи свидѣшель,
Водой и крикомъ упомленъ,
Оспавилъ невидимку нашу,
Подумалъ первый о винѣ
И, осушивъ до капли чашу,
Увидѣлъ истину на днѣ.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

—

Други! пусть года несутся,
 О годахъ ли намъ шужишь,
 Коль не все и лозы вьются?
 Но скорѣй и пипь — и живь.

* *
 *

Громкій смѣхъ надъ лекарями
 При плесканьи полныхъ чашъ!
 Вѣрьте мнѣ, Игея съ нами,
 Самъ Ліэй цѣлипель нашъ.

* *
 *

Пѣнный мозель восхищенье
 Изливаепъ въ нашу кровь;
 Пейте жъ съ нимъ вы утѣшенье
 И болтливую любовь!

* *
 *

*

Выпили. Еще! кругами
Рдѣепъ радоспъ на щѣкахъ —
Порхъ! Амуръ забилъ крылами —
И мы дремлемъ на цвѣсахъ.

С Т А Н С Ы.

(Изъ Вольтера).

—

Ты мнѣ велишь пылашь душою —
Опдай же мнѣ пропекши дни;
Съ моей вечернею зарею
Мое ты упрю съедини.

Мой вѣкъ невидимо проходишь
Изъ круга смѣховъ и Харипъ;
Ужъ время скрышься мнѣ велишь
И за руку меня выводишь.

Не дасъ оно пощады намъ:
Кто примѣняшь не умѣешь
Къ своимъ измѣнчивымъ годамъ,
Толъ ихъ несчастья лишъ имѣешь.

Счастливицамъ рѣзвымъ, молодымъ
Оспавимъ спраспи заблужденъ;
Живемъ мы въ мѣръ два мгновенья —
Одно разсудку опдадимъ.

Вы, усладившія печали
 Минувшой младоспи моей,
 Любовь, мечпанья первыхъ дней!
 Уже ль на-вѣкъ вы убъжали?

Намъ должно дважды умирашь;
 Проспишься съ сладоспнымъ мечпань-
 емъ:

Вопшь смерть ужасная спраданиемъ!
 Чпо значишь послѣ не дышашь?

На пасмурномъ моемъ закапъ
 Среди пуспынной темноты
 Такъ сожалѣлъ я объ ушрапъ
 Обмановъ милья мечпы!

Тогда на голось мой унылой
 Мья дружба руку подала:
 Она любви подобна милой
 Въ одной лишь нѣжностпи была.

Я ей принесъ увядши розы
 Оспрадныхъ юношеспва дней,
 И въ слѣдъ пошелъ — но лимъ я слезы,
 Чпо могъ во слѣдъ идпи лишь ей!

ДЕЛІЯ.

—

Ты ль передо мною,
Делія моя?
Разлучень съ шобою —
Сколько плакалъ я!
Ты ль передо мною,
Или сонъ мечшою
Обольспилъ меня?

* *
*

Ты узнала ль друга?
Онъ не шо, чшо былъ;
Но шебя, подруга!
Все жъ не позабылъ —
И швердишь унылой:
Я любимъ ли милой,
Какъ, бывало, былъ?

* *
*

Что теперь сравнися
Съ долею моею?
Вопъ слеза капнися
По щекъ пвоей —
Делія спыднися. . . .
Что теперь сравнися
Съ долею моею?

КЪ ДЕЛІИ.

—

О Делія драгая!
Спѣши, моя краса,
Звѣзда любви злапая,
Спѣши: швой Аргусъ удалился,
И сонъ сомкнулъ его глаза.

* *
*

Подъ сѣнью пощаенной
Дубравной пишины,
Гдѣ шокъ уединенной
Сребриспья волны
Журчишь съ унымой Филомелой,
Гоповъ пріюпъ любви веселой,
И блескомъ освѣщенъ луны.

* *
*

Накинушь пѣвни ноци
Покровы намъ свои,
И дремлюшь сѣни роци,
И быспро мигъ любви
Лепишь — я весь горю желаньемъ:
Спѣши, о Делія! свиданьемъ,
Спѣши въ обѣщанія мои.

ВОСПОМИНАНІЕ

(Къ Пушкину).

—

Помнишь ли, мой братъ по чашѣ,
Какъ въ опрадной пишинѣ
Мы попили горе наше
Въ чиспомъ гвниспомъ винѣ?

Какъ, укрывшись молчаливо
Въ нашемъ темномъ уголкѣ,
Съ Вахкомъ нѣжились лѣниво
Школьной спражи вдалекѣ?

Помнишь ли друзей шептанье
Вкругъ бокаловъ пуншевыхъ,
Рюмокъ грозное молчанье,
Пламя шрубокъ грошевыхъ?

Закипѣвъ, о сколь прекрасно
Токи дымные пекли!...
Вдругъ педанша гласъ ужасной
Намъ послышался вдали —

И брызжки вмигъ разбины —
И бокалы все въ окно,
Всюду по полу разлипы
Пуншъ и свѣпное вино.

Убѣгаемъ поропливо;
Въ-мигъ исчезъ минушній страхъ!
Щекъ румяныхъ цвѣшъ игривой,
Умъ и сердце на ухахъ,

Хохопъ чистаго веселья,
Неподвижной пусклой взоръ —
Измѣняли чадъ похмелья.
Сладкой Вакха заговоръ!

О друзья мои сердечны!
Вамъ клянуся, за споломъ,
Всякій годъ, въ часы безпечны,
Поминашь его виномъ.

С О Н Ъ.

(Отрывокъ).

Пускай позпѣ съ кадилъницей наемной
Гоняешся за счасъемъ и молвой —
Мнѣ спрашенъ свѣпъ, проходипъ вѣкъ мой тем-
ной
Въ безвѣспности, заглохшею пропой.
Пускай пѣвцы гремящими хвалами
Полубогамъ безсмертіе даюпъ;
Мой голось пихъ, и звучными спрунами
Не оглашу безмолвія пріюпъ.
Пускай любовь Овидіи поюпъ,
Мнѣ не дастъ покоя Циперея;
Счастливыхъ дней Амуры мнѣ не выюпъ:
Я сонъ пою, безцѣнный даръ Морфея.
И научу, какъ должно въ пишинѣ
Покоишься въ пріятномъ крѣпкомъ снѣ.
Приди, о лънь! приди въ мою пуспыню!
Тебя зовупъ прохлада и покой;

Въ одной пещѣ я зрю свою богиню;
Готово все для гостыи молодой.
Все тихо здѣсь, докучный шумъ укрылся
За мой порогъ; на свѣтлое окно
Прозрачное спустилось помолно,
И въ темной нишѣ, гдѣ сумракъ воцарился,
Чуть крадется невѣрный свѣтъ дневной —
Вопъ мой диванъ; приходи жъ въ обитель мира,
Царицей будь, я плѣнникъ нынѣ швой.
Учи меня, води моей рукой,
Все, все швое: вопъ краски, кисть и лира!

А вы, друзья моей прелестной музы,
Которыми любви забыты узы,
Которые владычеству земли
Конечно сонъ спокойный предпочли —
О мудрецы! дивисься вамъ умѣя,
Для васъ однихъ я нынѣ пропъ Морфея
Поэзи цвѣтами обовью,
Для васъ однихъ блаженство воспую.
Внемлите же съ улыбкой снисхожденья
Моимъ спихамъ, урокамъ наслажденья.

Въ назначенный природой нѣги часъ,
Хопите ли забыться каждый разъ,
Въ ночной тиши, средъ общаго молчанья,
Въ объятіяхъ игриваго мечтанья?
Спѣшите же подъ сельскій мирный кровъ:
Тамъ можно жить и праздно и безопасно,

Тамъ прямо рай; но прочь ошь городовъ,
Гдѣ крикъ и шумъ лѣнивцевъ мучишь вѣчно.
Согласенъ я, въ нихъ можно цѣлый день,
Съ прелестницею ловишь веселья пѣнь;
Въ плапокъ зѣваешь, блистая въ модномъ свѣтѣ;
На балѣ въ ночь вершешься на паркешъ:
Но можно ли вкушаешь опраду сновъ?
Наспала пѣнь, уснушь лишь я гошовъ,
Обмануемый призраками ночными —
И вопъ уже, при свѣтѣ фонарей,
На бѣшеной четверкѣ лошадей,
Спуча, гремя колесами злаными,
Капнися спѣсь подѣ окнами моими.
Я вновь дремлю, вновь улица дрожишь —
На скучный балъ разсѣянье лепишь...
О Боже мой! уже ли здѣсь ложаешься,
Чтобы всю ночь безсонницею перзаться?
Еще спучаешь, а шамъ уже свѣтло,
И гдѣ мой сонъ? не лучше ли въ село? —
Тамъ роцица листочковъ шрепешаньемъ,
Въ лугу попокъ пашншвеннымъ журчаньемъ,
Зланыхъ полей, долины пишина:
Въ деревнѣ все къ помленью клонишь сна!
О сладкй сонъ, ничѣмъ невозмущенный!
Одинъ пѣшухъ, зарею пробужденный,
Свой рѣзкй крикъ подынешъ, можешъ бышь;
Опасенъ онъ — онъ можешъ разбудишь.

И пакъ, пускай, въ сераяхъ удаленны,
Султаны куръ гордящся заключенны
Иль поселянъ сзываютъ на поля:
Мы спать хопимъ, любезные друзья!
Спокрасть блаженъ, кто можетъ сномъ забыться
Вдали столицъ, карестъ и пѣшуховъ!
Но сладостью веселой ночи сновъ
Не думайте вы даромъ насладиться,
Средь мирныхъ селъ, безъ всякаго пруда.
Что жъ надобно? движенъе, господа!
Похвальна лѣнь; но естъ всему предѣлы:
Смоприте, Клипъ, въ подушкахъ посѣдѣлый,
Размученный, изнѣженный, больной,
Весь вѣкъ сидитъ съ подагрой и поской!
Насупитъ день: несчастный! задыхаясь,
Крехпя, ползетъ съ постели на диванъ;
Весь день сидитъ; когда жъ ночной шуманъ
Подернетъ свѣтъ, во мракъ распилаясь,
Съ дивана Клипъ къ постелѣ поползетъ;
И какъ же ночь, несчастной, проведетъ?
Въ покойномъ снѣ, въ пріятномъ сновидѣннѣ?
Нѣтъ! сонъ ему не радость, а мученье;
Не маками, тяжелою рукой
Ему Морфей закроетъ помны очи,
И медленной проходятъ чередой
Для бѣднаго часы угрюмой ночи.
Я не хочу, какъ общій другъ, Вершу,

Предписываю вамъ пляжкія движенья:
Упрямый плугъ, охопы наслажденья —
Нѣтъ! въ роци я лѣнивца приглашу.
Друзья мои, какъ упрю здѣсь прекрасно!
Въ пиши полей, сквозь шайну сѣнь дубравъ,
Какъ юный день сіяетъ гордо, ясно!
Свѣшлѣетъ все; другъ друга перегнавъ,
Журчатъ ручьи, блестятъ брега безмолвны;
Еще роса надъ свѣжей муравой;
Злапыхъ озеръ недвижно дремлютъ волны.
Друзья мои! возьмите посохъ свой,
Идите въ лѣсъ, бродите по долинѣ,
Крупныхъ холмовъ устаньте на вершинѣ —
И въ долгу ночь глубокъ вашъ будеть сонъ.
Какъ только пѣнь одѣнетъ небосклонъ,
Пускай войдетъ, опрада жизни нашей,
Веселья богъ съ широкой, полной чашей —
И царствуй Вакхъ со всѣмъ дворомъ своимъ!
Умѣренно пируйте, други, съ нимъ:
Стакана при шипящими волнами
Румяныхъ винъ налейте вы полнѣй;
Но толстый Комъ съ надупыми щеками
Не приходи спучаться у дверей;
Я радъ ему; но только за обѣдомъ,
И дружески я въ полдень уберу
Его дары; но право въ вечеру
Гораздо я дружнѣй съ его сосѣдомъ.

Не ужинашь — святой тому законъ,
 Кому всего дороже легкой сонъ.
 Брегнешь вы, о дѣпи мудрой лѣни!
 Обманчивой успокоенья пѣни:
 Не спите днемъ: о горе, горе вамъ,
 Когда дремать привыкли по часамъ!
 Что вашъ покой? безчувствіе глубоко.
 Сонъ истинный опъ васъ уже далеко.
 Не знаете веселой вы мечты;
 Вашъ цѣлый вѣкъ несносное помненье,
 И скученъ сонъ и скучно пробужденье,
 И дни текутъ средь вѣчной темноты.

Но ежели, въ глуши, близъ водопада,
 Что подъ горой клокочетъ и кипитъ,
 Прелестный сонъ, успалосши награда,
 При шумъ волнъ на дикій брегъ слепитъ,
 Покроетъ взоръ шуманной пеленою,
 Обниметъ васъ, и пихою рукою
 На мягкой мохъ преклонитъ, осѣнитъ:
 О! сладосно близъ шумныхъ водъ забвенье;
 Пусть далѣ продлится вамъ покой —
 Завидно мнѣ счастливица наслажденье.

Случалось ли ненастной вамъ порой
 Дня зимняго при позднемъ, пихомъ свѣтѣ,
 Сидѣшь однимъ безъ свѣчки въ кабинетѣ:
 Все тихо вокругъ; березы больше нѣтъ;
 Часъ-опъ-часу темнѣетъ оконъ свѣтъ;

На пополкъ какой-то призракъ бродилъ;
Блѣднѣешь ужъ — и синевапый дымъ,
Какъ легкій паръ, въ трубу вѣялъ, уходилъ;
И вопль, жезломъ невидимымъ своимъ,
Морфей на все невѣрный мракъ наводилъ.
Темнѣешь взоръ; Кандидъ изъ вашихъ рукъ
Закрывшися упалъ въ колѣни вдругъ;
Вздохнули вы; рука на сполъ вадилъ,
И голова съ плеча на грудь кашилъ.
Вы дремлете, надъ вами мира кровь:
Нежданный сонъ пріятнѣй многихъ сновъ!
Душевныхъ мукъ волшебный исцѣлилъ,
Мой другъ Морфей, мой давній утѣшилъ!
Тебѣ всегда я жертвовалъ любилъ,
И ты жреца давно благословилъ:
Забуду ли по время золопое,
Забуду ли блаженный нѣги часъ,
Когда, въ углу подъ вечеръ припаясь,
Я призывалъ и ждалъ себя въ покоѣ?
Я самъ не радъ болѣливости своей;
Но дѣтскихъ лѣтъ люблю воспоминанье.
Ахъ! умолчу ль о мамушкѣ моей,
О прелести шайнспвенныхъ ночей,
Когда, въ чепцѣ, въ спаринномъ одѣяннѣ,
Она духовъ молишвой уклоня,
Съ усердіемъ перекрестилъ меня,
И шопопомъ рассказывалъ мнѣ спанель

О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы.
Огнь ужаса не шелохнусь, бывало,
Едва дыша прижмусь подь одѣяло,
Нѣ чувствую ни ногъ, ни головы,
Подь образомъ проспой ночникъ, изъ глины,
Чушь освѣщаль глубокія морщины.
Драгой анпикъ, прабабушкинъ чепецъ,
И длинный ропъ, гдѣ зуба два спучало —
Все въ душу страхъ невольный поселяло;
Я шрепепалъ, и тихо наконецъ
Томленье сна на очи упадало.
Тогда толпой, съ лазурной высоты,
На ложе розъ крылашья мечпы,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сонъ обворожали;
Терялся я въ порывѣ сладкихъ думъ;
Въ глуши лѣсной, средь Муромскихъ пустыней,
Встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрыней. —
И въ вымыслахъ носился юный умъ. . .

Но вы прошли, о ночи безмятежны!
И юности ужъ возрастъ наступилъ.
Подайте мнѣ Альбана киспи нѣжны,
И я мечпу молодой любви вкусилъ.
И гдѣ жъ она? воспоргами родилась,
И въ топъ же мигъ воспоргомъ испребилась.
Проснулся я; ищу на небъ день:
Но все молчипъ; луна во пмѣ сокрылась,

И вокругъ меня глубокой ночи пѣнь.
Но сонъ мой пихъ! безпечный сынъ Парнаса,
Въ ночной пиши я съ рифмою не бьюсь,
Не вижу вѣкъъ ни Феба, ни Пегаса,
Ни спарый дворъ какихъ-то спарыхъ Музь.

Я не герой, по лаврамъ не поскую;
Спокойствіемъ и нѣгой не торгую,
Не чудился мнѣ ночью грозный бой;
Я не богачъ — и лаемъ песь приврапной
Не возмущалъ мечпы моей пріапной;
Я не злодѣй, съ волненьемъ и поскою
Не зрю во снѣ кровавыхъ привидѣній,
Убийственныхъ дѣпей предразсужденій,
И въ поздній часъ ужасный, блѣдный спрахъ
Не хмурился угрюмо въ-головахъ.

КЪ НЕЙ.

—

Эльвина, милый другъ! приди, подай мнѣ руку,
 Я вяну, прекраши птяжелый жизни сонъ,
 Скажи, увижу ли? на долгую ль разлуку
 Любовникъ осужденъ?

• * *

Уже ли никогда на друга другъ не взглянешь,
 Иль вѣчной пемнопой покрыпы дни мои?
 Уже ли никогда насъ упрю не заспанешь
 Въ объятіяхъ любви?

* * *

Эльвина! почему въ часы глубокой ночи
 Я не могу себя съ весельемъ обнимаешь,
 На милую спремлешь помленья полны очи
 И спрасшью препепашь?

* * *

И въ радости нѣмой, въ воспоргахъ у поенья
Твой попошь сладоспный и помный спонъ вни-

машь

И шихо въ скромной шмѣ для нѣги пробуж-
деня

Близъ милой засыпашь.

С Л Е З А .

Вчера за чашей пуншевою
Съ гусаромъ я сидѣлъ,
И молча съ мрачною душою
На дальній путь глядѣлъ.

* *
*

Скажи, что смопришь на дорогу?
Мой храбрый спросилъ —
Еще по ней пы, слава Богу,
Друзей не проводилъ.

* *
*

Къ груди поникнуть головою,
Я скоро прошепталъ :
«Гусарь! ужъ нѣшь се со мною!...»
Вздыхнулъ и замолчалъ.

* *
*

Слеза повисла на рѣсницѣ
И канула въ бокаль.
Дипя! ты плачешь о дѣвицѣ —
Стыдись! онъ закричалъ.

* *
* *

Оставь, гусарь! ахъ, сердцу больно!...
Ты, знашь, не горевалъ!
Увы! одной слезы довольно,
Чтобъ оправить бокаль!»

Э Л Е Г И И.

—

I.

Опянь я вашъ, о юные друзья!
Туманные сокрылись дни разлуки,
И брапу вновь проспёрлись ваши руки,
Вашъ рѣзвый кругъ увидѣлъ снова я!
Все пѣ же вы, но сердце ужъ не по же:
Уже не вы ему всего дороже,
Ужъ я не попь ... невидимой спезей
Ушла пора веселоспи безпечной,
Ушла на-вѣкъ, и жизни скоропечной
Лучъ упренный блѣднѣепъ надо мной;
Веселіе распалося съ душой.
Опверженный судьбиною ревнивой,
Улыбку, смѣхъ, и рѣзвось и покой,
Я все забылъ: печали молчаливой
Покровъ лежишь надъ юною главой.
Напрасно вы, бесѣдою шупшивой
И нѣжноспью души краснорѣчивой,

Мой тяжкій сонъ хопите перервать!
Все кончилось — и рѣзвоспи счастливой
Въ душѣ моей изгладилась печаль.
Чтобъ удалишь угрюмыя спраданья,
Напрасно вы несете лиру мнѣ:
Минувшихъ дней погаснули мечтанья,
И умеръ гласъ въ безчувственной спрунѣ.
Все кончилось, одну печаль я вижу:
Мнѣ спрашенъ міръ, мнѣ скученъ дневный
свѣтъ;

Пойду въ лѣса, въ кошорыхъ жизни нѣтъ,
Гдѣ мершвый мракъ: я радоспъ ненавижу;
Во пмѣ заспылъ ея минушнй слѣдъ.
Опали вы, лиспы вчерашней розы,
Не доцвли до мѣсячныхъ лучей!
Умчались вы, дни радоспи моей!
Умчались вы — невольню льюшя слезы,
И вяну я на шемномъ упрѣ дней.

О дружество! предай меня забвенью.
Въ безмолвіи, покоршвуя судьбамъ,
Оспавъ меня сердечному мученью,
Оспавъ меня пущьянямъ и слезамъ!

II.

ОСЕННЕЕ УТРО.

Поднялся шумъ, свирѣлю полевой
Оглашено мое уединенье,
И съ образомъ любовницы драгой
Послѣднее слышало сновидѣнье.
Съ небесъ уже скапидась ночи тѣнь,
Взошла заря, блистаешь блѣдный день,
А вокругъ меня глухое запускѣнье...
Ужъ нѣтъ ея... я былъ у береговъ,
Гдѣ милая ходила въ вечеръ ясный;
На берегу, на зелени луговъ
Я не нашелъ чуть видимыхъ слѣдовъ,
Оспавленныхъ ногой ея прекрасной.
Задумчиво бродя въ глуши лѣсовъ,
Произносилъ я имя несравненной,
Я звалъ ее — и гласъ уединенной
Пустыхъ долинъ позвалъ ее въ дали.
Къ ручью пришелъ, мечтами привлеченной;

Его струи медлительно текли:
Не препечалъ въ нихъ образъ незабвенной.
Ужъ нѣтъ ея!... До сладостной весны
Простился я съ блаженствомъ и съ душою;
Ужъ осени холодною рукою
Главы березъ и липъ обнажены.
Она шумитъ въ дубравахъ опустѣлыхъ:
Тамъ день и ночь кружится желтый листъ,
Спойтъ шуманъ на волнахъ охладѣлыхъ
И слышится мгновенный вѣпра свистъ.
Поля, холмы, знакомыя дубравы!
Хранители священной пишины!
Свидѣтели безвѣчныхъ забавы!
Забыты вы... до сладостной весны!

III.

С Н У.

—

Знакомецъ милый и старинный,
О сонъ, хранипель добрый мой!
Гдѣ ты? подѣ кровлею пустынной
Мнѣ ложе спелепъ ужъ покой
Въ безмолвной пишинѣ ночной.
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечпы благослови,
До ушра только дай опраду
Моей мучительной любви.
Сокрой опъ памяти унымой
Разлуки грустной приговоръ;
Пускай увижу милый взоръ,
Пускай услышу голось милый.
Когда жъ умчится ночи мгла,
И ты мои покинешь очи,
О, если бы душа могла
Забыть любовь до новой ночи!

IV.

Любовь одна веселье жизни хладной!
Любовь одна мученіе сердець!
Она даритъ одинъ лишь мигъ опрадный,
А горестямъ не видѣнъ и конецъ.
Спокрапъ блажень, кто въ юности прелестной
Сей быспрый мигъ поймаетъ на лепу;
Кто къ радостямъ и нѣгѣ неизвѣстной
Спыдливую преклонитъ красопу!

Но кто любви не жерпвовалъ собою?
Вы, чувспвами свободные, пѣвцы!
Предъ милыми смирялись вы душою,
Вы пѣли сипрасъ — и гордою рукою
Красавицамъ несли свои вѣнцы.
Слѣпой Амуръ, жестокій и приспраспный,
Вамъ перніа и мирпы раздавалъ;
Съ Пермесскими царицами согласный,
Инымъ изъ васъ на радоспъ указалъ;
Другихъ на -вѣкъ печалыи связалъ,
И въ даръ послалъ огонь любви несчастной.

Наслѣдники Тибулла и Парни!
Вы знаете безцѣнной жизни сладоспъ;

Какъ упра лучь, сіяютьъ ваши дни.
 Пѣвцы любви! младую пойте радость.
 Склонивъ успа къ пылающимъ успамъ,
 Въ объятіяхъ любовницъ умирайте;
 Стихи любви, пихонько вздыхайте!...
 Завидовашъ уже не смѣю вамъ.

Пѣвцы любви! вы вѣдали печали
 И ваши дни по шерніямъ текли;
 Вы свой конецъ съ волненіемъ призывали;
 Пришелъ конецъ, и въ жизненной дали
 Не зрѣли вы минутную забаву;
 Но, не найдѣвъ блаженства вашихъ дней,
 Вы встрѣпили по крайней мѣрѣ славу —
 И мукою безсмертны вы своей!

Не топъ удѣлъ судьбою мнѣ назначенъ:
 Подъ сумрачнымъ навѣсомъ облаковъ,
 Въ глуши долинъ, въ печальной пѣмѣ лѣсовъ,
 Одинъ, одинъ брожу уныль и мраченъ.
 Въ вечерній часъ, надъ озеромъ съдымъ,
 Въ поскѣ, слезахъ, нерѣдко я спенаю;
 Но ропотъ волнъ спенаніямъ моимъ

И шумъ дубравъ въ оплѣтъ лишь я внимаю.
 Прервется ли души холодный сонъ,
 Поэзіи зажжется ль упоенье, —
 Родится жаръ, и тихо спынетъ онъ:
 Бесплодное проходитъ вдохновенье.
 Пускай она прославится другимъ;

Одинъ люблю — онъ любитъ и любимъ!...
Люблю, люблю!... но къ ней ужъ не коснешся
Спрадальца гласъ; она не улыбнешся
Его спихамъ небрежнымъ и проспымъ.
Къ чему мнѣ пѣшь? подъ кленомъ полевымъ
Оспавилъ я пущынному зефиру
Ужъ навсегда покинушую лиру —
И слабый даръ, какъ легкій скрылся дымъ.

V.

М Ъ С Я Ц Ъ .

—

Зацѣмъ изъ облака выходишь,
Уединенная луна,
И на подушки сквозь окна
Сіянье тусклое наводишь?
Явленьемъ пасмурнымъ своимъ
Ты будишь грустныя мечпанья,
Любви напрасныя спраданья
И гордымъ разумомъ моимъ
Чуть усыпленныя желанья.
Лепите прочь, воспоминанья!
Засни, несчастная любовь!
Ужъ не бываешь пойдь ночи вновь,
Когда спокойное сіянье
Твоихъ шайнспвенныхъ лучей
Сквозь темный ясень' проникало
И блѣдно, блѣдно озаряло
Красу любовницы моей.

Что вы, воспорги сладостраспья,
Предъ тайной прелесью опрадъ
Прямой любви, прямого счастья?
Примчашся ль радости назадъ?
Почто, минушы! вы лепѣли
Тогда споль быстрой чередой,
И шѣни легкія рѣдѣли
Предъ неожиданной зарей?
Зачѣмъ ты, мѣсяць! укапился
И въ небѣ свѣпломъ упонулъ?
Зачѣмъ лучъ упренній блеснулъ?
Зачѣмъ я съ милою простился?...

VI.

Счастливъ, кто въ страсти самъ себѣ
Безъ ужаса признахся смѣхъ,
Кого въ невѣдомой судьбѣ
Надежда робкая лелѣхъ,
Кому луны шуманный лучъ
Въ полночи свѣпихъ сладострастной,
Кому пихонько вѣрный ключъ
Во пмѣ отворихъ дверь прекрасной!
Но мнѣ, въ унылой жизни, нѣхъ
Отрады тайныхъ наслажденій;
Увяль надежды ранній цвѣхъ;
Цвѣхъ жизни сохнехъ опъ мученій;
Печально младость улепихъ;
Услышу старости угрозы;
Но я, любовью позабыхъ,
Моей любви забуду ль слезы?

VII.

Когда пробилъ послѣдній счастью часъ,
Когда въ слезахъ надъ бездной я проснулся
И, прецепный, уже въ послѣдній разъ
Къ рукъ пвоей успами прикоснулся —
Да! помню все: я сердцемъ ужаснулся,
Но заглушалъ несносную печаль;
Я говорилъ: «не вѣчная разлука
Всѣ радости уноситъ нынѣ вдаль.
Забудемся! въ мечтахъ попонемъ мука,
Уныніе, губительная скука,
Пустынника приюпъ не посѣпятъ;
Мою печаль усладой Муза воспрѣпитъ:
Упѣщусь я, и дружбы пихій взглядъ
Души моей холодной мракъ освѣпитъ.»

Какъ мало я любовь и сердце зналъ?
Часы идупъ, за ними дни проходятъ,
Но гореспямъ оправды не приводятъ
И не несупъ забвенія фіалъ.
О милая! повсюду пы со мною,
Но я унылъ и въ тайнѣ я грущу.
Блеснепъ ли день за синєю горою,

Взойдешъ ли ночь съ осеннею луною —
Я все тебя, прелеспной другъ, ищу.
Засну ли я — лишь о тебѣ мечтаю,
Одну тебя въ невѣрномъ вижу снѣ;
Задумаюсь — невольно призываю,
Заслушаюсь — пвой голосъ слышенъ мнѣ.
Разсѣянный сижу между друзьями,
Невнятенъ мнѣ ихъ шумный разговоръ;
Гляжу на нихъ недвижными глазами,
Не узнаешъ ужъ ихъ мой хладный взоръ!
И ты со мной, о лира! пріуныла,
Наперсница души моей больной!
Твоей спруны печаленъ звонъ глухой
И лишь любви ты голосъ не забыла...
О вѣрная! грусти, грусти со мной:
Пускай пвой небрежные напѣвы
Изобразятъ уныніе мое,
И слушая бряцаніе пвое,
Пускай вздохнушъ задумчивыя дѣвы.

VIII.

Д Р У З Ъ Я М Ъ .

Къ чему, веселые друзья,
Мое превожипъ васъ молчанье?
Запѣвъ послѣднее прощанье,
Ужъ Муза смолкнула моя.
Напрасно лиру взялъ я въ руки
Бряцашь веселье на пирахъ,
И на ослабленныхъ струнахъ
Искалъ поперянные звуки.
Богами вамъ еще даны
Злапыя дни, злапыя ночи,
И на любовь успремлены
Огнемъ исполненныя очи!
Играйте, пойте, о друзья!
Упрайте вечеръ скоропечной;
И вашей радости безпечной
Сквозь слезы улыбнуса я.

IX.

Я Лилу слушалъ у клавира:
Ея прелестный, звонный гласъ
Волшебной грустью нѣжипъ насъ,
Какъ ночью вѣянье Зефира.
Упали слезы изъ очей,
И я сказалъ пѣвицѣ милой:
«Волшебенъ голосъ пвой унымый:
Но слово милая моей
Волшебнѣй пѣсенъ, пѣшыхъ Лилой.»

КЪ ЖУКОВСКОМУ.

—

Благослови, поэтъ! въ пиши Парнасской сѣни
Я съ препеномъ склонилъ предъ Музами колѣни,
Опасною троюю съ надеждой полетѣлъ,
Мнѣ жребій вынулъ Фебъ — и лира мой удѣлъ.
Спрашусь, неопытный, безславнаго парекья,
Но пылкаго смиришь не въ силахъ я влеченья.
Не грозный приговоръ на гибель внемлю я:
Сокрыпаго въ вѣкахъ священный судія *,
Спражь вѣрный прошлыхъ лѣтъ, наперсникъ, мужъ
любимый

И блѣдной зависти предметъ неколебимый,
Привѣтливимъ меня вниманьемъ ободрилъ;
И Дмипревъ слабый даръ съ улыбкой похвалилъ,
И славный старецъ нашъ, Царей пѣвецъ из-
бранный, **

Крылатымъ Геніемъ и Граціей вѣнчанный,

* Карамзинъ.

** Державинъ.

Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой
 И счастье мнѣ предрекъ, неизнаемое мной.
 И ты, природою на пѣсни обреченный,
 Не ты ль мнѣ руку далъ въ завѣщъ любви свя-
 щенной?

Могу ль забыть я часъ, когда передъ побой
 Безмолвный я споялъ, и молнійной спруей
 Душа къ возвышенной душѣ пвоей лепѣла
 И, тайно съединясь, въ воспоргахъ пламенѣла?
 Нѣтъ, нѣтъ! рѣшился я безъ страха въ шруд-
 ной путь;

Опважной вѣрою исполнилася грудь.

Творцы безсмертные, пипомцы вдохновенья!
 Вы цѣль мнѣ кажете въ шуманахъ опдаленья;
 Лечу къ безвѣспному опважною мечпой,
 И, мнился, Геній вашъ промчался надо мною!

Но что? Подъ грозною Парнасскою скалой
 Какое зрѣлище опкрылось предо мною?
 Въ ужасной темнотѣ пещерной глубины
 Вражды и зависти угрюмые сыны,
 Возвышенныхъ пворцовъ зоиы записные,
 Сидящъ безсмыслицы дружины боевыя.
 Далеко дикихъ лиръ несется рѣзкій вой;
 Варяжскіе спихи визжипъ Варяговъ спрой;
 Смѣхъ общій имъ опвѣщъ надъ мрачными пол-
 пами.

Ко мнѣ два призрака сложилися главами:

Одинъ на груди съль и прозы и спиховъ,
Тяжелые плоды полуночныхъ прудовъ,
Усопшихъ одъ, поэмъ забвенныя могилы!
Съ улыбкой внемлеть вой спопослагатель хилый;
Предъ нимъ расперзанный спенаешъ Тилимахъ,
Желъзное перо скрипипъ въ его перспахъ
И шпанепъ за собой гекзамепры сухіе,
Спондеи жеспкіе и дакшили шугіе.
Решивой Музою прославленный пѣвецъ!
Гордись, ты Мевія надушный образецъ.
Но кто другой, въ дыму безумнаго куренья,
Споипъ среди толпы друзей непросвѣщенья?
Торжеспвенной хвалы къ нему несепся шумъ,
А онъ — онъ рифмою попралъ и вкусъ и умъ.
Ты ль эпо, слабое дия чужихъ уроковъ,
Зависпливый гордецъ, холодный Сумароковъ,
Безъ силы, безъ огня, съ посредспвеннымъ умомъ,
Предразсужденіямъ обязанный вѣнцоиъ
И съ Пинда сброшенный и прокляпный Расиномъ?
Ему ли, карлику, шягапъся съ исполиномъ?
Ему ль оспаривашъ шопгъ лавровый вѣнецъ,
Въ копоромъ возблиспалъ безспершпый нашъ
пѣвецъ,
Веселье Россіанъ, полунощное диво? *
Нѣшъ! въ шихой Лешъ онъ пошопешъ молчаливо!

* Ломопосовъ.

Ужь на чель его забвенія печать.
Предбудущимъ вѣкамъ что могъ онъ передать?
Спрашилась Грація цинической свирѣли
И перспы грубые на лиръ коспенъли.
Пусть будетъ Мевіемъ въ рѣчахъ превознесенъ:
Явился Денро — исчезнетъ Шапелень.
И что жъ? Всегда смѣшнымъ оспанется смѣш-
ное,
Невѣжду пѣснуетъ невѣжество слѣпое;
Оно сокрыло ихъ во мрачной свой пріюпъ.
Тамъ прозу и стихи опважно все куюпъ,
Тамъ все враги наукъ, все глухи, лишь не нѣмы:
Тѣ слогомъ Инкона печатаютъ поэмы,
Одни Славянскихъ одъ громады громоздятъ,
Другіе въ бѣшенныхъ трагедіяхъ хрипятъ;
Топъ, вѣрный своему мятежному союзу,
На сцену возведя зѣвающую Музу,
Безмертныхъ геніевъ сорватъ съ Парнасса мнипъ:
Рука содрогнулась, ударъ его скользитъ;
Вошце бросается съ зависпливымъ кинжаломъ:
Куплетомъ раненъ онъ, низверженъ въ прахъ
журналомъ;
При свиспахъ крипики къ собрапьямъ онъ бѣ-
житъ,
И маковый вѣнецъ Оспису ими свитъ.
Все, руку положивъ на помъ Тилимахнды,
Клянупся опомспитъ сопрудниковъ обиды,

Волнуясь, восплаюшь неистовой толпой.

Бѣда, кто въ свѣпъ рожденъ съ чувствивпель-
ной душой,

Кто пайно могъ плѣнить красавицъ нѣжной
лирой,

Кто смѣло просвиспалъ шупливою сапирой,

Кто выражается правдивымъ языкомъ,

И Русской глупости не хочеть бить челомъ:

Онъ врагъ опечества, онъ сѣятель разврата,

И рѣчи сыплются дождемъ на супоспапа.

И вы, возспаньше же, Парнасскіе жрецы,

Природой и прудомъ воспитанны пѣвцы

Въ счаспливой ереси и вкуса и ученья,

Разите дерзоспныхъ друзей непросвѣченья!

Опмсипитель генія, другъ испины — поэтъ!

Ліющая съ небесъ и жизнь и вѣчный свѣпъ,

Спрѣлою гибели десница Аполлона

Сражаепъ наконецъ ужаснаго Пиѳона;

Смоприпе! пораженъ враждебными спрѣлами,

Съ попухшимъ факеломъ, съ недвижными крылами,

Къ вамъ Озерова духъ взываепъ, други, месп!

Вамъ оскорбленный вкусъ, вамъ знанья дали вѣспъ.

Лепите на враговъ — и Фебъ и Музы съ вами!

Разите варваровъ кровавыми спихами:

Невѣжеспво, смирясь, попусппъ хладный взоръ,

Спѣсивыхъ рипоровъ безграомпный соборъ...

Но вижу, возвѣщаясь намъ испины опасно:
Ужъ Мевій на меня нахмурился ужасно
И смерпный приговоръ паланшамъ возгремѣлъ.
Гоненія перпѣшь уже ль и мой удѣлъ?
Что нужды? смѣло въ даль дорогою прямою:
Ученью руку давъ, поддержанный побобою,
Ихъ злобы не спрашусь; мнѣ швердый Карамзинъ,
Мнѣ ты примѣръ — что крикъ безумныхъ сихъ
дружинъ?
Пускай бесѣдуюшь опшверженные Феба.
Имъ прозы, ни спиховъ не посланъ даръ опъ
неба;
Ихъ слава имъ же спыдъ, шворенья смѣхъ уму —
И въ пмѣ возникшіе низвергнушя во шму.

Г О Р А Ц І Й.

—

Кто изъ боговъ мнѣ возврашилъ
Того, съ кѣмъ первые походы
И браней ужась я дѣлилъ,
Когда за призракомъ свободы
Насъ Врупъ опчаянный водилъ;
Съ кѣмъ я тревоги боевыя
Въ шапрѣ за чашей забывалъ,
И кудри, плющемъ увишья,
Сирийскимъ мврромъ умацалъ?

* *
*

Ты помнишь часъ ужасной бипвы,
Когда я, препешный Квирипъ,
Бѣжалъ, нечестно брося щипъ,
Творя обѣшы и молишвы?
Какъ я боялся! какъ бѣжалъ!
Но Эрмій самъ незапной пучей
Меня покрылъ и вдалъ умчалъ
И спасъ ошъ смерти неминучей.

* *
*

А ты, любимецъ первый мой,
Ты снова въ бипвахъ очутился...
И нынѣ въ Римъ ты возврапился,
Въ мой домикъ темный и простой.
Садись подъ стѣну моихъ пенатовъ!
Давайте чаши! Не жалѣй
Ни винъ моихъ, ни ароматовъ!
Гоповы чаши, мальчикъ! лей;
Теперь не кстапи воздержанье:
Какъ дикій Скиѣвъ хочу я пить,
И, съ другомъ праздную свиданье,
Въ винъ разсудокъ утопить.

ПИРУЮЩЕ ДРУЗЬЯ.

Друзья! досужный часъ наспаль,
Все тихо, все въ покоѣ:
Скорѣ скаперть и бокаль!
Сюда вино златое!
Шипи шампанское въ стеклѣ.
Друзья! почто же съ Канпомъ
Сенека, Тацисъ на споль
Фольяншъ надъ фоліанпомъ?
Подъ споль холодныхъ мудрецовъ!
Мы полемъ, овладѣемъ!
Подъ споль ученыхъ дураковъ —
Безъ нихъ мы пипъ умѣемъ!

*

На всякій случай изберемъ
Скорѣ президента:
Въ награду пьянымъ онъ нальетъ
И пуншъ и грокъ душистой;
А вамъ, Спаршанцы! поднесетъ
Воды въ спаканъ чистпой.

Защипникъ нѣги и прохлада,
 Мой добрый Г... чь, vale!
 Ты Эпикуровъ младшій братъ,
 Душа шволя въ бокаль.
 Главу вѣнками уברי —
 Будь нашимъ президенпомъ.

*

Дай руку, Д...! чпо ты спишь?
 Проснись, лѣнивецъ сонный,
 Ты не подъ каедрой сидишь,
 Лапинью усыпленный.
 Взгляни! здѣсь кругъ швоихъ друзей,
 Бупыль виномъ налиша —
 За здравье нашей Музы пей,
 Парнасскій волокита!
 Острякъ любезный! по рукамъ!
 Полнѣй бокаль досуга
 И вымей сонню эпиграммъ
 На недруга и друга.

*

А ты, красавецъ молодой,
 Сіапельной повѣса!
 Ты будешь Вакха жрецъ лихой,
 На прочее — завѣса!
 Хотя студентъ, хопя я пьянь
 Но скромность почишаю:

Придвинь же пѣниспый спаканъ —
На брань благословляю.

*

Товариць милой! другъ прямой!
Тряхнемъ рукою руку,
Оставимъ въ чапѣ круговой
Педантамъ сродну скуку.
Не въ первый разъ мы вмѣспѣ пьемъ,
Не рѣдко и бранимся,
Но чашу дружества нальемъ
И шопчасъ помиримся.

*

О ты! который съ дѣпскихъ лѣпѣ
Однимъ весельемъ дышешь,
Забавный, право, ты поэпѣ,
Хопъ плохо басни пишешь.
Съ побой посуюсь безъ чиновъ,
Люблю тебѣ душою,
Наполни кружку до краевъ,
Разсудокъ, Богъ съ тобою!

*

А ты, повѣса изъ повѣсъ,
На шалости рожденный,
Удалый хвапѣ, говорѣсъ,
Пріятель задушевный!

Вупылки, рюмки разобьемъ
 За здравіе Пяпова,
 Въ казачью шапку пуншь нальемъ —
 И пить давайше снова.

*

Приблѣжся, милый нашъ пѣвецъ,
 Любимый Аполлономъ,
 Воспой власпителя сердцеъ
 Гитары пихимъ звономъ:
 Какъ сладостно въ спѣсенну грудь
 Томленье звуковъ льется;
 Но мнѣ ли спраспью воздохнуть?
 Нѣтъ, пьяный лишь смѣется.

*

Не лучше ль, Роде записной!
 Въ честь Вакховой спаницы
 Теперь скрипѣть тебѣ струной
 Разспроенной скришцы?
 Запойте хоромъ, господа!
 Нѣтъ нужды, что нескладно;
 Охрипли? ... это не бѣда:
 Для пьяныхъ все вѣдь ладно.

*

Но что, я вижу все вдводемъ:
 Двоится шшофъ съ аракомъ,

Вся комната пошла кругомъ,
 Покрылись очи мракомъ.
Гдѣ вы, поварищи? гдѣ я?
 Скажише Вакха ради.
Вы дремлете, мои друзья,
 Склонившись на шепради.
Писапель! за свои грѣхи
 Ты съ виду всѣхъ презвѣе:
Вильгельмъ! прочти свои списки —
 Чтобъ мнѣ уснушь скорѣе.

КЪ ПРИНЦУ ОРАНСКОМУ.

—

Довольно битвы мчался громъ,
Тупился мечь окровавленный,
И смерть погибельнымъ крыломъ
Шумѣла грозно надъ всеенной.

* * *

Свершилось... подвигомъ царей
Европы твердый миръ основанъ;
Оковы свергнувшій злодѣй
Могущей бранью снова скованъ.

* * *

Узрѣлъ онъ въ пламени Москву —
И былъ низверженъ ужасъ міра;
Покрыла падшаго главу
Благословеннаго порфира!

* * *

Иовлекся, мглою окружень,
 Припекъ, и буйной вдругъ измѣной
 Ужь воздвигалъ свой шапкой пронь,
 И палъ, ошпоржень опть вселенной.

* *
 *

Упихло все! не мчится громъ,
 Не блещетъ мечъ окровавленный!
 И брань погибельнымъ крыломъ
 Не мчится грозно надъ вселенной.

* *
 *

Хвала, о юноша - герой!
 Съ героемъ дивнымъ Албіона
 Онъ вѣрныхъ велъ въ послѣдній бой
 И мспилъ за лиліи Бурбона.

* *
 *

Предъ нимъ мяшежныхъ громъ гремѣлъ,
 Текли во слѣдъ щипы кровавы;
 Грозой онъ въ бранной мглѣ лешѣлъ
 И разливалъ блиспанье славы!

* *
 *

Его шекла молодая кровь,
 На немъ сіяетъ язва чеспи.
 Вѣнчай, вѣнчай его, любовь!
 Доспойный былъ онъ воинъ меспи!

У С Ы.

ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ ОДА.

Глаза скосивъ на усъ кудрявій,
 Гусарь, съ улыбкой величавой
 На палець завипки мошалъ;
 Мудрецъ съ обрипой бородою,
 Качая шихо головою,
 Со вздохомъ усачу сказалъ:

* * *
 *

Гусарь! все пытно подь луною:
 Какъ волны слѣдомъ за волною,
 Проходяпъ царства и вѣка.
 Скажи, гдѣ спѣны Вавилона?
 Гдѣ драмы пощія Клеона?
 Умчала все временъ рѣка.

* *
 *

За уши усъ швой закрученный,
 Виномъ и ромомъ окропленный,

Гордился юной красотой,
 Не знаешь бришвы, выписною
 Онъ вѣчно лоснился сурмою,
 Расправленъ гребнемъ и рукой.

* *
 *

Чтобы не смять уса лихаго,
 Ты къ ночи одою Хвостова
 Его пихонько обвернешь,
 Въ подушку носомъ лечь не смѣешь,
 И въ крѣпкомъ снѣ его лелѣешь,
 И упромъ вновь его завьешь.

* *
 *

На долгихъ ужинахъ веселыхъ,
 Въ кругу гусаровъ посѣдѣлыхъ
 И черноусыхъ удалцовъ,
 Веселый гопсъ, любовникъ пылкій,
 За чье здоровье бьешь бушылки?
 Коня, красавиць и усовъ!

* *
 *

Сраженья спрашный часъ настанешъ,
 Въ рады ядро со прескомъ грянешъ,
 А ты, надъ ухарскимъ сѣдломъ,
 Разсудка, памяти не прашишь,
 Сперва кудрявый усъ ухватишь,
 А саблю вѣрную попомъ.

* *
 *

Окованный волшебной силой,
Наединъ съ красопкой милой
Ты маешься одной рукой,
Въ воспоргахъ нѣги сладоспрасной,
Блуждаешь по груди прекрасной,
А грозный усъ крупнѣе другой.

* *
*

Гордись, гусарь! но помни вѣчно,
Что все на свѣпѣ скоропечно:
Лепяпѣ губипельны часы!
Румяны щеки пожелпѣюпѣ,
И черны кудри посѣдѣюпѣ,
И спароспѣ выщиплеспѣ усы.

КЪ МОЛОДОЙ ВДОВѢ.

Лида! другъ мой неизмѣнный,
Почему сквозь легкій сонъ
Часто нѣгой упомленный
Слышу я твой тихій стонъ?
Почему, въ любви счастливой
Видя страшную мечту,
Взоръ недвижный, бояливый
Устремляешь въ темноту?
Почему, когда вкушаю
Быстрый обморокъ любви,
Иногда я примѣчаю
Слезы тайныя твои —
Ты разсѣянно внимаешь
Рѣчи пламенной моей,
Хладно руку прижимаешь,
Хладенъ взоръ твоихъ очей?
О, безцѣнная подруга!
Вѣчно ль слезы проливать?
Вѣчно ль мертваго супруга

Изъ могилы вызываешь?
Вѣрь мнѣ: узниковъ могилы
Тамъ объемяешь вѣчный сонъ,
Имъ не мила ужъ голосъ милый,
Не прискорбенъ скорби сонъ.
Не для нихъ весенни розы,
Сладость упра, шумъ паровъ,
Опкровоенной дружбы слезы
И любовницъ робкой зовъ!
Рано другъ пвой незабвенный
Вздохомъ смерти воздохнулъ,
И, блаженствомъ упоенный,
На груди пвоей уснулъ.
Спишь увѣнчанный счастливецъ!
Вѣрь любви — невинны мы —
Нѣтъ! разгнѣванный ревнивецъ
Не придетъ изъ вѣчной пмы;
Тихой ночью громъ не грянетъ,
И зависливая пѣнь
Близъ любовника не спанетъ,
Вызывая спящій день!

КЪ ДЕЛЬВИГУ.

Блаженъ, кто съ юныхъ лѣтъ увидѣлъ предъ
собою

Извивы темныя двухолмной высоты,
Кто въ жизни въ тайный путь съ невинною ду-
шою

Пустился плѣнникомъ мечпы!

Наперснику боговъ безвѣстны бури злыя,
Надъ нимъ ихъ промысль! безмолвною порой
Его баюкають Камени молодыя
И съ перстомъ на устахъ хранятъ пѣвца покой.
Стыдливой Граціи внимаешь онъ совѣщанья
И, чувствуя въ груди огонь еще молодой,
Воспорженный поетъ на лирѣ золотой:
О Дельвигъ! счастливы поэты.

* *
*

Мой другъ, и я пѣвецъ! и мой смиренный путь
Въ цвѣтахъ украсила богиня пѣснопѣнья,
И мнѣ въ младую боги грудь
Вліяли пламень вдохновенья.

Какъ ранній на полянѣ цвѣтъ,
Косой безвременно сраженный.

И пихо проживу въ безвѣстной тишинѣ,
Помощество грозное не вспомнишь обо мнѣ —
И гробъ несчастнаго, въ пустынь мрачной, ди-
кой,
Забвенья пороспешъ ползущей навилкой!

КЪ ДЕЛЬВИГУ.

Послушай, Музь невинныхъ
Лукавый духовникъ,
Жилецъ полей пущныхъ!
Поэтовъ грѣшный ликъ
Умножилъ я собою,
И я главою поникъ
Предъ милою мечтою.
Мой дядюшка - поэтъ
На то мнѣ далъ совѣтъ
И съ Музами сосваталъ!
Сначала я шалилъ,
Шупя стихи кроилъ,
А тамъ ихъ напечаталъ —
И вопъ пеперь я братъ
Тому, сему, другому,
Безтолкову, Пустому,
Да я жъ и виноватъ,
Да ты же мнѣ въ досаду
(Что скажешь бѣлый свѣтъ?)

Спихами до надсаду
Жужжишь Икару вслѣдъ:
Смотрите: вопъ поэтъ!...
Спасибо за посланье;
Но что мнѣ пользы въ немъ?
На грѣшника попомъ
Вѣдъ спанушь, въ посмѣянье,
Указываешь перспомъ.
Измѣнникъ, съ Аполлономъ
Ты, видно, за одно;
И мнѣ прослышь Прадономъ
Опнынъ суждено.
Увы мнѣ, мепроману!
Куда сокроюсь я?
Вездѣ бѣды заспану:
Предатели-друзья
Невинное пворенье
Украдкой въ городъ шлюють
И плодъ уединенья
Тисненью предають —
Бумагу убивають.
Поэша окружають
Съ улыбкой оспряки.
« Ахъ, сударь! мнѣ сказали,
« Вы пишете спишки?
« Увидѣшь ихъ нельзя ли?
« Вы въ нихъ изображали,

« Конечно, ручейки,
« Иль пихій въперочекъ
« И роци и цвѣтки . . . »
О Дельвигъ! начертали
Мнѣ Музы мой удѣлъ;
Но ты ль мои печали
Умножишь захоцѣлъ?
Въ объятіяхъ Морфея
Безпечный духъ лелѣя,
Еще хоть годъ одинъ
Позволь мнѣ полѣниться
И нѣгой насладиться:
Я право нѣги сынъ!
А шамъ хоть нѣпъ охоты,
Но придуть ужъ заботы
Со всѣхъ ко мнѣ споронъ:
Я буду принужденъ
Съ журналами сражаться,
Съ газетой торговаться,
Съ Графовымъ восхищаться . . .
Помилуй, Аполлонъ!

МОЕ ЗАВѢЩАНІЕ ДРУЗЬЯМЪ.

Хочу я завтра умереть,
И въ міръ волшебный наслажденья,
На тихій берегъ водъ забвенья,
Веселой пѣнью полепѣть.
Прости на-вѣкъ очарованье,
Отрада жизни и любви!
Приблѣжьсь, о друзья мои!
Благоговѣнье и вниманье!
Пѣвецъ рѣшился умереть.
И шакъ, съ вечернею луною,
Въ саду нельзя ли дернъ одѣть
Узорной, бѣлой пеленою?
На темный берегъ сонныхъ водъ,
Гдѣ мы вели бесѣды наши,
Нельзя ль, устроилъ длинный ходъ,
Нести наполненныя чаши?
Зовите на послѣдній пиръ
Спѣсивой Семелеи сына,
Эроша, друга нашихъ лиръ,

Боговъ и смертныхъ власпелина.
 Пускай Веселье прибѣжитъ,
 Махая рѣзвою гремушкой,
 И насъ опть - сердца раземъшитъ
 За полной, пѣнистою кружкой;
 Пускай игривою толпой
 Слепятъ родныя наши Музы;
 Имъ первый кубокъ круговой:
 Друзья! священны намъ ихъ узы.
 До ранней упренней звѣзды,
 До пихаго лучей разсвѣта,
 Не выйдутъ изъ руки поэта
 Фіалы брагской череды.
 Въ послѣдній разъ мою цѣвницу,
 Мечпаній сладостныхъ пѣвицу,
 Прижму къ воспорженной груди;
 Въ послѣдній разъ, помимый нѣжно,
 Не вспомню вѣчнось и друзей;
 Въ послѣдній разъ на груди снѣжной
 Упьюсь опрадой юныхъ дней!
 Когда жъ воспокъ озолопится
 Во шмѣ денницей молодой,
 И бѣлой тополь озарится,
 Покрытый упренней росой —
 Подайте гроздь Анакреона:
 Онъ былъ учипелемъ моимъ,
 И я сойду пушемъ однимъ

На грустный берегъ Ахерона...
Проспите, милые друзья!
Подайте руку до свиданья,
И дайте, дайте общанье,
Когда на-вѣкъ укроюсь я,
Мое исполнить завѣщанье.
Приди, пѣвецъ мой дорогой,
Воспѣвшій Вакха и Темиру!
Тебѣ дарю и лѣнь и лиру.
Да будупъ Музы надъ пробой:
Ты не забудешь дружбы нашей
О П..., въспренний мудрецъ!
Прими съ моей глубокой чашей
Увядшій мирповый вѣнецъ.
Друзья! вамъ сердце оставляю
И память прошлыхъ красныхъ дней,
Окованныхъ счастливой лѣнью
На ложѣ маковъ и лилей.
Мои спихи дарю забвенью,
Послѣдній вздохъ, о други, — ей!...
На тихій праздникъ погребенья
Я васъ обязанъ пригласить.
Веселость, другъ уединенья,
Билеты будепъ разносить.
Спекипсь рѣзвою полпою,
Главы въ вѣнкахъ, рука съ рукою;

И пусть на гробъ, гдѣ пѣвецъ
Исчезнетъ въ рощахъ Геликона,
Напишетъ бѣглый вашъ рѣзецъ:
« Здѣсь дремлетъ юноша - мудрецъ,
« Пипомецъ Нѣгъ и Аполлона. »

НАЪЗДНИКЪ.

Глубокой ночи на поляхъ
Давно лежали покрывала,
И слабо въ блѣдныхъ облакахъ
Звѣзда пустынная сіяла.
При умирающихъ огняхъ,
Въ невѣрной темнотѣ тумана,
Безмолвно два спояли спана
На помраченныхъ висопахъ.
Все спитъ, лишь волнъ мятежный ропотъ
Разносится въ шипи ночной,
Да слышнѣ издали глухой
Булава звонъ и конскій попопъ!
Толпа наѣздниковъ младыхъ
Въ дубравѣ ѣдетъ молчаливой;
Дрожатъ и пышутъ кони ихъ,
Главой трясутъ неперпѣливой.
Ужъ поемъ войны лепяпъ,
Дубравы кровь покинувъ зыбкой,
Усами грозно шевеляпъ

И съ гордой шепчущся улыбкой;
Ихъ лица радостью горятъ,
Огнемъ пылающъ гнѣвны очи;
Лишь ты, воинспвенный поэтъ,
Уныль, какъ сумракъ полуночи,
И блѣдень, какъ осенній свѣтъ.
Съ главою мрачно наклоненной
Къ тѣснимой горестью груди,
Печальной думой увлеченный,
Онъ молча ѣдетъ впереди.

« Пѣвецъ угрюмый! что съ тобою?
« Одинъ предъ боемъ ты уныль,
« Поникъ беспрашною главою,
« Бразды и саблю опустили.
« Уже ль, невольникъ празднои нѣги,
« Оспрадишь сонъ пвоихъ полей,
« Чѣмъ наши бурные набѣги
« И ночью бранный спукъ мечей?
« Спезя войны пускай опасна,
« Завиденъ гордый напитокъ удѣль.
« Тебѣ ли въ полѣ смерть ужасна?
« Но ты средь боевъ не блѣднѣль:
« Тебя мы зрѣли подъ мечами
« Съ спокойнымъ дерзоспнымъ челомъ,
« Всегда межъ первыми рядами,
« Все тамъ, гдѣ падалъ первый громъ.
« Съ побѣднымъ съединяясь кликомъ,

« Твой голосъ наши бышвы пѣлъ,
 « А нынѣ ты, въ уныньи дикомъ,
 « Какъ робкій рапшикъ онѣмѣлъ. »
 Но медленно пѣвецъ печальный
 Главу и взоры приподнялъ,
 Взглянулъ угрюмо въ сумракъ дальный
 И вздохомъ грудь поколебалъ.

* * *

« Глубокій сонъ въ долинѣ бранной;
 « Одни мы мчимся въ пѣмъ ночной;
 « Гоповъ, гоповъ ударъ желанный,
 « Предчувствую послѣдній бой.
 « Зовешъ меня конецъ желанный,
 « Мы грозно ринемся въ огонь;
 « Ударить часъ — и одинокой
 « Въ долину выбѣжишь мой конь! ...

* * *

« О вы! копорые коспами
 « Сей ночью ляжете со мной,
 « Скажете: милая слезами
 « Вашъ усладить ли сонъ нѣмой?
 « Но я... напрасно сердце дышешъ,
 « Наспанешъ хладъ и пишина,
 « Эльвина скоро вѣсть услышишь:
 « Онъ палъ! — и не вздохнешъ она.

* * *

« А вы, хранимые судьбами
« Для пихихъ жизненныхъ опрадъ,
« Счастливицы!... милья слезами
« Благословиися вашъ возвратъ.
« За чашей сладкаго спасенья,
« О брапя! вспомните пѣвца,
« Его любовь, его мученья
« И славу грознаго конца... »
Умолкъ, и мчится въ бой кровавый;
Уже не возвратился онъ:
..... На полъ славы
Его покрылъ безвѣспный сонъ.
И упромъ юнаго поэта
Навздники, въ веселый часъ,
За чашей дружнаго привѣпа
Въ послѣдній вспомянули разъ.

ФІАЛЬ АНАКРЕОНА.

—

Когда на поклоненѣ
Ходилъ я въ дальній Павось,
Повѣрьте мнѣ, я видѣлъ
Въ уборной у Венеры
Фіаль Анакреона!
Онъ былъ тогда наполненъ
Свѣпѣющею влагой;
Кругомъ висѣли розы,
Холодный плющъ и мирпы,
Спеленныя рукою
Царицы наслажденій;
На краюшкѣ я видѣлъ
Коварнаго Амура;
Смотрѣлъ онъ пригорюнясь
На пѣнистую влагу.
Что смопришь ты, проказникъ,
На пѣнистую влагу?
Спросилъ я Купидона,

Скажи, что такъ упихнулъ?
Иль хочется зачерпнуть
Тебѣ злапаго соку,
Да ручка не доспанешъ? »
— Нѣтъ! опвѣчалъ малюшка:
« Рѣзвась, я въ это море
« Колчанъ, и лукъ, и спрѣлы
« Всѣ бросилъ ненарочно —
« А плавать не умѣю.
« Вонъ, вонъ! на днѣ блистающъ.
« Ахъ! жалко мнѣ, послушай:
« Доспань мнѣ ихъ опшуда.
— О нѣтъ! сказалъ я богу:
Спасибо, что упали;
Пускай тамъ оспающся:
Тѣмъ лучше для меня!

СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ.

Послѣднимъ сіяньемъ за лѣсомъ горя,
Вечерняя шихо попухла заря;
Безмолвна долина глухая.
Въ шуманѣ пуспынномъ клубишя рѣка,
Лѣнливой грядою идушь облака,
Межъ ними луна золопая.

* *
*

Чугунныя лапы на холмѣ лежащъ,
Копье раздробленно, въ перчашкѣ булащъ.
И щипъ подѣ шеломомъ заржавымъ;
Вонзилися шпоры въ увлаженный мохъ,
Лежащъ неподвижно — и мѣсяца рогъ
Надъ ними въ блиспаньи кровавомъ.

* *
*

Вкругъ холма обходишь другъ сильнаго, конь:
Въ очахъ горделивыхъ померкнулъ огонь,
Онъ бранную голову клонишь.

Безпечнымъ копышомъ бѣесть камень долинъ,
И смотришь на лапы конь вѣрный одинъ,
И дико препенещь и спонещь.

* *
*

Во пмѣ заблудившись, пришелець идетъ:
Съ надеждою робость онъ въ сердцѣ несетъ,
Склонясь надъ дорожной клюкою.
На холмъ онъ взобрался, и въ тусклую даль
Онъ смотришь, и сходишь и звонкую спаль
Толкаетъ успалой ногою.

* *
*

Хладѣесть пришелець: кольчуги звучащъ,
Погибшаго грозно въ нихъ кости спучащъ,
По камнямъ шоломъ покапился,
Скрывался въ немъ череѣтъ . . . при звукѣ глухомъ
Заржалъ конь репивый; скокъ лёпомъ на холмъ,
Взглянулъ — и главою склонился!

* *
*

Ужъ пупникъ далече въ пмѣ бродитъ ночной,
Все мнился, что кости хрустящъ подъ ногой,
Но упрѣ денница выводитъ.
Сраженный во брани на холмѣ лежитъ,
И лапы недвижны, и шлемъ не спучитъ,
И конь вокругъ погибшаго ходитъ.

ЭПИГРАММА.

—

« Скажи, что новаго? — Ни слова. —
« Не знаешь ли, гдѣ, какъ и кто? »
— О братецъ! опьянись: я знаю только то,
Что ты дуракъ, но это ужъ не ново.

—

ТВОЙ И МОЙ.

Богъ вѣспѣ, за что философы, пѣишы
На *твоей* и *моей* давнымъ-давно сердилшы.
Не спорю я съ ученой ихъ толпой,
Но и бранишь причины не имѣю
То, что дарилъ мнѣ радость и покой.
Что, ежели бѣ ты не была *моею*?
Что, ежели бѣ я не былъ, Ниса, *твоей*?

Э П И Т А Ф І Я.

—

Покойникъ Кляншъ въ раю не будешъ:
Творилъ онъ тяжкіе грѣхи.
Пусть Богъ дѣла его забудешъ,
Какъ свѣтъ забылъ его спихи.

—————

ЭКСПРОМТЪ НА А.

—

Въ молчаньи предъ побой сижу.
Напрасно чувспвую мученье,
Напрасно на себя гляжу:
Того ужъ вѣрно не скажу,
Что говоришь воображенье.

—————

КЪ ПОРТРЕТУ К*.**

—

Въ немъ пунша и войны кипитъ всегдашній
жаръ,
На Марсовыхъ поляхъ онъ грозный былъ во-
ишель,
Друзьямъ онъ вѣрный другъ, красавицамъ мучи-
пель,
И всюду онъ гусарь.

—

КЪ ПИСЬМУ.

—

Въ немъ радости мои; когда померкну я,
Пускай оно груди безчувственной коснется:
Быть можешь, милые друзья,
Быть можешь, сердце вновь забьется.

—————

Д Я Д Ъ,**НАЗВАВШЕМУ СОЧИНТЕЛЯ БРАТОМЪ.**

—

Я не совсѣмъ еще разсудокъ поперялъ,
Отъ рифмъ вакхическихъ шапаясь на Пегасъ —
Я не забылъ себя: хоть радъ, хощя не радъ,
Нѣшъ, нѣшъ! вы мнѣ совсѣмъ не брашъ —
Вы дядя мнѣ и на Парнасѣ!

—————

Ж Е Л А Н І Е .

—

Медлительно влекутся дни мои,
И каждый мигъ въ увядшемъ сердцѣ множить
Всѣ горести несчастливой любви
И тяжкое безуміе превожить.
Но я молчу; неслышенъ ропотъ мой.
Я слезы лью... мнѣ слезы утѣшенье.
Моя душа, объятая поской,
Въ нихъ горькое находить наслажденье.
О жизни сонъ! лети, не жаль тебя!
Исчезни въ тмѣ пустое привидѣнье!
Мнѣ дорого любви моей мученье,
Пускай умру, но пусть умру — любя!

—————

ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОКЪ.

Кубокъ янтарный
Помонъ давно.
Пѣною парной
Блещеть вино!
Свѣта дороже
Сердцу оно.
Но за кого же
Выпью вино?

Пейте за славу,
Славы друзья!
Бранной забавы
Любить нельзя;
Эпо веселье
Не веселишь!
Дружбы похмелье
Грома бѣжишь.

Жишели неба,
Феба жрецы,
Здравіе Феба,
Пейше пѣвцы!
Рѣзвой Климены
Ласки — бѣда!
Тогъ Иппокрены —
Други, вода! —

Пейше за радость
Юной любви.
Скроешься младость,
Дѣши мои.
Кубокъ янтарный
Полонъ давно.
Я — благодарный —
Пью — за вино!

ОТРЫВКИ ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ:

ФАВНЪ и ПАСТУШКА.

—

I.

Съ пѣнадцатой весною,
Какъ лилія съ зарею
Красавица цвѣшешь,
И шомное дыханье,
И взоровъ шомный свѣтъ,
И груди шрепешанье,
И розы нѣжный цвѣтъ —
Всё юноешъ измѣняешь.
Ужь Лилу не пѣняешь
Веселый хороводъ:
Одна, у сонныхъ водъ,
Въ лѣсахъ она шапшя,
Вздыхаешь и шомишя;
И съ нею шамъ Эрощъ.
Когда же, ночью шемной,

Ее въ посшелъ скромной
 Заспанеть пихій сонъ
 Съ волшебницей-мечпою,
 И пихою тоскою
 Исполнить сердце онъ —
 И Лила, въ сновидѣньѣ
 Вкушаетъ наслажденье
 И шепчетъ: о Филонъ!

III.

Здѣсь розы наклонились
 Надъ вами въ темный кровъ,
 И въпры припавшись,
 Гдѣ царствуетъ любовь...
 Но кто памъ, близъ: пещеры,
 Въ густой нравъ лежатъ?
 На жертвенникъ Венеры
 Съ досадой онъ глядитъ;
 Нагнулась межъ цвѣтами
 Космашая нога;
 Надъ грустными очами
 Нависли два рога;
 То Фавнъ, угрюмый жипель
 Лѣсовъ и горъ крупныхъ,
 Докучливый гонипель
 Паспушекъ молодыхъ.
 Прекраснаго Филона

Давно соперникъ онъ...
Въ приюпѣ сладоспрасья
Онъ слышишь вздохи счасья
И нѣги помный спонъ.
Въ безмолвіи несчастной
Сспраданья чашу пьешь,
И въ ревности напрасной
Горючи слезы льешь.
Но вопъ ночей царица
Скапилась за лѣса,
И пихая денница
Румянишь небеса;
Зефиры прошептали —
И Фавнъ въ дремучій боръ
Бѣжишь сокрышь печали
Въ ущельяхъ дикихъ горъ.

IV.

Одна поушру Лила
Непвердою ногой
Средь рощицы густой
Задумчиво ходила.
« О, скоро ль, мракъ ночной
« Съ прекрасною луной
« Ты небомъ овладѣешь?
« О, скоро ль, шемный лѣсъ,
« Въ шуманахъ засинѣешь

« На западъ небесь? »
Но шорохъ за кустами
Ей слышится глухой,
И вдругъ — сверкнулъ очами
Предъ нею богъ лѣсной!
Какъ вѣшній вѣшерочикъ,
Лепить она въ лѣсочкѣ; —
Онъ гонишся за ней —
И трепешная Лида
Всѣ пайны обнажила
Младой красы своей;
И нѣжна грудь открылась
Лобзаньямъ вѣшерка,
И спройная нога
Неволью обнажилась.
Порхая надъ правой,
Пастушка робко дышитъ,
И Фавна за собой
Всѣ ближе, ближе слышитъ.
Ужъ чувствуешь она
Огонь его дыханья:
Напрасны всѣ спаранья!
Ты Фавну суждена;
Но шумная волна
Красавицу сокрыла;
Рѣка — ея могила.
Нѣтъ! — Лида спасена.

V.

Эрошы злашюкрылы
И нѣжный Купидонъ
На помощь юной Лилы
Лешяшъ со всѣхъ споронъ;
Всѣ бросили Циперу
И мирныхъ селъ Венеру,
По препешнымъ волнамъ
Несущъ они въ пещеру
Любви пустынный храмъ.
Счастливецъ былъ ужъ шамъ...
Спокойно дремлетъ Лила,
На розахъ нѣшъ и сна,
И лучъ свой угасила
За облакомъ луна.

VI.

Поникнувъ головою,
Несчастный богъ лѣсовъ
Одинъ съ вечерней тмою
Бродилъ у береговъ:
Проспи, любовь и радость!
Со вздохомъ молвилъ онъ;
Въ печали прашивъ младость
Я рокомъ осуждетъ!
Вдругъ изъ лѣсу румяный

Шатаясь передъ нимъ,
Сапирь явился пьяный
Съ кувшиномъ круговымъ;
Онъ смупными глазами
Пути домой искалъ,
И козьими ногами
Едва переступалъ;
Шелъ, шелъ, и напюкнулся
На Фавна моего —
Со смѣхомъ опшатулся,
Склонился на него . . .
«Ты ль эпо, брапъ любезной?
Вскричалъ Сапирь съдой:
Въ какой спранъ безвъспной
Я вспрѣтился съ побой?»
— Ахъ! молвилъ Фавнъ уныло,
Завяли дни мои!
Все, все мпѣ измѣнило,
Несчастенъ я въ любви. —
«Что слышу? опъ Амура
Ты спраждешъ и груспить,
Малюпку-бѣдокура
И ты богопворить!
Возможно ль? Такъ забвенье
Въ кувшинѣ почерпай,
И чашу въ упѣшеньс
Наполни черезъ край!

И пѣна засверкала
И на краяхъ шипитъ,
И съ перваго фіала
Амуръ уже забытъ.

VIII.

О Лида! вянутъ розы
Минушныя любви:
Познай же грусть и слезы —
И нынѣ шерны рви.
Въ губительномъ спремленьи
За годомъ годъ лепишь,
И спаросъ въ опдаленьи
Красавицѣ грозитъ.
Амуръ уже съ поклономъ
Разспался съ красотою,
И въ слѣдъ за Купидономъ
Веселья скрылся рой.
Въ лѣсу паспушка бродитъ
Печальна и одна:
Кого же памъ находишь?
Вдругъ Фавна зрится она.
Философъ козлоногій
Подъ липою лежалъ,
И пѣниспый фіаль,
Въякомъ: украсивъ роги,
Лѣниво осушалъ. —

Хоть Фавнъ и не находка
Для Лилы прежнихъ лъсть,
Но вздумала красопка
Любви раскинуть състь:
Подкралась, устремила
На Фавна томный взоръ,
И слышалъ я, клонила
Къ развязкѣ разговоръ.
Но Фавнъ съ улыбкой злою,
Напѣня свой фѣалъ,
Качая головою —
Красавицѣ сказалъ:
« Нѣтъ! Лила; я въ покоѣ —
Другихъ, мой другъ, лови,
Есть время для любви,
Для мудрости другое.
Бывало, я тобой
Въ безуміи плѣнялся —
Бывало, восхищался
Коварной красопой,
И сердце, плѣвъ еспрастнью,
Къ тебѣ меня влекло.
Бывало... но, не счастью,
Что было — то прошло.

КЪ ЖИВОПИСЦУ.

Дитя Харитъ, воображенья!
Въ порывъ пламенной души
Небрежной кистью наслажденья
Мнѣ друга сердца напиши:

Красу невинности небесной,
Надежды робкія черпы,
Улыбку Душеньки прелестной
И взоры юной красоты;

Вкругъ тонкаго Гебси стана
Венеринъ поясъ повяжи;
Сокрытой прелестью Альбана
Мою царицу окружи;

Прозрачны волны покрывала
Накинъ на шрепешную грудь,
Чшобъ и подъ нимъ она дышала,
Хопъла шайно бы вдохнушь;

Представъ мечпу любви спыдливой —
И той, которою дышу,
Рукой любовника счастливой
Внизу я имя напишу.

С О Н Ъ.

(Отрывокъ изъ Новгородской повѣсти: *Вадимъ.*)

—

Проходитъ ночь; огонь погасъ,
Остывъ и пепель. Водъ пучина
Бѣлѣеть: близокъ упра часъ,
И сходитъ сонъ на Славянина.
Видалъ онъ дальнія спраны,
По сушѣ, по морямъ носился,
Во дни былые, дни войны,
На Западъ, на Югъ бился —
Дѣля добычу и пруды
Съ суровымъ племенемъ Одепа,
И передъ нимъ враговъ ряды
Бѣжали какъ морская пѣна —
Въ часъ бури — къ горнымъ берегамъ.
Внималъ онъ радостнымъ хваламъ
И арфамъ Скальдовъ вдохновенныхъ —
Въ жилищѣ сильныхъ пировалъ,
И очи дѣвъ иноплеменныхъ
Красою чуждой привлекалъ:

Но сладкій сонъ не переносишь
Теперь героевъ въ край чужой,
Въ поля, гдѣ мчится бурный бой,
Гдѣ мечъ главы героевъ косишь!
Не видишь онъ знакомыхъ скалъ
Каріоландіи печальной,
Ни Альбіона, гдѣ искалъ
Правдивыхъ съчъ и славы дальной.
Ему не снился шумъ валовъ;
Онъ позабылъ морскія бипвы,
И пламя яркое пировъ,
И трубный звукъ и лай ловипвы.
Другія грезы и мечпы
Волнуютъ сердце Славянина:
Предъ нимъ Славянская дружина,
Онъ узнаешь ея щипы;
Онъ снова проспираешь руки
Къ поварищамъ минувшихъ лѣтъ,
Забывшимъ въ долги дни разлуки,
Которыхъ ужъ и въ міръ нѣтъ.
Онъ видишь Новгородъ-великій,
Знакомый перемъ съ давнихъ поръ;
По тынъ обросъ крапивою дикою,
Обвишы окна павиликой,
Въ травѣ заглохъ широкій дворъ.
Онъ быстро храминъ опустѣлыхъ
Проходишь молчаливый рядъ:

Все мертво . . . нѣтъ гостей веселыхъ,
Заспольны чаши не гремятъ;
И вопъ веселая свѣплица —
Въ немъ сердце бьется: здѣсь или нѣтъ —
Любовь очей, душа - дѣвица?
Цвѣпепъ ли здѣсь — мой милый цвѣпъ?
Найду ль ее? . . . И съ эпимъ словомъ
Онъ входипъ . . . Чпо же? спрапный видъ!
Въ постелѣ хладной, подѣ покровомъ —
Дѣвица мерпвая лежипъ! . . .
Въ немъ замеръ духъ и взволновался.
Покровъ приподнимаепъ онъ,
Глядипъ — и слабый спонъ
Сквозь ппжкій сонъ его раздался.
Она, она! — ея черпы!
На персяхъ рану обнажаепъ;
Она погибла! восклицаепъ.
Кпо могъ? . . . и слышипъ голосъ: пы!

ПУТЕШЕСТВЕННИКУ *.

Судьба на руль уже склонилась,
Спокойно свѣшяпъ небеса,
Ладья крымашая пусшилась —
Расправишъ счастье паруса.
Дай Богъ, чшобъ грозной непогоды
Вблизи пы ужась не видалъ,
Чшобъ бурный вихоръ не вздувалъ
Предъ челнокомъ шумящи воды!

Когда жъ уйду на новоселье
(Заснушь вѣдь общій всѣмъ удѣлъ),
Скажи: «Дай Богъ ему веселье,
Онъ въ жизни хопъ любипъ умѣлъ.»

* Авторъ писалъ это четырнадцати лѣтъ.

КЪ МОРФЕЮ.

—

Морфей! до утра дай опраду
Моей мучительной любви.
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечпы благослови!
Сокрой опъ памяши унымой
Разлуки спрашной приговоръ!
Пускай увижу милый взоръ,
Пускай услышу голосъ милой.
Когда жъ умчишься ночи мгла
И пы мои покинешь очи,
О, если бы душа могла
Забышь любовь до новой ночи!

Взглянувъ когда-нибудь на пайный сей листокъ,
Исписанный когда-шо мною,
На время улети въ Лицейскій уголокъ
Всесильной, сладостной мечпою.
Ты вспомни быспрыя минушы первыхъ дней,
Неволю мирную, шесць лѣтъ соединенья,
Печали, радости, мечпы души швоей,
Размолвки дружеспва и сладоспъ примиренья,
Чпо было и не будеспъ вновь...
И съ шихими поски слезами
Ты вспомни первую любовь.
Мой другъ! она прошла... но съ первыми друзь-
ями
Не рѣзвою мечпой союзъ швой заключенъ;
Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судь-
бами,
О милый, вѣченъ онъ!

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой домъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое Провидѣнье,
Да голосъ мой душѣ пвоей
Даруетъ по же утѣшенье!
Да озаритъ онъ започенье
Лучемъ Лицейскихъ ясныхъ дней!

Это стихотвореніе хотя не принадлежитъ къ Лицейскимъ, но помѣщается вслѣдъ за предъидущимъ потому, что оно писано къ тому же лицу.

ВЪ АЛЬБОМЪ ИЛИЧЕВСКОМУ.

—

Мой другъ, не славный я поэтъ,
Хоть Христіанинъ православной.
Душа безсмертна, слова нѣтъ:
Моимъ стихамъ удѣлъ неравной —
И пѣсни Музы своенравной,
Забавы рѣзвыхъ, юныхъ лѣтъ
Погибнуть смертію забавной —
И насъ не пронепъ здѣшній свѣтъ.
Ахъ! вѣдаетъ мой добрый Геній,
Что предпочелъ бы я скорѣй
Безсмертію души моей
Безсмертіе своихъ твореній.
Не власны мы въ судьбѣ своей;
По крайней мѣрѣ нѣтъ сомнѣнья —
Сей плодъ небрежной вдохновенья,
Безъ подписи, въ швоихъ рукахъ
На скромныхъ дружества листкахъ
Уйдетъ опъ общаго забвенья.
Но пусть напрасенъ будетъ шрудъ,

Твоею дружбой оживленной;
Мои списки пускай умрушъ;
Гласъ сердца, чувства неизмѣнны
Навѣрно ихъ переживушъ.

СНОВИДѢНІЕ.

Не давно, обольщенъ прелестнымъ сновидѣнь-
емъ,
Въ вѣнцѣ сіяющемъ, царемъ я зрѣлъ себя;
Мечпалось, я любилъ себя —
И сердце билось наслажденьемъ.
Я спрасъ у ногъ пвоихъ въ воспоргахъ изъ-
яснялъ.
Мечпы! ахъ! опъ чего вы счастья не продлили?
Но боги не всего шеперь меня лишили:
Я шолько царство потерялъ.

О Н А.

—

«Печаленъ ты, признайся; что съ тобою?»
— Люблю мой другъ! — «Но кто жъ тебя
пльвилъ?»
— О нѣтъ — «Кому жъ ты жерпвуешь душой?»
— Она. — «Да кто жъ, Глицера ль, Хлоя, Лиля?»
— Ахъ! ей! — «Ты скромнѣе другъ сердечный!
Но почему жъ ты сполько огорченъ?
И кто виной? Супругъ, отецъ конечно...»
Не то, мой другъ! — «Но что жъ?» — Я ей
не онъ! —

КЪ ТОВАРИЩАМЪ

ПЕРЕДЪ ВЫПУСКОМЪ.

—

Промчались годы започенья:
Не долго, милые друзья,
Намъ видѣшь кровь уединенья
И Царскосельскія поля.
Разлука ждетъ насъ у порогу;
Зовепъ насъ свѣта дальній шумъ,
И каждый смопритъ на дорогу
Въ волненьи юныхъ, пылкихъ думъ.
Иной, подъ киверъ спряпавъ умъ,
Уже въ воинспвенномъ нарядѣ
Гусарской саблею махнулъ;
Въ Крещенской упренней прохладѣ
Красиво мерзнетъ на парадѣ,
А грѣшься ѣдетъ въ караулъ.
Другой, рожденный бытъ вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плуша значнаго въ прихожей

Покорнымъ плутомъ зришь себя.
Лишь я, судьбѣ своей послушный,
Счастливей нѣги вѣрный сынъ,
Душой безпечный, равнодушный,
Въ постели задремалъ одинъ.
Равны мнѣ писаря, уланы,
Равны мнѣ каски, кивера;
Не рвусь я грудью въ капишаны
И не ползу въ ассесора.
Друзья! немного снисхожденья —
Оставьте песпрый мнѣ колпакъ,
Пока его за прегрѣшенья
Не промѣнялъ я на шишакъ;
Пока лѣнивому возможно,
Не опасаясь грозныхъ бѣдъ,
Еще рукой неосторожной
Въ июль распахнуть жилетъ.

БОЖЕ! ЦАРЯ ХРАНИ.

Боже! Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли:
Гордыхъ смиришело,
Слабыхъ хранишело,
Всѣхъ упѣшишело

Все ниспошли.

Тамъ громкой славою,
Сильной державою
Міръ онъ покрылъ;
Здѣсь — безмятежною
Свѣтлою надежною,
Благосвѣтлою нѣжною
Насъ осѣнилъ.

Брани въ ужасный часъ
Мощно хранила насъ

Вѣрная длань:

Гласъ умиленія,
Благодаренія,
Сердца спремленія —
Вопль наша дань!

КЪ Г . . . У.

Пускай угрюмый рифмопворъ,
Повиный макомъ и крапивою,
Холодныхъ одъ шворецъ решивой,
На скучной ладъ слепая вздоръ,
Зовешъ обѣдашь генерала;
О Г—ь, вѣрный другъ бокала
И жирныхъ упреннихъ пировъ,
Тебя зову, мудрецъ лѣнливой,
Въ приюпъ поэзіи счастливой,
Подъ опдаленный нѣги кровъ.
Давно въ моемъ уединеньи,
Въ кругу бушмылокъ и друзей,
Не зрѣли кружки мы швоей,
Подруги долгихъ наслажденій,
Оспропъ и хохоба госпей.
Въ шебъ прудипься нѣпъ охопы;
Садись на пройку злыхъ коней,
Оспавъ Пешрономъ и забопы,
Лепи въ счастливой городокъ,

Зайди къ Жиду Э...ёву,
Въ его всёмъ общій уголокъ;
Мы памъ, собравшись въ кружокъ,
Прольемъ вина спрую багрову,
И съ громомъ двери на замокъ
Запрешъ веселье молодое.
И гордый на столъ пирогъ
Друзей спъсненными рядами,
Сверкая свъплыми ножами,
Съ побою храбро осадимъ,
И мигомъ спъны разгромимъ;
Когда жъ, виномъ опягощенный,
Съ главой въ колъни преклоненный,
Захочешъ въ миръ опдохнуть,
И вдругъ, спускаая въ подушку,
Дабы спокойнѣе заснуть,
Уронишь налишюю кружку
На старой, бархапной диванъ:
Тогда посланія, куплешы,
Баллады, басенки, сонешы
Покинутъ скромной нашъ карманъ,
И крѣпокъ сонъ лънивца будешъ!...
Но рюмокъ звонъ шебя разбудитъ,
Ты вскочишь съ бодрой головой,
Оставишь смяшюю подушку,
Подынешъ милую подружку —
И въ кельѣ снова пиръ горой.

О Г—ь, время невозвратио,
И близокъ, близокъ грозный часъ,
Когда, послыша славы гласъ,
Покину кельи кровь пріятной,
Татарской сброшу свой халапъ —
Проспите, двѣспвенныя Музы!
Прости, пріюпъ младыхъ опрадъ!
Надѣну узкія рейпузы,
Завью въ колечки гордый усъ,
Заблещепъ пара эполеповъ,
И я — пишомецъ важныхъ Музь —
Въ числѣ воюющихъ корнеповъ!
О Г—ь, Г—ь! поспѣшай!
Тебя зовупъ и сонъ лѣнивый,
И другъ ни скромный, ни спѣсивый,
И кубокъ, полный черезъ край! —

МЕЧТАТЕЛЬ.

По небу крадется луна,
На холмѣ шиша съдѣвепь,
На воды пала шишина,
Съ долины въперь въепь;
Молчипь пѣвица вешнихъ дней
Въ пущынѣ темной роци,
Спада почилъ средь полей
И тихъ полепь полнощи.

* *
*

И мирной нѣги уголокъ
Ночь сумракомъ одѣла,
Въ каминѣ гаснепь огонѣкъ
И свѣчка нагорѣла;
Стоипь боговъ домашнихъ ликъ
Въ кивотѣ небогатомъ,
И блѣдный теплился ночникъ
Предъ глинянымъ пенатомъ.

* *
*

Главою на руку склонень,
 Въ забвеніи глубокомъ,
 Я въ сладки думы погружень
 На ложѣ одинокомъ;
 Съ волшебной ночи темной,
 При мѣсячномъ сіяньи,
 Слепають рѣзвою толпой
 Крылашья мечпанья.

* *
 *

И пихой, пихой льепся гласъ;
 Дрожащъ зашья струны.
 Въ глухой, безмолвной мрака часъ
 Поешъ мечшатель юный;
 Исполненъ тайною шоской,
 Мечпаньемъ вдохновенной,
 Летаешъ рѣзвою рукой
 На лирѣ оживленной.

* *
 *

Блаженъ, кто въ низкой свой палатъ
 Въ мольбахъ не просишь счастья!
 Ему Зевесъ надежный спражъ
 Опъ грознаго ненастья;
 На макахъ лѣни, въ пихой часъ,
 Онъ сладко засыпаешъ,
 И бранныхъ прубъ ужасной гласъ
 Его не пробуждаешъ.

* *
 *

Пускай, ударя въ звучной щипъ
 И съ видомъ дерзновеннымъ,
 Мнѣ слава издали грозипъ
 Перспомъ окровавленнымъ,
 И бранны вьются знамена,
 И пышетъ бой кровавой —
 Прелестна сердцу пишина;
 Нейду, нейду за славой.

* *

*

Нашелъ въ глуши я мирный кровъ,
 И дни веду смиренно;
 Дана мнѣ лира опъ боговъ,
 Поэту даръ безцѣнной;
 И Муза вѣрная со мной:
 Хвала тебѣ, богиня!
 Тобою красенъ домикъ мой
 И дикая пущыня.

* *

*

На слабомъ упрѣ дней запахъ
 Пѣвца пы осѣнила,
 Вънкомъ изъ миршовъ молодыхъ
 Чело его покрыва,
 И горнымъ свѣпомъ озарясь,
 Влепала въ скромну келью,
 И чупъ дышала, преклонясь
 Надъ дѣпской колыбелью.

* *

*

О, будь мнѣ спутницей молодой
До самыхъ вращъ могилы!
Лепай съ мечпаньемъ надо мной,
Расправля легки крылы;
Гоните мрачную печаль,
Плѣняйте умъ ... обманомъ,
И милой жизни свѣтлу дажь
Кажите за туманомъ!

* *
*

И пихъ мой будетъ поздній часъ;
И смерти добрый геній
Шепнетъ, у двери постучась:
« Пора въ жилище пѣней!... »
Такъ въ зимній вечеръ сладкой сонъ
Приходитъ къ мирной стѣни,
Вѣнчаннй макомъ, и склоненъ
На посохъ помной лѣни...

КЪ П. . . У.

(4 мал).

Любезный имянинникъ,
О П — нъ дорогой!
Прибрелъ къ тебѣ пустынный
Съ открытою душой;
Съ пришельцемъ обнимися,
Но добраго пѣвца
Встрѣчашъ не суешися
Съ параднаго крыльца:
Онъ гость безъ эпикета,
Не требуетъ привѣта
Лукавой суеши;
Прими жъ его лобзанья
И чистыя желанья
Сердечной простины!
Устрой гостямъ пирушку;
На столикъ воцаной
Поспавъ пивную кружку
И кубокъ пуншевой.

Старинный собушылникъ!
 Забудемся на-часть.
 Пускай ума свѣпильникъ
 Погаснепъ нынѣ въ насъ,
 Пускай спарикъ крылапый
 Лепипъ на почповыхъ!
 Намъ дорогъ мигъ ушрапы
 Въ забавахъ лишь однихъ.

Ты счастливъ, другъ сердечный:
 Въ спокойствіи златомъ
 Течешъ пвой вѣкъ безпечный,
 Проходишь день за днёмъ,
 И ты, въ бесѣдѣ Грацій,
 Не зная черныхъ бѣдъ,
 Живешь какъ жилъ Горацій,
 Хопя и не цоэпъ.
 Подъ кровомъ нсбогашымъ
 Ты вовсе незнакомъ
 Съ зловѣщимъ Ипиокрашомъ,
 Съ нахмуреннымъ жрецомъ;
 Не видишь у порогу
 Толпящихся забопъ;
 Нашли къ тебѣ дорогу
 Веселость и Эропъ;
 Ты любишь звонъ спакановъ
 И трубки дымъ густой,

И демонъ Мепромановъ
Не властвуешъ побой.
Ты счастливъ въ эпохъ долъ —
Скажи, чего же болѣ
Мнѣ другу пожелаешь?
Придется замолчать. . . .

Дай Богъ, чшобъ я, съ друзьями
Вспрѣчая сошый май,
Покрышый съдинами,
Сказалъ тебѣ стихами:
« Вошь кубокъ, наливай!
Веселье, будь до гроба
Сопутникъ вѣрной нашъ,
И пусть умремъ мы оба
При спукѣ полныхъ чашъ! »

Г О Р О Д О К Ъ .

(Къ * * *).

—

Проспи мнѣ, милый другъ,
Двухъ-лѣпшее молчанье;
Писашъ тебѣ посланье
Мнѣ было не-досугъ.
На пройкѣ принесенный
Изъ родины смиренной
Въ великой градъ Петра,
Опѣ упра до упра
Два года все кружился
Безъ дѣла въ хлопопахъ,
Зѣвая, веселился
Въ театръ, на пирахъ;
Не вѣдалъ я покоя,
Увы! ни на часокъ,

Но слава, слава Богу!
На ровную дорогу
Я выѣхалъ шеперь;
Ужъ вышолкалъ за дверь
Забобы и печали,
Которыя играли —
Спыжусь — споль долго мной;
И въ шипинѣ свяпой
Философомъ лѣнливомъ,
Опъ шума въ далекъ,
Живу я въ городкѣ
Безвѣспностью счасливомъ.
Я нанялъ свѣшлый домъ
Съ диваномъ, съ камелькомъ;
Три комнашки проспья —
Въ нихъ злапа, бронзы нѣшь,
И шкани выписныя
Не кроюшь ихъ паркешъ.
Окошки въ садъ веселый,
Гдѣ липы преспарѣлы
Съ черемухой цвѣшупъ;
Гдѣ мнѣ въ часы полдневны
Березокъ своды шемны
Прохладу сѣнь даюшь;
Гдѣ ландышъ бѣмоснѣжной
Спелся съ фіалкой нѣжшой,
И быспрый ручеекъ,

Въ спруяхъ неся цвѣпокъ,
 Невидимый для взора,
 Лепечешъ у забора.
 Здѣсь добрый швой поэтъ
 Живешъ благополучно;
 Не ходишь въ модный свѣтъ;
 На улицѣ карешъ
 Не слышенъ спукъ докучной;
 Здѣсь грома вовсе нѣтъ;
 Лишь изрѣдка шелега
 Скрипишь по мостовой,
 Иль пунникъ, въ домикъ мой
 Пришедъ искашь ночлега,
 Дорожною клякою
 Въ калитку поступишь...

Блаженъ, кто веселился .
 Въ покоѣ, безъ заботъ,
 Съ кѣмъ впайнѣ Фебъ дружится
 И маленькой Эрощъ;
 Блаженъ, кто на проспектъ
 Въ укромномъ уголкѣ,
 Не думаешь о горѣ,
 Гуляешь въ колпакѣ,
 Пьешь, ѣшь, когда захочешь,
 О госпѣ не хлопчешъ!
 Никто, никто ему
 Лѣнишься одному

Въ постелѣ не мѣшаспъ;
Захочешъ — Аонидъ
Толпу къ себѣ сзываетъ;
Захочешъ — сладко спишь,
На Рифмова склоняясь
И пихо забываясь.
Такъ я, мой милой другъ,
Теперь расположился;
Съ толпой беспыдныхъ слугъ
На-вѣки распроспился;
Укрывшись въ кабинетъ,
Одинъ я не скупаю,
И часто цѣлой свѣшъ
Съ воспоргомъ забываю.
Друзья мнѣ — мершвецы,
Парнасскіе жрецы,
Надъ полкою простою,
Подъ тонкою шафпою,
Со мной они живутъ,
Пѣвцы краснорѣчивы,
Прозаики шумливы,
Въ порядкѣ спали шупъ.
Сынъ Мома и Минервы,
Фернейскій злой крикунъ,
Поэтъ въ поэпахъ первый,
Ты здѣсь! съдой шалунъ!
Онъ Фебомъ былъ воспитанъ,

Издѣшства спалъ пиптъ;
 Всѣхъ больше перечитанъ,
 Всѣхъ менѣ помиптъ;
 Соперникъ Эврипида,
 Эрапы нѣжной другъ,
 Арьоста, Тасса внукъ —
 Скажу ль? ... опецъ Кандида —
 Онъ все; вездѣ великъ
 Единственнѣйшій спарикъ!
 На полкѣ за Вольперомъ
 Виргилій, Тассъ съ Гомеромъ,
 Всѣ вмѣстѣ предспояптъ.
 Въ часъ упреннѣйшій досуга
 Я часто другъ опъ друга
 Люблю ихъ отрываптъ.
 Пипомцы юныхъ Грацій —
 Съ Державинымъ попомъ
 Чувствивительнѣйшій Горацій
 Является вдвоемъ.
 И ты, пѣвецъ любезной,
 Поззіей прелеспной
 Сердца привлекнѣй въ плѣнъ,
 Ты здѣсь, лѣнпшій безпечнѣй,
 Мудрецъ прѣпростосердечнѣй,
 Ванюша Лафонпенъ!
 Ты здѣсь — и Дмипревъ нѣжнѣй,
 Твой вымыселъ любя,

Нашель приюпъ надежный
Съ Крыловымъ близъ тебя.
Но вошь наперсникъ милой
Психей злапокрымой!
О добрый Лафонпенъ,
Съ побой онъ смѣлъ сразисься...
Коль можешь шы дивисься,
Дивись: шы побѣждень!
Воспитанны Амуромъ
Вержье, Парни съ Грекуромъ
Укрылись въ уголокъ,
(Не разъ они выходяпъ
И сонъ опъ глазъ опводяпъ
Подъ зимній вечерокъ).
Здѣсь Озеровъ съ Расиномъ,
Руссо и Карамзинъ,
Съ Мольеромъ - исполиномъ
Фонвизинъ и Княжнинъ.
За ними, хмурясь важно,
Ихъ грозный Аристархъ
Является опважно
Въ шестнадцати помахъ,
Хопъ спрашно спихопкачу
Лагарпа видъшь вкусь,
Но часто, признаюсь,
Надъ нимъ я время прачу.

Кладбище обрѣли
 На самой нѣжной полкѣ
 Всѣ школьнически полки,
 Лежащія въ пыли,
 Визгова сочиненья,
 Глупона псалмопѣнья,
 Извѣспныя пворенья,
 Увы! однимъ мышамъ.
 Миръ вѣчной и забвенья
 И прозѣ и спихамъ!
 Но ими огражденну
 (Ты долженъ это знашь)
 Я спряпалъ пошаенну
 Сафьянную шешрадъ.
 Сей свипокъ драгоцѣнный,
 Въками сбереженный,
 Опъ члена Русскихъ силъ,
 Двоюроднаго брата,
 Драгунскаго солдапа
 Я даромъ получилъ.
 Ты, кажешся, въ сомпѣнни. . . .
 Не шрудно опгадашь;
 Такъ, это сочиненьи,
 Презрѣвшія печать.
 Хвала вамъ, чада славы,
 Враги Парнасскихъ узъ!
 О князь, наперсникъ Музъ,

Люблю пвои забавы;
 Люблю пвой колкій спихъ
 Въ посланіяхъ пвоихъ;
 Въ сапиръ — знанье свѣта
 И слога чистоту,
 И въ рѣзвостѣ куплета
 Игриву остропу —
 И ты,

 ;
 Какъ, въ юношески лѣты,
 Въ волнахъ шуманной Леты
 Ихъ гурпомъ попопилъ;
 И ты, замысловапый
 Буянова пѣвецъ,
 Въ карпинахъ споль богачый
 И вкуса образецъ;
 И ты, щупникъ безцѣнный,
 Который Мельпомены
 Кошурны и кинжалъ
 Игривой Талы далъ!
 Чья кисть мнѣ нарисуетъ,
 Чья кисть скомнанируетъ
 Такой оригиналъ!
 Тупъ вижу я съ Чернавкой
 Подщипа слезы лѣпъ.

Но назову ль дѣшину,
 Что доброю порой
 Тетради половину
 Наполнилъ лишь собой!
 О пы, высотъ Парнасса
 Бояринъ небольшой,
 Но пыкаго Пегаса
 Натѣдникъ удалой!
 Намаранныя оды
 Убранство чердаковъ,
 Гласящъ изъ роды въ роды:
 Великъ, великъ — Свисповъ!
 Твой даръ цѣнишь умью,
 Хоть право незнапокъ;
 Но здѣсь тебѣ не смѣю
 Хвалы сплестати вѣнокъ:
 Свисповскимъ должно слогомъ
 Свиспова воспѣвать;
 Но убирайся съ Богомъ!
 Какъ пы, въ помъ клясься радъ,
 Не спану я писать.

О вы, въ моей пуспынѣ
 Любимые пворцы!
 Займите же опнынѣ
 Безпечности часы.
 Мой другъ! весь день я съ ними,
 То въ думу углубленъ,

То мыслями своими
Въ Элизій пренесень.
Когда же на закапъ
Послѣдній лучъ зари
Попонешъ въ яркомъ злапъ,
И свѣшлые цари
Смеркающейя ноци
Плывушъ по небесамъ,
И тихо дремлюшъ роци
И шорохъ по лѣсамъ;
Мой геній невидимкой
Летаешъ надо мной;
И я въ пиши ночной
Сливаю голосъ свой
Съ паспущьею волынкой.
Ахъ! счастливъ, счастливъ пошъ,
Кто лиру въ даръ опъ Феба
Во цвѣшъ дней возьмѣшъ!
Какъ смѣлый жипель неба,
Онъ къ солнцу воспарилъ,
Превыше смершныхъ спанешъ,
И слава громко грянешъ:
«Безсмертенъ ввѣкъ пипшъ!»

Но ею мнѣ ль гордипься,
Но мнѣ ль безсмерпьемъ льспипься? ...
До слезъ я спорипь радъ,
Не бьюсь лишь объ закладъ,

Какъ знашь, и мнѣ, бышь можешъ,
Печать свою наложишь
Небесный Аполлонъ;
Сіяя горнимъ свѣпомъ,
Безпрепепнымъ полетомъ
Взлечу на Геликонъ.
Не весь я преданъ плѣнью:
Съ мосй, бышь можешъ, плѣнью
Полунощной норой
Сынъ Феба молодой,
Мой правнукъ просвѣщенный,
Бесѣдовать придетъ
И, мною вдохновенный,
На лиръ воздохнешъ.

Покамѣшъ, другъ безцѣнный,
Каминомъ освѣщенный,
Сижу я подъ окномъ
Съ бумагой и съ перомъ,
Не слава предо мною,
Но дружбою одною
Я нынѣ вдохновенъ.
Мой другъ, я счастливъ ею;
Почто жъ ея сестрой,
Любовію молодой,
Напрасно пламенью?
Иль юности злапой
Вопще даны мнѣ розы,

И лишь на-вѣки слезы
Въ юдоли, гдѣ разцвѣлъ,
Мой горестной удѣлъ? ...
Пѣвца сопутникъ милой,
Мечпанье легкокрыло!
О! будь же ты со мной,
Дай руку сладострастью,
И съ чашей круговой
Веди меня ко счастью
Забвенія пропой;
И въ часъ безмолвной ночи,
Когда лѣтливой макъ
Покроешь помны очи,
На вѣпреныхъ крылахъ
Примчись въ мой домикъ пѣсной,
Тихонько послучись,
И въ шипинѣ прелестной
Съ любимцемъ обнимись!
Мечта! въ волшебной стѣни
Мнѣ милую яви,
Мой свѣтъ, мой добрый геній,
Предметъ моей любви,
И блеекъ очей небесный,
Люющихъ огонь въ сердца,
И Грацій спанъ прелестный,
И сибгъ ея лица;
Предспавъ, что на колѣняхъ

Покоясь у меня,
Въ порывистыхъ помленьяхъ
Склонилася она
Ко груди грудью спростной,
Успами на успахъ,
Горитъ лицо прекрасной
И слезы на глазахъ!...
Почто спрѣлой незримой
Уже лепишь пы въ даль?
Обманешь — и пропаешь
Бѣглець невозвратимой!
Не слышишь плачь и спонь,
И гдѣ крылатый сонъ?
Исчезнешъ обольститель,
И въ сердцѣ грусть - мучитель.
Но все ли, милой другъ,
Бышь счастья въ упоеньѣ?
И въ грусти томный духъ
Находишь наслажденье:
Люблю я въ лѣтній день
Бродить одинъ съ посохою,
Вспрѣчать вечерню пѣнь
Надъ шихою рѣкою,
И съ сладостной слезою
Въ даль сумрачну смопрѣшь;
Люблю съ моимъ Марономъ
Подъ яснымъ небосклономъ

Близъ озера сидѣшь,
Гдѣ лебедь бѣлоснѣжной,
Оспавя злакъ прибрежной,
Любви и нѣги полнѣ,
Съ подругою своею,
Закинувъ гордо шею,
Плывесть во златѣ волнѣ;
Или, для развлеченья,
Оспавя книгъ ученье,
Въ досужной мнѣ часокъ
У добренькой старушки
Душистый пью чаекъ;
Не подхожу я къ ручкѣ,
Не шаркаю предъ ней,
Она не присѣдаетъ,
Но шопчасъ и вѣспей
Мнѣ пропасъ наболтаешъ.
Газеты собираешъ
Со всѣхъ она споронъ,
Все свѣдаешъ, узнаешъ:
Кто умеръ, кто влюбленъ,
Кого жена по модѣ
Рогами убрала,
Въ которомъ огородѣ
Капуста цвѣсть дала,
Ома свою хозяйку
Ни за что наказалъ,

Антошка балалайку,
Играя, разломалъ —
Спарушка все расскажешь,
Межь-нѣмъ какъ юбку вяжешь,
Болтаешь все свое;
А я сижу смиренно
Въ мечпаньяхъ углубленный,
Не слушая ее,
Ни рифмы Удалова.
Такъ нѣкогда Свиспова
Въ столицѣ я внималъ,
Когда свои пворенья
Онъ съ жаромъ мнѣ чипалъ.
Ахъ! видно Богъ пыпалъ
Тогда мое перпѣнье!
Иль добрый мой сосѣдъ,
Семидесяпи лѣтъъ,
Уволенный опъ службы
Маіоромъ опспавнымъ,
Зовепъ меня изъ дружбы
Хлѣбъ - соль опкушапъ съ нимъ.
Вечернею пирушкой
Спарикъ, развеселясь,
За дѣдовскою кружкой
Въ прошедшемъ углубясь,
Съ Очаковской медалью
На рансной груди,

Вспомнишь ты бапалью,
Гдѣ, роты впереди,
Лепѣлъ на встрѣчу славы,
Но встрѣтился съ ядромъ,
И палъ на долъ кровавый
Съ булатнымъ палащемъ.
Всегда я радъ душею
Съ нимъ время провождашь,
Но, Боже, виновать!
Я каюсь предъ Тобою,

.....
.....

Какъ папа, Іудеевъ
Я вовсе не люблю,

.....

Но, другъ мой, если векоръ
Увижусь я съ шобой,
То мы уходимъ горе
За чашей круговой.

.....

БЕЗВѢРІЕ.

—

О вы! которые съ язвительнымъ упрекомъ,
 Считая мрачное безвѣріе порокомъ,
 Бѣжите съ ужасомъ пюго, кпо съ первыхъ лѣтъ
 Безумно погасилъ опрадный сердцу свѣтъ,
 Котораго вся жизнь ееть мракъ и изступленье:
 Восплачьте вы о немъ, имѣйте сожалѣнье!
 Взгляните на него — не шамъ, гдѣ каждый день
 Тщеславіе на всѣхъ наводитъ ложну пѣнь,
 Но въ пишинѣ семьи, подъ кровлею родною,
 Въ бесѣдѣ съ дружеспвомъ, иль съ темною меч-
 пою —

Взгляните: бродитъ онъ съ увядшею душой,
 Своей ужасною помимый пустошой;
 То горьки слезы льептъ; шо — рабъ спраспей,
 волненья —

Напрасно ищептъ онъ унынью развлеченья.
 Напрасно, въ пышности свободной простопы,
 Природы передъ нимъ открыпы красопы;

Напрасно вокругъ себя печальныйъ взоръ онъ во-
дитъ:

Умъ ищешь божества, а сердце не находишь.
Наспигнешь ли его глухихъ судьбъ ударъ;
Опымеши ли вдругъ минувный счастья даръ;
Въ любви ли, въ дружествѣ ль обнимешь онъ
измѣну

И невозвратную онъ имъ узнаешь цѣну:
Лишенный всѣхъ опоръ, опадшій вѣры сынъ,
Ужъ видишь съ ужасомъ, что въ міръ онъ одинъ,
И мощная рука къ нему съ дарами мира
Не простирается изъ-за предѣловъ міра.
Несчастныя спраспей и немощей сыны,
Мы всѣ на страшный гробъ родясь осуждены;
Всечасно бранныхъ узъ готово разрушенье;
Нашъ вѣкъ — невѣрный день; смерть — быстрое
зашмѣнье.

Когда холодна шма обьемлешь грозно насъ,
Завѣсу вѣчноши колеблешь смертный часъ:
Ужасно чувствовалъ слезы послѣдней муку
И съ міромъ начинаешь безвѣстную разлуку!
Тогда, бесѣдуя съ оставленной душой,
О вѣра! ты стоишь у двери гробовой;
Ты ночь могильную ей тихо освѣщаешь
И, ободренную, съ надеждой опускаешь.
Но, други, переживъ ужаснѣ друзей!...
Лишь вѣра въ шшинѣ, оправдою своей,

Живишь унылый духъ и сердца ожиданье;
 «Наспаненъ — говоришь — назначенно свиданье.»
 А онъ, слѣпой мудрецъ! у гроба спонещъ онъ,
 Съ усладой быпія несчастный разлученъ,
 Надежды пихаго не внемлещъ онъ привѣща:
 Подходитъ къ гробу онъ, взывасшь . . . нѣтъ оп-
 вѣща!

Видали ль вы его въ безмолвныхъ пѣхъ мѣспахъ,
 Гдѣ кровныхъ и друзей священный плѣщещъ прахъ?..
 Видали ль вы его надъ хладною могилой,
 Гдѣ Деліи его шаишся пепель милой?
 Къ почившимъ позванный вечерней пишиной,
 Къ креспу приникнулъ онъ безчувспенной гла-
 вой;

Одинъ, съ опчаяньемъ, въ слезахъ ожеспоченья,
 Въ молчаньи ужаса, въ безумспвѣ испушенья,
 Дрожишь! И между - тѣмъ, подъ сѣнью шем-
 ныхъ ивъ,

У гроба мапери колѣна преклонивъ,
 Тамъ дѣва юная въ печали безмяшежной
 Возводишь къ небу взоръ болѣзненной и нѣжной.
 Одна шуманною луной озарена,
 Какъ ангѣлъ гореспи являеяся она;
 Вдыхасшь медленно, могилу обнимаещъ:
 Все тихо; но она — какъ кажется — внимаещъ.
 Несчастный на нее въ безмолвіи глядишь,
 Поникнулъ головой, преспещетъ и бѣжишь;

Спѣшивъ онъ далѣс, по въ слѣдъ унынѣ бродитъ;
Тамъ умножаешъ лишъ поску души своей:

При древнемъ поржествѣ священныхъ алтарей,
При гласѣ пастыря, при сладкомъ хоровъ пѣнѣ
Тревожися его безвѣрное мученье.

Онъ Бога тайнаго нигдѣ, нигдѣ не зривъ;
Съ померкшею душой святынѣ предстоитъ;
Холодный ко всему и чуждый умиленью,
Съ досадою пихому внимашъ онъ моленю.

« Счастливецъ! — мысливъ онъ — почто не мож-
жно мнѣ,

« Спраспей бунтующихъ въ смиренной пишинѣ,
« Забывъ о разумѣ и умоцномъ и спрогомъ,
« Съ одной лишъ вѣрою повергнушья предъ Бо-
гомъ? »

Напрасный сердца крикъ! Нѣтъ, нѣтъ! не суж-
дено

Ему сей тайны знашь: безвѣріе одно,
По жизненной спезѣ во мракъ вождь унымый,
Несчастливаго влечешъ до вѣчныхъ врагъ могилы!

КЪ Б — О В У .

—

Философъ рѣзвый и піипъ,
Парнасскій счастливый лѣнivecъ,
Харипъ изнѣженный любимецъ,
Наперникъ милыхъ Аондъ!
Почто на арфѣ злaшоспруиной
Умолкнулъ, радости пѣвецъ?
Уже ль и пы, мечшaпель юной,
Разстался съ Фебомъ наконецъ?
Уже съ вѣнкомъ изъ розъ душиспыхъ,
Межъ кудрей вьющихся злaпыхъ,
Подъ пѣнью шополсй вѣпвиспыхъ,
Въ кругу красавиць молодыхъ,
Заздравнымъ не спучишь фіаломъ,
Любовь и Вакха не поешь;
Довольный, счастливый началомъ,
Цвѣшовъ Парнасскихъ вновь не рвешь;
Не слышенъ нашъ Парни Россійскій;
Пой, юноша! — пѣвецъ Тіискій
Въ тебя вліялъ свой нѣжный духъ.

Съ побою твоей прелестный другъ,
Лилеша, красныхъ дней отрада:
Пѣвцу любви любовь награда.
Настрой же лиру — по струнамъ
Лепай игривыми перстами,
Какъ вешній зефиръ по цвѣтамъ,
И сладоспρασными спихами
И пихимъ попопомъ любви
Лилешу въ свой шалашъ зови;
И звѣздъ ночныхъ при блѣдномъ свѣтѣ,
Плывущихъ въ дальной вышинѣ,
Въ уединенномъ кабинетѣ
Волшебной внемля пишинѣ,
Слезами счастья грудь прекрасной,
Счастливецъ милый, орошай;
Но, упоенъ любовью спрасной,
И нѣжныхъ Музъ не забывай!
Люби нѣшъ болѣ счастья въ мѣрѣ;
Люби — и пой ее на лирѣ.

Когда жъ къ тебѣ въ досужный часъ
Друзья, знакомые сберутся,
И вина пѣнныя полюются,
Отъ пѣна съ прескомъ свободясь,
Описывай въ спихахъ игривыхъ
Веселье, шумъ гостей болтливыхъ
Вокругъ накрышаго стола,
Стаканъ, кипящій пѣной бѣлой,

И спужъ блестящаго стекла;
 И госпи дружно спихъ веселой,
 Бокаль въ бокаль ударя въ ладъ,
 Неспройнымъ хоромъ повпоряпть.
 Поэпть! въ пвоей предметы волть!
 Во звучны струны смълю грянь,
 Съ Ж пой кроваву брань,
 И грозну смерть на рашномъ полъ.
 И ты въ спроляхъ ее встръчалъ,
 И ты, постигнуный судьбою,
 Какъ Россъ, пипомецъ славы палъ!
 Ты палъ, и хладною косою
 Едва, скошенный, не увялъ! *
 Иль, вдохновенный Ювеналомъ,
 Вооружись сапиры жаломъ;
 Подъ-часъ прими ея свиспокъ,
 Рази, осмъивай порокъ.
 Шупя, показывай смъшное,
 И, если мбжно, насъ исправъ,
 Но Тредьяковскаго оспавъ
 Въ столь часто рушимомъ покоѣ;
 Увы! довольно безъ него
 Найдёмъ безчисленныхъ поэповъ,
 Довольно въ мѣрѣ еспъ предметовъ
 Пера достойныхъ пвоего!

* Кому не извѣстны Воспоминанія 1807 года?

Но что? цѣвницею моею,
Безвѣстный въ міръ семь поэшь,
Я пѣсни продолжаю не смѣю.
Прости — но помни мой совѣтъ:
Доколь, Музами любимый,
Ты Піэридь горишь огнемъ,
Доколь, сраженъ стрѣлой незримой,
Въ подземный ты не снидешь домъ,
Мірскія забывай печали,
Играй: тебя молодой Назонъ,
Эротъ и Граціи вѣнчали,
А лиру спроилъ Аполлонъ.

Р О М А Н С Ъ .

Подъ вечеръ, осенью ненастной,
Въ пуспынныхъ дѣва шла мѣстахъ,
И тайный плодъ любви несчастной
Держала въ препенныхъ рукахъ.
Все было тихо: лѣсъ и горы,
Все спало въ сумракъ ночномъ;
Она внимательные взоры
Водила съ ужасомъ кругомъ.

И на невинномъ семъ твореньѣ,
Вздохнувъ, оспановила ихъ...
Ты спишь, дитя, мое мученье...
Не знаешь горестей моихъ!
Откроешь очи и, поскуя,
Ты къ груди не прильнешь моей,
Не встрѣпишь завтра поцѣлуя
Несчастной матери твоей!

Ее манишь напрасно будешь!
Мнѣ вѣчный спыдъ вина моя!
Меня на-вѣки ты забудешь...
Но не забуду я тебя!
Дадуть покровъ тебѣ чужіе,
И скажутъ: ты для насъ чужой!
Ты спросишь: гдѣ мои родные?
И не найдешь семьи родной!

Несчастный! будешь грустной думой
Томисья межъ другихъ дѣпей,
И до конца съ душой угрюмой
Взираешь на ласки машерей.
Повсюду спранникъ одинокой,
Всегда судьбу свою кляня,
Услышишь ты упрекъ жестокой...
Прости, прости погда меня!

Ты спишь!... позволь себя, несчастный,
Прижми къ груди въ послѣдній разъ.
Проступокъ мой, твой рокъ ужасный,
Къ спраданью осуждаешь насъ.
Пока лѣта не опогнали
Невинной радости твоей,
Спи, милой! горькія печали
Не пронуть дѣпства психихъ дней!

Но вдругъ за роцей освѣпила —
Вблизи ей — хижину луна,
Блѣдна, препенуца, уныла,
Къ дверямъ приблизилась она;
Склонилась, пихо положила
Младенца на порогъ чужой;
Со страхомъ очи опврапила —
И скрылась въ темнопѣ ночной.

ВОСПОМИНАНІЯ

ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

—

Нависъ покровъ угрюмой нощи
На сводъ дремлющихъ небесъ;
Въ безмолвной тишинѣ почилъ долъ и рощи,
Въ сѣдомъ шуманѣ дальній лѣсъ;
Чуть слышится ручей, бѣгущій въ сѣнь ду-
бравы,
Чуть дышетъ вѣперокъ, уснувшій на листвахъ,
И тихая луна, какъ лебедь величавый,
Плыветъ въ сребристыхъ облакахъ.

* *
*

Плыветъ — и блѣдными лучами
Предметы освѣтила вокругъ;
Алеи древнихъ липъ открылись предъ очами,
Проглянули и холмъ и лугъ.
Здѣсь, вижу, съ поподемъ сплелась младая ива
И опразилась въ кристаллѣ зыбкихъ водъ,

Царицей средь полей лялея горделива
Въ роскошной красотѣ цвѣтепъ.

* *

*

Съ холмовъ кремнистыхъ водопады
Спекающъ бисерной рѣкой;

Тамъ въ пихомъ озерѣ плескаются Наяды
Его лѣнливою волной;

А памъ въ безмолвіи огромные черпоги,

На своды опершись, несущя къ облакамъ.

Не здѣсь ли мирны дни вели земные боги?

Не се - ль Минервы Росской храмъ?

* *

*

Не се - ль Елизіумъ полнощный,

Прекрасной Царскосельской садъ,

Гдѣ, льва еразивъ, почилъ орелъ Россіи моцный

На лонѣ мира и опрадъ?

Увы! промчались шѣ времена злапья,

Когда подъ скипетромъ Великія Жены

Вѣнчалась славою счастливая Россія,

Цвѣпя подъ кровомъ пишины.

* *

*

Здѣсь каждый шагъ въ душѣ раждаешъ

Воспоминанья прежнихъ лѣтъ;

Возрѣвъ вокругъ себя, со вздохомъ Россъ въ-

щаетъ :

« Исчезло все, Великой нѣтъ! »

И въ думу углублень, надъ злачными брегами
 Сидишь въ безмолвіи, склоняя въспрамъ слухъ;
 Пропекшія лѣта мелькающъ предъ очами
 И въ пихомъ восхищеніи духъ.

* *
 *

Онъ видишь: окружень волнами,
 Надъ пвердой, мшистою скалой
 Вознесся памятникъ *. Ширяся крылами,
 Надъ нимъ сидишь орелъ молодой.

И цѣпи шяжкія и спрѣлы громовыя
 Вкругъ грознаго сполпа прикрапы обвились,
 Кругомъ подножія, шумя, валы сѣдые
 Въ блестящей пѣнѣ улеглись.

* *
 *

Въ пѣни гуспой угрюмыхъ сосенъ
 Воздвигся памятникъ проспой.
 О, сколь онъ для тебя, Кагульскій брегъ, поно-
 сень

И славенъ родинѣ драгой!
 Безсмертны вы во-вѣкъ, о Русски исполины,
 Въ бояхъ воспитанны средъ бранныхъ непогодъ;
 О васъ, сподвижники, друзья Екатерины,
 Пройдетъ молва изъ рода въ родъ.

* *
 *

* Въ чсгг графу А. Г. Орлову-Чесменскому.

О громкій вѣкъ военныхъ споровъ,
 Свидѣтель славы Россіянъ!
 Ты видѣлъ, какъ Орловъ, Румянцовъ и Суворовъ,
 Попомки грозные Славянъ,
 Перуномъ Зевсовымъ побѣду похищали.
 Ихъ смѣлымъ подвигамъ, спрашась, дивился міръ;
 Державинъ и Песковъ героямъ пѣснь брящали
 Спрунами громозвучныхъ лиръ.

* * *

И ны промчался, незабвенный!
 И вскорѣ новый вѣкъ узрѣлъ
 И брани новыя и ужасы военны:
 Спрадась — естъ смертнаго удѣлъ.
 Блеснулъ кровавый мечъ въ неукропимой длани
 Коварствомъ, дерзостью вѣнчаннаго царя.
 Возсталъ вселенной бичъ — и вскорѣ люшой
 брани
 Зардѣлась грозная заря;

* * *

И быспрымъ понеслись попокомъ
 Враги на Русскія поля.
 Предъ ними мрачна спесь лежишь во снѣ глу-
 бокомъ,
 Дымится кровію земля,
 И селы мирныя и грады въ мглѣ пылающъ,
 И небо заревомъ одѣлося вокругъ,

Лѣса дремучіе бѣгущихъ укрываютъ,
И праздный въ полѣ ржавилъ плугъ.

* *
*

Идутъ; ихъ силъ нѣтъ препоны,
Все рушатъ, все свергаютъ въ прахъ,
И пѣни блѣдныя погибшихъ чадъ Беллоны,
Въ воздушныхъ соединясь полкахъ,
Въ могилу мрачную нисходятъ непрестанно,
Иль бродятъ по лѣсамъ въ безмолвіи ночи...
Но клики раздалися!... Идутъ въ дали шуман-
ной... —

Звучатъ кольчуги и мечи!

* *
*

Спрашисъ, о рапъ иноплеменныхъ!
Россіи двинулись сыны;
Возспалъ и спаръ и младъ, летятъ на дерзно-
венныхъ,
Сердца ихъ мщеньемъ возжены.
Воспрепечи, ширанъ! ужъ близокъ часъ паденья!
Ты въ каждомъ рапникѣ узришь богатыря.
Ихъ цѣль: иль побѣдишь, иль пасъ въ пылу сра-
женья

За Вѣру, за Царя.

* *
*

Репивы кони браню пышутъ,
Усыанъ рапниками долъ,

За спроемъ спрой печепъ; всѣ меспью, славой
дышупъ,

Восторгъ во грудь ихъ перешель;
Лешапъ на грозный пиръ, мечамъ добычи ищупъ,
И се — пылаешъ брань; на холмахъ громъ гремишъ,
Въ сгущенномъ воздухъ съ мечами спрѣлы сви-
щупъ,

И брызжешъ кровь на щипъ.

* *
*

Сразились — Русской побѣдипель!
И вспяпъ бѣжишъ надменный Галъ;
Но сильнаго въ бояхъ небесный Вседержипель
Лучемъ послѣднимъ увѣнчалъ;

Не здѣсь его сразилъ воипель посѣдѣлый;
О Бородинскія кровавыя поля!

Не вы исповспву и гордоспи предѣлы:
Увы! на башняхъ Галъ Кремля!...

* *
*

Края Москвы, края родные,
Гдѣ на зарѣ цвѣшущихъ лѣпъ
Часы безпечности я прапиль золопые,
Не зная гореспей и бѣдъ,
И вы ихъ видѣли, враговъ моей оппизны,
И васъ багрила кровь и пламень пожиралъ!
И въ жерпву не принеспъ я мщенья вамъ и жизни!...

Воппе лишь гпѣвомъ духъ пымалъ!

* *
*

Гдѣ ны, краса Москвы споголавой,
 Родимой прелесть спороны?
 Гдѣ прежде взору градъ являлся величавой,
 Развалины шеперь однѣ.
 Москва! сколь Русскому швой зракъ унылый спра-
 шень!
 Исчезли зданія вельможей и Царей,
 Все пламень испребидь, вѣнцы зашмились ба-
 шень,
 Чертоги пали богачей.

* *
 *

И памъ, гдѣ роскошь обипала,
 Въ сѣниспыхъ роцяхъ и садахъ,
 Гдѣ мирпъ благоухалъ и лица шрепешала,
 Тамъ нынѣ угли, пепель, прахъ;
 Въ часы безмолвные прекрасной лѣпней пощи
 Веселье шумное шуда не полешипъ,
 Не блещупъ ужъ въ огняхъ брега и свѣшпы
 роци —
 Все мершво, все молчипъ...

* *
 *

Ушѣшься, машь градовъ Россіи,
 Возрни на гибель приплеча.
 Опягопѣла днесъ на ихъ надмшнной выи
 Десница мшпщяя Творца.
 Взгляни: они бѣгупъ, озрѣшься не дерзаюшъ,

Ихъ кровь не преспаешъ въ снѣгахъ рѣками печь,
 Бѣгущъ — и въ пмѣ ночной ихъ гладъ и смерть
 срѣшаютъ,
 А съ пыла гонитъ Россовъ мечъ.

* *
 *

О вы, копорыхъ препешали,
 Европы сильны племена,
 О Галлы хищныя! и вы въ могилы пали....
 О страхъ! о грозны времена!
 Гдѣ ты, любимый сынъ и счастья и Беллоны,
 Презрѣвшій правды гласъ, и вѣру, и законъ,
 Въ гордынѣ возмечшавъ мечемъ низвергнушь про-
 ны? —
 Исчезъ, какъ упромъ спрашной сонъ!

* *
 *

Въ Парижѣ Россъ! — Гдѣ факелъ мщенья!
 Поникни, Галлія, головой!
 Но что я зрю? Герой съ улыбкой примиренья
 Грядешъ съ оливою злапой;
 Еще военной громъ грохочешъ въ опдаленіи,
 Москва въ унынїи, какъ степь въ полнощной мглѣ —
 А онъ несетъ врагу не гибель, но спасенье
 И благопворный миръ землѣ.

* *
 *

Достойный Внукъ Екатерины!
Почпо небесныхъ Аонидъ,
Какъ нашихъ дней пѣвецъ, Славянской Бардъ
дружины,
Мой духъ воспоргомъ не горипь!
О, если бѣ Аполлонъ пішовъ даръ чу-
десной
Вліялъ мнѣ нынѣ въ грудь! Тобою восхищень,
На лиръ бѣ возгремѣлъ гармоніей небесной
И возсіялъ во пмѣ время!

* *
*

О Скальдъ Россіи вдохновенной,
Воспѣвшій ратныхъ грозный спрой!
Въ кругу друзей пвоихъ, съ душой воспламенен-
ной,
Взгреди на арфѣ золопой;
Да снова спройный гласъ Герою въ честь про-
лется,
И струны препешны посыплютъ огонь въ сердца,
И ратникъ молодой вскипипъ и содрогнешя
При звукахъ браннаго пѣвца.

НАПОЛЕОНЪ НА ЭЛЬБѢ.

1 8 1 5.

—

Вечерняя заря въ пучинѣ догорала,
 Падеь мрачной Эльбою носилась пишина.
 Сквозь тучи блѣдныя тихонько пробѣгала
 Туманная луна;
 Уже на западѣ съдой, одѣшпый мглою,
 Съ равниной синихъ водъ сливался небосклонъ:
 Одинъ во пмѣ ночной надѣ дикою скалою

 Сидѣлъ Наполсонъ.

Въ умѣ губителя пѣснились мрачны думы:
 Онъ новую въ мечтахъ Европѣ цѣпь ковалъ,
 И, къ дальнимъ берегамъ возведши взоръ угрюмый,
 Свирѣпо прошепталъ:

«Вокругъ меня все мершвымъ сномъ почило,
 Легла въ шуманъ пучина бурныхъ волнъ,
 Не выплывешъ ни ушпый въ море чолнъ,
 Ни гладный звѣрь не взвощъ надѣ могилой —
 Я здѣсь одинъ, мятежной думы полнъ ...»

О, скоро ли, напѣясь подь рулями,
Меня помчипь покорная волна,
И спящихъ водь прервеса пишина?...
Волнуйся, ночь, надь Эльбскими скалами,
Мрачнѣе пмись за шучами, луна!
Тамъ ждушъ меня безспрашныя дружины;
Уже сошлись, уже сомкнуны въ спрой!
Ужь мїръ лежипь въ оковахъ иредо мной!
Прейду я къ вамъ сквозь черныя пучины,
И грану вновь погибельной грозой!
И вспыхнепъ брань! за Гальскими орлами,
Съ мечемъ въ рукахъ побѣда полешипь,
Кровавой покъ въ долинахъ закипипь,
И проны въ прахъ низвергну я громами,
И сокрушу Европы дивный щипь!...
Но вкругъ меня все мершвымъ сномъ почило,
Легла въ шуманъ пучина бурныхъ волнъ,
Не выплывешъ ни упшый въ море чолнъ,
Ни гладный звѣрь не взвоепъ надь могилой —
Я здѣсь одинъ, мяшежной думы полнъ...

О счастье! злобный обольспишель!

И ты, какъ сладкой сонъ, сокрылось опъ очей,
Средь бурей пайный мой хранипель
И вѣрный пѣспунъ съ юныхъ дней!
Давно ль, невидимой спезею
Меня ко прону ты вело
И скрьмо дерзосипной рукою

Въ вѣнцахъ лавровое чело!
 Давно ли съ препепомъ народы
 Несли мнѣ робко дань свободы,
 Знамена чести преклоня,
 Дымились громы вкругъ меня,
 И слава въ блескѣ надъ главою
 Неслась, прикрывъ меня крыломъ?...

Но пуча грозная нависла надъ Москвою,
 И грянулъ мести громъ!...
 Полнощи Царь молодой! Ты двинулъ ополченья,
 И гибель вслѣдъ пошла кровавымъ знаменамъ,
 Опоздалось могущаго паденье,
 И миръ землѣ и радость небесамъ,
 А мнѣ — позоръ и започенье!
 И раздробленъ мой звонкій щипъ,
 Не блещеть шлемъ на полѣ браней,
 Въ прибрежномъ знакѣ мечъ забытъ
 И шускнеть на шуманъ.

И тихо вее кругомъ. Въ безмолвіи ночей
 Напрасно чудятся мнѣ смерти завыванье,
 И спукъ блистающихъ мечей,
 И падшихъ ярое степенанье.
 Лишь плещущимъ волпамъ внимаешь жадный
 слухъ;
 Умолкъ сраженій кликъ знакомый,
 Вражды кровавой гаснутъ громы
 И факель мщенія потухъ.

Но близькожь часъ! грядешъ минуша роковая!
Уже лешипъ ладья, гдѣ грозный пронъ сокрыпъ;

Кругомъ простерта мгла густая

И, взоромъ гибели сверкая,

Блѣднѣющій мяшежъ на палубѣ сидипъ.

Спрашисъ, о Галлія! Европа! мщенье, мщенье!

Рыдай! пвой бичъ возспалъ — и все падешъ во
прахъ,

Все сгинешъ — и тогда, въ всеобщемъ разру-
шенъ,

Царемъ возсяду на гробахъ!»

Умолкъ. На небесахъ лежали мрачны пѣни,

И мѣсяцъ, дальнихъ пучъ покинувъ темны сѣни,

Дрожащій, слабой свѣпъ на западъ изливалъ;

Восточная звѣзда играла въ океанъ,

И зрѣлася ладья, бѣгущая въ шуманъ

Подъ сводомъ Эльбскихъ грозныхъ скалъ —

И Галлія тебя, о хищникъ! осѣнила;

Побѣгли съ препешомъ законные цари.

Но зришь ли? гаснешъ день, мгновенно мгла со-
крыла

Лице пылающей зари,

Простерлась пишина надъ бездною сѣдою,

Мрачишся неба сводъ, гроза во мгли висипъ,

Все смолкло... препещи! погибель надъ побоею

И жребій пвой еще сокрыпъ!

СТИХОТВОРЕНІЯ,

ПРОПУЩЕННЫЯ

ВЪ ПОСЛѢДНЕМЪ ПОЛНОМЪ ИЗДАНІИ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОСЛАНІЯ

В. Л. П — ну.

Что восхищительнѣй, живѣй
Войны, сраженій и пожаровъ,
Кровавыхъ и пустыхъ полей,
Бивака, рыцарскихъ ударовъ;
И что завиднѣй крапкихъ дней
Не слишкомъ мудрыхъ усачей,
Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ?
Они живутъ въ своихъ шапкахъ,
Вдали забавъ и нѣгъ и Грацій,
Какъ жилъ безсмертный прусъ Гораций
Въ Тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;
Не знаютъ свѣша принужденья,

*

Не вѣдають, что скука, спрахъ,
Дають обѣды и сраженья,
Поють и рубятся въ бояхъ.
Счастливъ, кто миль и спрашенъ міру,
Объ комъ за пѣсни, за дѣла
Гремишь правдивая хвала;
Кто славишь Марса и Темиру
И бранную повѣсилъ лиру
Межъ вѣрной сабли и сѣдла!

КЪ Ю . . . В У.

Любимецъ въспрeныхъ Лаисъ,
Прелеспный баловень Киприды,
Умѣй сносишь, мой Адонисъ,
Ея минушныя обиды!
Она дала красы молодой
Тебѣ въ удѣлъ очарованье:
И чернѣй усь и взглядъ живой,
Любви улыбку и молчанье.
Съ себя довольно, милѣй другъ!
Пускай, желаній пышныхъ чуждый,
Ты поцѣлуями подругъ
Не наслаждаешься; что нужды?
Въ чаду веселій городскихъ,
На легкихъ крыльяхъ Терпсихоры
Къ шебѣ красавицъ молодыхъ
Лешаешь задумчивые взоры. . . .
Увы! языкъ любви нѣмой,
Сей вздохъ души краснорѣчивой,
Бышь долженъ сладокъ, милѣй мой,

Безпечности самолюбивой —
И счастливъ ты своей судьбой.
А я — повѣса вѣчно праздный,
Потомокъ Негровъ безобразный,
Взрощенный въ дикой простотѣ,
Любви не вѣдая спраданій,
Я нравлюсь юной красотѣ
Безстыднымъ бѣшенствомъ желаній....
Съ невольнымъ пламенемъ ланишь,
Украдкой Нимфа молодая,
Сама себя не понимая,
На Фавна иногда глядишь.

Умолкну скоро я. Но если въ день печали
Задумчивой игрой мнѣ пѣсни оплѣчали;
Но если юноши, внимая молча мнѣ,
Дивились долгому любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленю,
Печальные стихи пвердила въ пишинѣ
И сердца моего языкъ любила спрашивать;
Но если я любимъ: позволь, о милый другъ,
Позволь одушевить прощальный лиры звукъ
Завѣшнымъ именемъ любовницы прекрасной.
Когда меня на-вѣкъ обьметъ смертный сонъ,
Надъ урною моей промови съ умиленьемъ:
« Онъ мною былъ любимъ; онъ мнѣ былъ одол-
женъ
И пѣсень и любви послѣднимъ вдохновенъемъ. »

АНТОЛОГИЧЕСКІЙ ОТРЫВОКЪ.

Подруга милая! я знаю, опшего
Ты съ нынѣшней весной опъ нашихъ игръ оп-
стала;

Я шайну сердца пвого

Давно, повѣрь мнѣ, угадала:

Кларисъ въ шебя влюбленъ; онъ молодъ — и не
разъ

Украдкою вдвоемъ я замѣчала васъ;

Ты слушаешь его въ безмолвіи, краснѣя,

Твой взоръ популненный желаніемъ горишь...

И долго послѣ, Галашея!

Улыбку нѣжную лицо пвое хранипѣ.

ЗАГАДКА.

(При посылкѣ бронзоваго сфинкса.)

(Писано, вѣроятно, къ Дельвигу.)

Кшо на снѣгахъ возраспилъ Теокрыповы нѣж-
ныя розы?

Въ вѣкѣ желѣзномъ, скажи, кшо золошой уга-
далъ?

Кшо Славянинъ молодой, Грекъ духомъ, а ро-
домъ Германецъ?

Вошь загадка моя: хитрый Эдипъ, разрѣши.

Н О В Ы Я С Т Р О Ф Ы

ИЗЪ ЕВГЕНІЯ ОНЪГИНА.

—

Сокровище роднаго слова,
Замѣшаютъ важные умы,
Для лепетанія чужова
Пренебрегли безумно мы.
Мы любимъ Музъ чужихъ игрушки,
Чужихъ нарѣцій погремушки,
А не читаемъ книгъ своихъ.
Но гдѣ жъ онѣ? давайше ихъ!
Конечно: Сѣверные звуки
Ласкаютъ мой привычный слухъ;
Ихъ любятъ мой Славянскій духъ;
Ихъ музыкой сердечны звуки
Усыплены: но дорожатъ
Одними звуками пѣтъ.
И гдѣ жъ мы первыя познанья
И мысли первыя нашли?
Гдѣ примѣняемъ испытанья?

Гдѣ узнаемъ судьбу земли?
 Не въ переводахъ одичалыхъ,
 Не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ,

Поэты наши переводяшъ
 Или молчашъ; одинъ журналъ
 Исполненъ припорныхъ похвалъ,
 Топъ брани плоской; всѣ наводяшъ
 Зъвошу скуки, чужь не сонъ:
 Хорошъ Россійскій Геликонъ!

(Главы III строфа 10.)

Увы, друзья! мелькають годы —
 И съ ними въ слѣдъ одна другой,
 Мелькають въпреня моды
 Разнообразной чередой.
 Все измѣнилось въ природѣ!
 Ламушъ и фижмы были въ модѣ;
 Придворный франшъ и росповщикъ
 Носили пудренный парикъ;
 Бывало, нѣжные поэты,
 Въ надеждѣ славы и похвалъ,
 Точили понкій мадригалъ
 Иль оспроумные куплепы;

Бывало, храбрый генераль
Служилъ — и грамопы не зналъ.

(Главы III строфы 25 и 26.)

О вы! копорыя любили
Безъ позволенія родныхъ
И сердце нѣжное хранили
Для впечатлѣній молодыхъ,
Для радостей, для нѣги сладкой —
Дѣвицы! если вамъ украдкой
Случалось шайную печать
Съ письма любезнаго срыватьъ,
Иль робко въ дерзоспныя руки
Завѣшный локонъ опцдаватьъ,
Иль даже молча позволяшь
Въ минушу горькую разлуки
Дрожащій поцѣлуй любви,
Въ слезахъ, съ волненіемъ въ крови, —
Не осуждайте безусловно .
Тапьяны въпреной моей;
Не повпоряйте хладнокровно
Рѣшенья чопорныхъ судей.
А вы, о дѣвы безъ упрѣка!
Копорыхъ даже рѣчь порока
Спрашите сегодня какъ змія —
Совѣшую вамъ поже я.

Кпо знаепть? пламенной поскою
Сгорипе, можепть быпть, и вы —
И завпра легкїй судъ молвы
Припишепть модному герою
Побѣды новой поржеспво:
Любви васъ ищепть божеспво.

Ж Е Н Ц И Н Ы.

(Отрывокъ изъ *Евгенія Онегина*.)

Въ началѣ жизни мною правилъ
Прелеспный, хипрый; слабый полъ;
Тогда въ законъ себѣ я спавиль
Его единый произволь,
Душа лишь полько разгоралась,
И сердцу женщина являлась
Какимъ-шо чиспымъ божеспвомъ.
Владѣя чувспвами, умомъ,
Она сіяла совершенспвомъ.
Предъ ней я шаялъ въ пипинѣ:
Ея любовь казалась мнѣ
Недосягаемымъ блаженспвомъ.
Жипь, умерепь у милыхъ ногъ —

Инаго я желать не могъ.
 То вдругъ ее я ненавиждь,
 И шрепешалъ и слезы лиль,
 Съ поскою и ужасомъ въ ней видждь.
 Созданье злобныхъ, пайныхъ силъ;
 Ея пронзительные взоры,
 Улыбка, голосъ, разгворы,
 Все было въ ней оправлено,
 Измѣной злой напоено,
 Все въ ней алкало слезъ и спона,
 Пшпалось кровію мосей...
 То вдругъ я мраморъ видждь въ ней
 Передъ мольбой Пшгмаліона
 Еще холодной и нѣмой,
 Но вскоръ жаркой и живой.

* * *

Словами вѣщаго поэта
 Сказать и мнѣ позволено:
 Темира, Дафна и Лилепа —
 Какъ сонъ забышы мной давно.
 Но еспь одна межъ ихъ шолпою...
 Я долго былъ плѣненъ одною...
 Но былъ ли я любимъ, и къмъ,
 И гдѣ, и долго ли? ... зачѣмъ
 Вамъ это знашь? не въ эпомъ дѣло!
 Чшдъ было, то прошло, то вздоръ;

А дѣло въ помѣ, что съ эпихъ поръ
Во мнѣ ужъ сердце охладѣло,
Закрылось для любви оно
И все въ немъ пусто и темно.

* * *

Дознался я, что дамы еами,
Душевной шайнѣ измѣня,
Не могушъ надивисься нами,
Себя по совѣспи цѣня.
Воспорги наши своенравны
Имъ очень кажупся забавны;
И право съ нашей спороны
Мы непроспипельно смѣшны.
Закабелясь неоспорожно,
Мы ихъ любви въ награду ждемъ,
Любовь въ безуміи зовемъ,
Какъ будпо пребовашъ возможно
Опъ мопыльковъ имъ опъ лилей
И чувствъ глубокихъ и спраспей!

ЭПИГРАММА.

(Изъ Антологіи.)

—

Лукъ звѣнишь, стрѣла препенещь,
И клубясь издохъ Пнеонъ;
И пвой ликъ побѣдой блещешь,
Бельведерскій Аполлонъ!
Кто жъ всупился за Пнеона,
Кто разбилъ пвой испуканъ?
Ты, соперникъ Аполлона,
Бельведерскій Миспрофанъ!

—————

Э Л Е Г І Я.

—

Подъ небомъ голубымъ спраны своей родной

Она помилась, увядала. . . .

Увяла наконецъ, и вѣрно надо мной

Младая пѣнь уже лепала;

Но недоступная черта межъ нами есть.

Напрасно чувство возбуждалъ я:

Изъ равнодушныхъ успѣ я слышалъ смерти
вѣспь,

И равнодушно ей внималъ я.

Такъ вопъ кого любилъ я пламенной душой

Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,

Съ такою нѣжною, помпительной поскою,

Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!

Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы! въ душѣ моей

Для бѣдной, легковѣрной пѣни,

Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней

Не нахожу ни слезъ, ни пѣни.

ЭПИГРАММА.

—

Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ.
« Охота есть, да мало мозгу.
А сколько лѣтъ ему, вопросъ? »
Пятнадцать. — « Только-то? Эй, розгу! »
Засимъ принесъ семинаристъ
Тетрадь лакейскихъ диссертаций,
И Фебу вслухъ прочелъ Горацій,
Кусая губы, первый листъ.
Отяжелѣвъ, какъ опъ дурмана,
Сердито Фебъ его прервалъ,
И потчасъ взрослога болвана
Поставивъ въ палки приказалъ.

КЪ ЯЗЫКОВУ.

—

Къ тебѣ собирався я давно
Въ Нѣмецкій градъ, побой воспѣшый,
Съ побой попипъ, какъ пьюпъ поэмы
Тобой воспѣпое вино.
Ужъ зазывалъ меня съ собою
Тобой воспѣшый Кисслевъ,
И я съ веселою душою
Оспавипъ былъ совѣмъ гоповъ
Неволю Невскихъ береговъ.
И что жъ? гербовыя заботы
Схватили за полы меня,
И на Невѣ, хошь нѣпъ охоты,
Прикованнымъ оспалея я.
О юность, юность удалая!
Могу ль тебя не пожалѣпъ?
Въ долгахъ, бывало, упоная,
Займодавецъ убѣгая,
Гоповъ былъ всюду я лепѣпъ.

Теперь докучно посѣщаю
Своихъ лѣнивыхъ должниковъ,
Остепенившись, проклинаю
Я пажестъ денегъ и годовъ.
Проспи, пѣвецъ! играй, пируй,
Съ Кипридой, Фебомъ поржешвуй,
Не знай сіяшельнаго чванства,
Не знай любезныхъ должниковъ,
И не плаши своихъ долговъ,
По праву Русскаго дворянства.

П О Р Т Р Е Т Ъ.

—

Съ своей пылающей душой,
Съ своими бурными спраспиями,
О жены съвера, межъ вами
Она является порой,
И мимо всѣхъ условій свѣта
Спремипся до упралпы силъ,
Какъ беззаконная комета
Въ кругу расчисленномъ свѣшилъ.

—

ЭПИГРАММА.

Обиженный журналами жестоко,
Зонль Пахомъ печалился глубоко.
Вопль подалъ онъ на цензора доносъ;
Но цензоръ правъ; намъ смѣхъ, Зонлу носъ.
Иная брань, конечно, неприличность.
Нельзя сказать: *такой-то-де старикъ*
Козель въ откахъ, плюгавый клеветникъ,
И золь и подль — все это будетъ личность;
Но можете печатать, напимърь,
Что «*господинъ парнасскій старозърь*
Въ своихъ спашьяхъ нелъпицы орапоръ,
Опмънно вялъ, опмънно скучновапъ,
Тяжеловапъ и даже глуповапъ»:
Тупъ не лицо, а полько липераторъ.

КРИВЦОВУ,

ПРИ ПОСЫЛКѢ ВОЛЬТЕРОВОЙ ПОЭМЫ.

—

Когда сожмешь ты снова руку,
Которая тебѣ дарить,
На скучный пушъ и на разлуку,
Вопь эшу книжечку Харишь?
Амуръ нашелъ ее въ Циперь,
Въ архивѣ шалоспи молодой.
По ней молись своей Венерѣ
Благочесшивою душой.
Проси, Эникурсецъ мой!
Останься вѣкъ, каковъ ты нынѣ!
Лепи во мрачный Альбіонъ!
Да сохранишь тебя въ чужбинѣ
. и вѣрный Купидонъ!
Неси въ чужой предѣлъ пенапа;
Но помни прежни дни свои,
Люби недѣвственнаго брата,
Спрадамыца чувспенной любви.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Долго сихъ листовъ завѣшныхъ
Не касался я перомъ;
Виноватъ, въ сполъ моемъ
Уже давно безъ спрокъ привѣшныхъ
Залежался твоей Альбомъ.
Въ именины, очень кешапи,
Пожелать тебѣ я радъ
Много всякой благодапи,
Много сладостныхъ опрадъ, —
На Парнассѣ много грома,
Въ жизни много пихихъ дней,
И на совѣспи твоей
Ни одинаго Альбома
Отъ красавиць, отъ друзей.

ВЪ АЛЬБОМЪ МАЛЮТКЪ.

—

Играй, Адель,
Не знай печали!
Харшпы, Лель
Тебя вѣнчали
И колыбель
Твою качали.
Твоя веспа
Тиха, ясна:
Для наслажденій
Ты рождена.
Чась уполнїй
Лови, лови!
Младья лѣпа
Опдай любви,
И въ шумѣ свѣпа
Люби, Адель,
Мою свирѣль.

—

ОБЪЯСНЕНІЕ.

—

Одно стихопвореніе, напсчашанное въ моемъ журналѣ, навлекло на меня обвиненіе, въ кошпоромъ долгомъ полагаю оправдаться. Это стихопвореніе заключаешъ въ себѣ нѣсколько грустныхъ размышленій о заслуженномъ полководцѣ, кошпорый въ великій 1812 годъ прошелъ первую половину поприща, и взялъ на свою долю всѣ невзгоды опспуімеңія, всю опвѣспспвенность за неизбѣжные уроны, предоспавя своему безсмерпному преемнику славу оппора, побѣдъ и полного шоржеспва. Я не могъ подумашъ, чшо бы шупъ можно было увидѣшъ намѣреніе оскорбшъ чувспво народной гордоспш и спараніе унизшъ священную славу Купузова; однако жъ меня въ шомъ обвинили.

Слава Купузова неразрывно соединена со славою Россіи, съ памяшью о величайшемъ собы-

пѣи новѣйшей исторіи. Его пингло: спаситель Россіи; его памятникъ: скала Святой Елены! Имя его не только священно для насъ, но не должны ли мы еще радоваться, мы Русскіе, что оно звучитъ Русскимъ звукомъ?

И могъ ли Барклай-де-Толли совершивъ имъ начатое поприще? Могъ ли онъ остановиться и предложить сраженіе у кургановъ Бородина? Могъ ли онъ послѣ ужасной битвы, *гдѣ равенъ былъ неравный споръ*, отдать Москву Наполеону и спать въ бездѣйствіи на равнинахъ Тарутинскихъ? Нѣтъ! (Не говорю уже о превосходствѣ военнаго генія.) Одинъ Кутузовъ могъ предложить Бородинское сраженіе; одинъ Кутузовъ могъ отдать Москву непріятелю; одинъ Кутузовъ могъ останавливаться въ этомъ мудромъ, дѣятельномъ бездѣйствіи, усыпляя Наполеона на жарницахъ Москвы и выжидая роковой минуты: ибо Кутузовъ одинъ облеченъ былъ въ народную довѣренность, которую такъ чудно онъ оправдалъ!

Не ужели должны мы быть неблагодарны къ заслугамъ Барклая-де-Толли, пошому что Кутузовъ великъ? Ужели послѣ двадцати-пяти-лѣшняго безмолвія, поэзи не позволено произнести его имени съ участіемъ и умиленіемъ? Вы упре-

какие стихотворца въ несправедливости его жалобъ; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оцѣнены, награждены. Такъ, по кѣмъ и когда? . . . Конечно не народомъ, и не въ 1812 году. Минута, когда Барклай принужденъ былъ уступить начальство надъ войсками, была радостна для Россіи, но тѣмъ не менѣе тяжела для его спонческаго сердца. Его отступленіе, которое нынѣ является явнымъ и необходимымъ дѣйствіемъ, казалось вовсе не таковымъ: не только ропсалъ народъ, ожесточенный и негодующій, но даже опытные воины горько упрекали его и почти въ глаза называли измѣнникомъ. Барклай, не внушающій довѣренности войску, ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злорѣчіемъ; но убѣжденный въ самого себя, молча идущій къ сокровенной цѣли и уступающій власть, не успѣвъ оправдать себя передъ глазами Россіи, останется навсегда въ исторіи высоко-поэтическимъ лицомъ.

Слава Купузова не имѣетъ нужды въ похвалѣ чьей бы то ни было; а мнѣніе стихотворца не можетъ ни возвыситься, ни унизиться того, кто низложилъ Наполеона и вознесъ Россію на высшую степень, на которой она явилась въ 1813 году. Но не могу не огорчиться, когда въ смиренной хвалѣ мой вождю, забытому Жуковскимъ,

соотечественники мои могли подозрѣватьъ низкую и пресупную сапиру на того, кто нѣкогда внушилъ мнѣ слѣдующіе стихи, конечно недостойные великой пѣни, но искренніе и изліянные изъ души.

Передъ гробницею свяпюй
 Стою съ поникшею главою...
 Все спитъ кругомъ; однѣ лампы
 Во мракѣ храма золопятъ
 Столбовъ гранипныхъ громады
 И ихъ знаменъ нависшій рядъ.

Подъ ними спитъ сей властелинъ,
 Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
 Маспипый спражъ спраны державной,
 Смиришель всѣхъ ея враговъ,
 Сей оспальной изъ спаи славной
 Екатерининскихъ орловъ.

Въ пвоемъ гробу восторгъ живептъ!
 Онъ Русскій гласъ намъ издаептъ;
 Онъ намъ пвердиптъ о той годинѣ,
 Когда народной вѣры гласъ
 Воззвалъ къ свяпой пвоей сѣдинѣ:
 «Иди, спасай!» Ты вспаль — и спась... и
 проч.

ФРАНЦУЗСКІЕ СТИХИ,

НАПИСАННЫЕ А. С. ПУШКИНЫМЪ (ВЪ ЕГО МОЛОДОСТИ)

КЪ ОДНОМУ ТОВАРИЦУ И СОВОСПИТАННИКУ ЕГО

ПО ЦАРСКОСЕЛЬСКОМУ ЛИЦЕЮ.

MON PORTRAIT.

Vous me demandez mon
portrait,
Mais peint d'après nature;
Mon cher, il sera bientôt
fait
Quoique en miniature.

Je suis un jeune polisson
Encore dans les classes:

Point sot, je le dis sans
façon
Et sans fades grimaces.

Onc il ne fut de babillard,
Ni docteur en Sorbone —
Plus ennuyeux et plus brail-
lard
Que moi même en personne.

Ma taille à celle des plus
longs
Ne peut être égalée;
J'ai le teint frais, les che-
veux blonds
Et la tête bouclée.

МОЙ ПОРТРЕТЪ.

Ты просишь у меня пор-
трета моего,
Но — списаннаго съ натуры;
Любезный другъ, онъ скоро
будеть готовъ,
Хоть и въ миниатюрѣ.

Я молодой повѣса,
Еще не вышедшій изъ клас-
совъ.

Не глупъ, сознаюсь въ томъ
безъ чиновъ
И безъ притворныхъ ужимокъ.

Не бывало еще ни болтуна,
Ни Сорбонскаго доктора,
Скучивше и горластые

Моей особы.

Станъ мой съ высокими

Не можетъ быть въ уровень;
Я съѣжъ лицомъ; волоса мои
блѣкуры *.

А голова курчава.

* Въ молодости Пушкина волоса его были свѣтлорусы.

J'aime et le monde, et son fracàs, Je haïs la solitude;	Люблю и свѣтъ и шумъ его, Не ненавижу одиночество;
J'abhorre et noises et dé- bâts, Et tant soit peu l'étude.	Терпѣть не могу досаду и пскороковъ *, А — отъ малой части — и ученья.
Spectacles, bals me plai- sent fort, Et d'après ma pencee, Jedirais ce que j'aime encor... Si n'étais au Lycée.	Спектакли, балы мнѣ очень правятся **. И — по душѣ (по мысли) — Сказалъ бы, что еще люблю... Еслибъ не находился въ Ли- цей.
Après celà, mon cher ami, L'on peut me reconnaître: Oui! tel que le bon Dieu me fit, Je veux toujours paraître.	Послѣ этого, милый другъ, Узнать меня можно: Да! такимъ, какъ Богъ со- здалъ меня, Хочу всегда казаться.
Vrai démon pour l'espîè- glerie, Vrai singe par sa mine Beaucoup et trop d'étour- deric. Ma foi — voila — Pouchkine.	Настоящій демонъ въ ша- лостяхъ, Настоящая обезьяна по виду, Я вѣтренникъ большой и даже чересчуръ. Почести таковы — Пушкинъ.

* Прекрасное свойство автора — родное не вѣсьмъ литераторамъ нашего вѣка.

** Пушкинъ былъ душой общества, а веселость его неизстощимая — какъ истинный гений. Таковъ именно былъ юноша Пушкинъ, когда присылалъ мнѣ первые стихи свои для печати. И теперь еще храню я, какъ клейноды, собственноручное письмо его, въ которомъ онъ напоминалъ мнѣ о томъ за два мѣсяца до своей смерти.

Примѣчанія и переводъ стиховъ — И. К — ва.

ПРОДАЮТСЯ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ
ВЪ
книжныхъ лавкахъ издателей:
Коммиссіонера Императорской Академіи Наукъ и
Департамента Народнаго Просвѣщенія Почетн. Гра-
жданина *Ильи Ив. Глазунова*
и
Коммиссіонера Императорской Россійской
Академіи *Матвѣя Ив. Заикина.*